

Олег Фомин

Аквариум

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Олег Вадимович Фомин

Аквариум

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36068641

SelfPub; 2018

Аннотация

Егор – житель российского провинциального города, мужчина тридцати пяти лет, запутавшийся и потерявший ориентиры в жизни, оказывается в странном мире, полном страха и загадок. Мир этот является точной копией его родного города, но вместо людей по улицам бродят твари из ночных кошмаров, на каждом шагу подстерегает опасность, а существование немногочисленных жителей наполнена отчаянием и безысходностью. Борясь за свою жизнь и разгадывая мрачные тайны этого места, Егор незаметно для самого себя претерпевает серьезную перестройку сознания и души, обновление морально-волевых качеств, обретает любовь и смысл жизни. Содержит нецензурную брань.

...И в твоей лишь сокровенной грусти,

Милая, есть огненный дурман,

Что в проклятом этом захолустьи

Точно ветер из далеких стран.

Там, где всё сверканье, всё движенье,

Пенье всё, – мы там с тобой живем,

Здесь же только наше отраженье

Полонил гниющий водоем.

Н. С Гумилев

1.

18:24. Скоро начнет темнеть. Здесь днем-то ничего дальше полукилометра не разглядишь, какой-то вечный полумрак, а ночью вообще ни зги... Только наощупь, прислушиваясь...

Хотя ночью тут вообще не ходят. Люди, во всяком случае. Я сижу на корточках, прижавшись к облупленному цоко-

лю грязно-желтого четырехэтажного здания, вроде бы жилого, в самом углу ниши, где был устроен проходной вход в подъезд. Справа, совсем рядом, протяни руку и коснешься косяка – приоткрытая дверь внутрь дома, впереди, метрах в девяти – угол ниши, за ним – остатки тротуара и проезжей части улицы Сладкова, дальше через высохшие зеленые насаждения проглядывает серая гладь Реки. Взгляд прикован к этому углу неотрывно, стараясь не проглядеть ни малейшего движения. Одновременно, боковым зрением слежу за этой долбанной дверью, всем телом вжимаясь в стену, чтобы быть как можно менее заметным на ее фоне.

18:25. Страшно... Страшно до одури, до головокружения. Сердце периодически ухает куда-то вниз к пяткам, угол левого глаза подергивается от напряжения, хорошо руки не трясутся, только они у меня бесстрашные. Ружье держу на уровне живота, уперев приклад в стену, направив дуло в сторону улицы. Если что – к подъезду развернутся точно не успею. Плохо. Очень плохо. Очень страшно. Очень-очень страшно. Боюсь того, что сейчас должно показаться из-за угла, боюсь того, что может выпрыгнуть из подъезда или из окон над головой. Мне много рассказывали, ЧТО может, хотя сам я ни разу не видел. Наверное, от этого еще страшнее.

Поперся на Речвокзал во второй половине дня, идиот, не утерпел до завтра, теперь – сиди трясись. Хотя, какая разница? В Сарае тоже страшно. Только там страх ровный и постоянный, как гул трансформатора где-то за стеной, а здесь

он яркий и пронзительный, словно сирена.

Интересно – почему здесь Река течет в другую сторону, на Север, хотя остальное все такое же. Почти...

Вообще, страх – это теперь для меня норма жизни. Аксиома. Как, например, земное притяжение или необходимость дышать воздухом и есть. Впрочем, и раньше так было, только в гораздо меньшей степени, страх для меня всегда был лучшим мотиватором. Надо жить по правилам, а то накажут, оштрафуют, посадят и так далее. Теперь все тоже самое, только список последствий другой – убьют, сожрут, разорвут и много чего еще. Наслышан. Рассказчиков вокруг много. А уж тем для рассказов – еще больше.

А если Река течет в другую сторону, может и Юг с Севером местами поменялись? Солнца то здесь не видно никогда, не поймешь... Может она, вообще, специально для меня развернулась? Чтоб было, о чем подумать, пока в этом углу сижу?

18:27. Урода я заметил в 17:02. Почти полтора часа прячусь. Можно, наверное, было попробовать убежать. Говорят, если ты их первый заметил, да к тому же издалека, то они могут, очень-очень редко, и не учуять, но я не побежал. Потому что, что? Правильно. Потому что – страшно. Испугался я и прыгнул в ближайшее укрытие, как учили. А укрытие-то оказалось совсем дерьмовым. Никаким. Странно, что никто до сих пор не вылез меня обнять, тут в домах товарищи ласковые обитают. Любвеобильные.

Хотя пока их не слышно – и хорошо.

Зато слышно Урода. Они вообще тихо не могут. Сопение, хрипение, булькание какое-то – метров на сто разносится. Так что, скорее всего, судя по громкости, он сейчас метрах в пятидесяти от моего угла. Такими темпами до очной ставки еще где-то около получаса, а уж состоится она точно, к гадалке не ходи. Тут два варианта – или бежать, тогда Урод сразу тебя заметит и догонит, скорость и прыть у них звериная, придется драться на ходу, или, как я – спрятаться, подготовиться и ждать. Ждать пока он не окажется в прямой видимости, желательно, на расстоянии ближе десяти метров. Никакая маскировка не поможет, ни кусты, ни заборы. Не знаю, чем они чуют, но они чуют. Без вариантов.

И тогда есть несколько секунд на один единственный выстрел, больше не успеешь – дотянется и нашинкует в капусту. Но и просто выстрелить мало – надо именно попасть, причем, естественно, чем ближе Урод, тем лучше. Поражающие элементы наших ружей, не знаю, как еще назвать, то чем они стреляют, расходятся углом градусов в десять, и расстояние до цели обратно пропорционально кучности и убойности поражения. Таким образом, путем проб и ошибок, и путем надо отметить довольно трагичным, было установлено, что гарантированно завалить Урода можно точным выстрелом в голову с расстояния от двух до шести метров. В упор нельзя – самого посечет, дальше шести метров тоже не надо – супостат не сдохнет, а отлетит поврежденным, но живым,

и пока ты будешь судорожно перезаряжаться, доковыляет и порвет, силы хватит даже у раненого.

Лично я ни разу еще Урода не заваливал. Не потому что прошлые попытки были неудачными, неудачная попытка у нас тут обычно единственная, она же последняя, а потому, что почти не было еще таких вот романтических свиданий тет-а-тет, все как-то издалека, чаще даже через бинокль. Не было, не было, а вот теперь нате! Хорошо хоть один, бывает стаями шатаются. Хотя мне и одного за глаза...

Господи, как страшно. За что мне все это? Почему я? Может лучше не сопротивляться, опустить ружье и ждать? Может лучше так, чем такое вот существование в вечном страхе, голоде и грязи? Сколько раз об этом думал...

Страшно. И это тоже страшно. И еще десять тысяч раз страшно-страшно-страшно.

И вообще, как представлю, как эта тварь меня заживо рвать будет, и что я при этом буду чувствовать, а воображение у меня с детства хорошее, яркое такое, богатое воображение, так сердце опять куда-то вниз камнем и по спине озноб.

Страшно жить, короче, а умирать – еще страшнее.

Поэтому и сижу тут в углу с ружьем. Партизан, бля... Водки бы сейчас, грамм двести. И покурить. И в туалет...

А если Река специально для меня развернулась, может тут вообще все специально для меня устроено? Типа шоу Трумэна? Реалити такое. Найти бы продюсеров...

18:30. Полседьмого. Еще минут пятьдесят – час и кирдык – свет выключат. Причем практически в прямом смысле. Время суток здесь меняется молниеносно. Сумерки длятся от силы минуту, потом ночь. Ни звезд, ни луны, вообще ничего, только звуки. И Уроды. И прочие, их тут много всяких. Им свет на хрен не нужен. Они тебя и в темноте найдут и сожрут. Или что похуже. Да, бывает и похуже, но об этом лучше сейчас не думать, а то в туалет хотеться перестанет.

Часы "Электроника" примотаны прямо к ствольной коробке, чтобы достаточно было просто опустить глаза, а не вертеть рукой с ружьем. Умные люди научили, как и за временем следить, а в некоторых ситуациях это просто жизненно необходимо, и оружие наготове держать. Хотя где сейчас все эти умные?.. Правда один-то точно знаю где, видел около площади Доблести. По стенам ползает, рычит. Остальные, надеюсь, просто померли.

Сопение Урода все ближе. Блин, вот что он делает? Картошку копает? Почему нельзя просто ходить? Нет, надо перебегать, чаще на четвереньках, с места на место, замирая на несколько минут в самых нелепых позах, и хрипеть, хлокотать. Может они так сканируют все вокруг неведомыми органами чувств. Может... А может и нет. Кто их знает, они же – Уроды.

Вообще, когда я в первый раз их увидел, точнее – его, один он охотился, – это было что-то. Ни в сказке сказать, ни пером описать. А если еще учесть, что он, вообще, был первым

живым существом, которое я здесь встретил за весь день истеричных хождений по Городу, то даже мне самому сложно вспомнить ту глубину чувств, которую я тогда испытал.

Помню, сидел около памятника Склифосовскому, слезы и сопли по лицу размазывал, жалость к себе очередной раз настигла. К Богу взывал, к судьбе, вобщем, занимался любимым своим делом. Сижу, ничего не понимаю. Где люди? Что с Городом? Почему я в зимней одежде? Все проснуться пытался, за руки себя щипал.

А оказался я там тогда не случайно – вид оттуда больно хороший. Отлично просматривается часть набережной, пару примыкающих к ней жилых кварталов и тот берег Реки, где летом лагеря ставят. Тот берег не увидел. То ли нет его больше, то ли за туманом этим гребаным скрылся. А вот все остальное – как на ладони. И все надеялся я увидеть хоть одну живую душу, страшно больно одному было... И увидел. Не факт, что душу, но точно живую.

Смотрю – внизу, под парашютом, мужик на четвереньках ползет, да шустро так, как таракан по стене. Хорошо – не дернулся тогда, не крикнул, а просто застыл – уж больно странно он двигался. Так что я его метров с тридцати хорошо разглядел, а он меня еще не чувял.

Жутко, надо сказать, он выглядел. Очень жутко. Как я тогда штаны не намочил – вообще непонятно. Вобщем, надо взять высокого, худого, но жилистого и плечистого мужика, удлинить ему раза в полтора руки и ноги, немного вывернув

суставы наружу, вытянуть также пальцы на руках, снабдив их чуть загнутыми когтями сантиметров по пять каждый, челюсти выдвинуть и натывать в них гипертрофированных острых, неровных зубов, непропорционально торчащих в разные стороны, и ненадолго поджечь. Потом, когда кожа местами слезет, а местами запечется корочкой, потушить, оторвать нос и уши, оставив вместо них гниющие дыры, и посыпать обгоревшего товарища чем-то типа пепла для придания отвратительного сине-серого цвета. Вот то, что получится, и будет самым настоящим Уродом. К описанному надо добавить еще и жуткие раскосые глаза, затянутые какой-то розовой пленкой, лысый облезлый череп и нечеловеческую скорость, ловкость и силу...

Короче, встреча была еще та. Протрясающая...

Конечно, он меня тогда учуял. Мне повезло, что я был наверху, не сразу он до меня добрался, а когда все-таки почти добрался, вмешались добрые люди с оружием, нашлось-таки человечество, точнее какая-то непонятная его часть. Жаль вот сейчас вмешаться некому; я из того самого человечества на Речвокзале один – это я точно знаю.

18:48. Вот он! Вывалился резким, ломаным движением из-за угла. Сегодня гуляет на двух ногах. Застыл спиной ко мне, сгорбив спину, заклокотал, затрясся. Сгусток ночных кошмаров на улице страшного, темного города. Он здесь хозяин, он плоть от плоти этого мертвого мира. Здесь нет места людям, здесь нет места мне.

Господи!

Это страшный сон! Дай мне проснуться! Пусть все будет как раньше!

Вот и руки затряслись. Дуло ружья заходило ходуном, спина покрылась холодным липким потом, мир сузился до перспективы уходящей вдаль грязно-желтой стены с жуткой тварью на горизонте. Неожиданно Урод перетек на противоположную сторону улицы, все также не оборачиваясь, застыл высоким угловатым силуэтом. Перетек опять, еще дальше.

Неужели не учуял? Не может быть, он же прошел так близко! Я замер, не в силах поверить в удачу, боясь дать себе надежду, что все еще может обойтись...

Нет, не может. Не знаю, что он там услышал – мое дыхание, бешеный стук сердца, какая разница, просто сопение вдруг прекратилось и Урод резким, каким-то совершенно неестественным движением, чуть-ли не из-подмышки, оглянулся прямо на меня. Даже с такого расстояния я различил за розовыми бельмами вспыхнувшие зрачки, раздался какой-то утробный скулеж, постепенно переходящий в хриплый торжествующий вой, и тварь также неестественно, но очень-очень быстро, как будто вывернулась наизнанку в мою сторону, опять застыла, покачиваясь, а потом бросилась на меня.

Дальше все, как во сне. Классическом кошмарном сне. Время стало киселем. Густым, чуть теплым киселем, который разливали по граненым стаканам и ставили на подно-

сы в детском саду. И в этом киселе, преодолевая сопротивление среды, медленно-медленно двигались вверх мои руки с ружьем, а на меня также медленно летело, визжа, жуткое нечто из преисподней. Мощные конечности подминают трескающийся асфальт, горящий взгляд прикован ко мне, острые неровные зубы оскалены, кожа и мясо на лице местами слезли, позволяя во всех подробностях разглядеть строение уродливых челюстей.

Никаких ключевых событий жизни не промелькнуло у меня в голове. Никаких навязанных стереотипов предсмертных видений меня не посетило. Я сжался в комок, закрыл голову руками, и заскулил, в то время как кто-то другой, тоже нервный, тоже испуганный, но не такой безвольный и слабый, повторяя быстро-быстро одно единственное матерное слово, выпрямился, судорожным движением поднял ружье, уперев приклад в плечо, и дождавшись, когда Урод влетит в мысленно подсвеченную красным шестиметровую зону, нажал на курок.

Оружие вздрогнуло, немного ударил приклад, и еще плотный и мощный заряд срубил несущуюся тварь четко посередине красной зоны. Голова Урода превратилась в направленный против хода движения взрыв грязно бордовых ошметков, а безвольное тело его по инерции пронеслось дальше и, описав ногами вперед почти полное сальто, рухнуло прямо передо мной подергивающейся, но уже совсем мертвой кучей. Вот такие у нас ружья... Вот такие у нас нер-

вы! Именно тогда, когда надо, и туда, куда нужно. Шварценеггер...

Мои два разных я соединились и вместе стали повторять все то же матерное слово, тело, переполненное адреналином, несколько раз смешно подпрыгнуло на неестественно вытянутых ногах, а потом начало медленно съезжать по стене.

Я жив! Жив! Я убил Урода! Сам! Он мертвый, а я живой! Я живой, потому что он мертвый! Он, бля, мертвый, потому что я живой!

Я лежал в этом грязном углу и улыбался. Сердце и дыхание постепенно успокаивались. Через кусты на той стороне дороги, просвечивала Река, и мне даже на секунду показалось, что вода в ней не серого, а того глубокого ярко-синего летнего цвета, который я видел в последний раз тогда, когда Река еще текла с Севера на Юг. Тогда в ней можно было купаться...

А в мире можно было жить...

Так, сейчас поднимаюсь и бегом в сторону Сарая. Сделать то, за чем сюда шел, уже не получится. Тупо – не успею. Теперь главное – уйти. Уйти подальше от Речвокзала, здесь спрятаться на ночь точно некуда. Найдут в любой щели. Найдут, выковыряют и сожрут.

Сейчас еще полминуты полежу, соберусь с силами, чтобы ноги не тряслись, и побегу. Затылок опустился на землю...

Я открыл глаза. Взгляд скользнул вверх по стене, по желтой штукатурке, которая местами осыпавшись, улыбалась се-

рыми силикатными зубами кирпичей. Стена быстро темнела. Темнели кирпичи, темнели пустые проемы окон, карниз, полотенце, свисающее с козырька подъезда...

Стоп! Какое на хрен полотенце!?

Что-то серое, тяжелое и очень вонючее мягко придавило меня, лишив возможности двигаться. Это нечто мелко-мелко вибрировало; от него исходили буквально физически ощущаемые эманации голода и нетерпения. Я даже не успел толком испугаться, шею мою сильно сдавило, а голову прострелила резкая огненная боль.

И тут выключили свет.

2.

Голову прострелила резкая огненная боль. Егор проснулся и сел на кровати, сдавив виски. В голове, помимо боли, бушевали отзвуки какого-то жуткого сна, но подробностей его Егор не помнил. Помнил только то, что ему было очень страшно.

Дотянулся до бутылки с водой, стоящей на полу рядом с кроватью, жадными глотками утолил жажду. Стало немного лучше. Пульсация в висках затихала, сердце успокаивалось.

"Допьюсь скоро до инфаркта." – привычно шевельнулось в голове.

За шторами было светло. Егор нащупал телефон на прикроватном столике, нажал кнопку. С прямоугольного экрана на него взглянула улыбающаяся дочка и цифры 6:28. "За две

минуты до будильника. Может переставить еще на часок или вообще не идти сегодня на работу, позвонить, сказать, что заболел? Нет уж. Лучше на работу. Дома, вообще, с тоски сдохну".

Воскресные вечерние опохмелки после бурных выходных медленно, но верно, входили в норму жизни, и с каждым разом количество выпитого на ночь неуловимо возрастало. Причем опохмелки эти Егор проводил в одиночестве, что для него являлось верным и безоговорочным признаком второй стадии алкоголизма. В этом плане он себя не обманывал и не придумывал оправданий.

Наскоро разогрев кофе, Егор вышел на лоджию, сел и, закуриив, мутным взглядом посмотрел на Реку, величественно несущую свои воды в каком-то полукилометре от его дома. С десятого этажа открывалась шикарная панорама: солнце уже взошло, вода в Реке была ярко синей, небо голубым, а противоположный берег и острова пестрели сочной летней зеленью. Ярко белые катера и Омики резкими прочерками разрезали водную гладь. День обещал быть жарким. Однако, душевное состояние Егора исключало удовольствие от любования пейзажем, все было привычно и неинтересно.

Сходив в душ и затолкав в себя бутерброд, Егор посмотрелся в зеркало. Да. Ну и рожа. О поездке за рулем не могло быть и речи. Гаишнику даже не надо будет принюхиваться – тут и так все понятно.

Вызвал такси, оделся, вышел на улицу, закурил еще. Ста-

ло только хуже. Мутное состояние усугубилось. "Скорее бы они уже вернулись, а то ведь совсем сопьюсь тут один" - подумал Егор о семье, проводившей отдых на турбазе, глядя на подъезжающее такси.

Маршрут до места работы был живописным, тем-более летом. Почти все-время по набережной, вдоль Реки, но Егор смотрел в другую сторону, прислонившись к прохладному стеклу лбом и прикрыв глаза, машинально отмечая привычные мелькающие здания и перекрестки. Машина иногда подсакивала на ухабах, и Егор болезненно морщился. Было ощущение, что от этих прыжков мозг больно бьется изнутри о стенки черепа.

Проезжая Речвокзал, водитель притормозил, пропуская кого-то на пешеходном переходе, и взгляд Егора уперся в подъезд старого желтого здания, буквой Г стоявшего на пересечении улиц...

И тут голову опять пробил огненная стрела, да так резко, что Егор не смог сдержать стона. Накатила волна страха, даже не страха, а панического ужаса, желания бежать без оглядки, бежать со всех сил все равно куда, лишь бы отсюда... А потом двадцать пятым кадром перед глазами вспыхнул образ какого-то жуткого зубастого существа, смотрящего на Егора яростным взором через розовые бельма. Вспыхнул и погас, оставив ощущение прикосновения к чему-то невыразимо отвратительному и жуткому, ощущение полной безысходности и горя.

Молчаливый таксист бросил взгляд в зеркало заднего вида и лениво поинтересовался:

– Что, хорошо вчера погулял?

– Да, перебрал немного, – смог прохрипеть Егор, продираясь через дебри головной боли и ужаса.

– Я сегодня тоже после суток пивка долбану, – уже скорее самому себе мечтательно протянул водитель и, видимо, давая понять, что разговор окончен, прибавил громкость радио.

Егор постепенно приходил в себя. Боль в голове стихала, мысли медленно прояснялись.

"Так, панические атаки у меня уже случались, но вот глюки... Может это и есть та самая белочка?" – попытался он отшутиться сам от себя. Но отшутиться не получалось. Весь тот негативный спектр чувств, поразивший его во время видения, все еще мощным фоном стоял над душой. Хотелось плакать, как будто случилось что-то настолько трагичное и непоправимое, что оставалось только прыгнуть в омут головой или повеситься. Безотчетная тревога сдавливала грудь, а перед глазами все еще возникали острые кривые зубы, проглядывающие через прогнившие щеки, и красные огни зрачков, полных злобы и голода.

И уже почти доехав до работы, придя в более-менее сносное состояние, Егор вспомнил, что началось все именно с того желтого дома и подъезда. Словно он уже видел все это, только совсем в другом месте и при других обстоятельствах.

Это было сродни ощущению дежавю, но не проходило постепенно, а наоборот – обрастало подробностями. Деревянная дверь, облезлая стена, пустые окна квартир, бетонный козырек... И страх. Снова страх...

Контора занимала весь второй этаж нового офисника в недавно ставшем "деловым" районе города. "Хоть какой-то плюс похмелья" – подумал Егор, глядя на тройной ряд припаркованных машин, машинально прикидывая, кого бы он перекрыл, будучи за рулем.

Кивнул охраннику на вертушке, поднялся один этаж по лестнице и оказался перед большой железной дверью с вывеской "ВымпелСтройПроект".

Работал Егор, как ни странно для нынешнего времени, по специальности, полученной в институте, инженером-проектировщиком, то бишь – конструктором. Занимался в основном расчетами, хотя брался и за рабочее проектирование. Фундаменты, балки, опоры, консоли, металлоконструкции, моменты, эпюры – все это составляло привычный профессиональный фон трудовой деятельности.

От природы способный и трудолюбивый, Егор сразу после института устроился в спокойную проектную организацию, которая звезд с неба не хватала, но и без работы не сидела. Лояльно относилось тогдашнее руководство и к левым заработкам сотрудников, поэтому первые лет пять после ВУЗа Егор в геометрической прогрессии набирался опыта, обрастал связями, зарабатывал репутацию. Брался за все заказы,

ни от чего не отказывался, и еще до тридцати обрел уверенность в себе в профессиональном плане и стал зарабатывать достаточно, чтобы содержать недавно обретенную семью, ездить на своей машине, жить в своей квартире и ежегодный отпуск проводить за границей. Сменил несколько контор, пытался прорваться в нефтянку – не дали, там конкуренция бешенная, но даже на ниве проектирования объектов гражданского строительства все равно хватало.

Хватало. И перспективы были. Были даже мысли, что пора бы уже открыть что-то свое, уйти от "дяди", и, наверное, когда-нибудь эти мысли воплотились бы в жизнь...

Но что-то случилось.

Сейчас Егор не смог бы даже примерно определить временной период начала перемен, но они начали происходить. Нет, дело не в кризисе, парализовавшем экономику страны, дело не в нескольких очень неприятных стрессовых жизненных ситуациях, сильно расшатавших психику, дело не в начавшихся портиться отношениях с женой. Дело было в самом Егоре. Он понял это совсем недавно, но это было так.

Какая-то программа внутри, заложенная природой в каждого нормального человека, дала сбой, и душа совершенно незаметно и совершенно необратимо отклонилась от правильного курса и пошла по случайному вектору, с каждым годом уводившему ее все дальше и дальше в неизвестные дебри. Пропал сон, появилось неясное, постоянно давящее чувство, вскоре оформившееся в безотчетную тревогу, воз-

никла излишняя эмоциональность, реакция на негатив выросла в разы. Короче говоря, после тридцати лет Егор узнал значение непривычного заморского слова "депрессия", которое раньше считал уделом исключительно одиноких домохозяек, и понял, что, как выразился один психотерапевт, коих пройдено было немало, норадреналин в его организме одержал решительную победу над серотонином.

К тому же Егор выпивал. Выпивал давно – с института, даже, скорее, со школы. Праздников было много, компании были веселые, и до поры до времени это не приносило ему никаких хлопот. Однако позже, видимо, под воздействием все того же вектора, выпивка стала для него уделом одинокого расслабления и меланхолии, нежели как для всех остальных – способом повеселиться и пообщаться. Алкоголизм на фоне депрессии или депрессия на фоне алкоголизма – Егор устал гадать, что было раньше – курица или яйцо. Сейчас для него это уже не имело решающего значения. Имело значение то, что весь заложенный в него потенциал и все его прошлые достижения стали медленно, но верно растворяться. Пропал интерес к жизни, работе, спорту. Пропали друзья. Не из-за каких-то ссор или разногласий, просто не хотелось общаться, да и они, замечая, но не понимая произошедшие в нем перемены, постепенно отдалились. Ругань с женой, с коллегами по работе; Егор стал угрюмый, нелюдимый и раздражительный. Пропал заработок. Не совсем конечно, какой-то необходимый минимум достатка Егор был

еще способен обеспечить, но никаких планов на будущее уже не строил, в директора не метил, а сидел себе в этой конторе последние года три и вел себя, как кактус, ненавидя себя и всех...

Единственной отрадой в жизни оставалась дочка. Ее Егор любил так, как любой нормальный отец любит своего единственного ребенка. Нет, даже чуточку сильнее. Намного сильнее.

Но если раньше мысли о ней наполняли душу Егора радостью и счастьем, то сейчас он с каждым разом испытывал все более жгучий стыд и отчаяние. Ему было стыдно за себя, за то, что он, отец, защитник, позволил себе так размякнуть, превратиться в кисель. И когда дочери понадобится настоящая помощь и твердая родительская рука, сможет ли он ей все это дать? Нет, думал Егор. Не смогу.

И пил. А потом мучился страхом и ненавистью к себе. А потом снова пил...

Вобщем, в сухом остатке имеем: ранним утром понедельника перед дверью в офис стоит тридцатипятилетний похмельный мужик интеллигентного, хоть и немного помятого вида, страдающий от хронической депрессии, потерявший цель и ориентиры в жизни, не видящий и не хотящий ничего в будущем, которого сегодня по дороге на работу впервые в жизни посетила белочка.

Аплодисменты!

Егор провел карточкой по датчику, дверь тихо пискну-

ла и отворилась. Мерзкий, оценивающий взгляд поверх очков секретарши Дынечки, сидевшей в холле и встречающей посетителей, молчаливый кивок Егора, подобие кивка в ответ, полного высокомерного презрения. Будучи не с бодуна, можно было бы сказать какую-нибудь гадость насчет ее внешнего вида, но не сегодня. Сил нет. Сейчас быстрее на рабочее место, а то жвачка во рту уже исчерпала все свои соки, и любое общение с сотрудниками выдаст его с потрохами.

– Доброе утро! – не поднимая глаз, произнес Егор, входя в комнату, точнее, просторный офисный рабочий зал. Упав в опостылевший стул, Егор нажал кнопку на блоке питания и, пока компьютер просыпался, огляделся вокруг. Почти вся компания в сборе. Пенсионерки, видимо, как всегда приперлись часов в семь и сейчас сидят, уткнувшись носами в мониторы. Более молодая часть коллектива пьет кофе, докрашивает ногти и тихо переговаривается между собой. Лето, вяло текущий кризис, серьезных заказов нет, поэтому все расслаблены и думают скорее не о работе, а уже о следующих выходных. Нет на месте только главного конструктора, Алексея Алексеевича, он в отпуске на даче, и молоденькой, недавно устроившейся Машеньки. Но это не нонсенс; она, вообще, девушка летящая, может прийти и к обеду, ничего не боится.

Зашел зам, поименно позвал избранных на планерку к директору. Счастливики удалились, а остальные постепенно

притихли и занялись работой или чем-то еще – Егор не видел их мониторы. Все рабочие места были обставлены папками, каталогами, фикусами и прочим, чтобы максимально обеспечить уровень защиты от чужого взгляда. "Как партизаны в окопах" – подумал Егор, хотя его рабочее место в принципе тоже было похоже на блиндаж. "Докризисная привычка, когда было много леваков" – придумал сам себе оправдание он и усмехнулся про себя.

"А на планерку опять не позвали" – мелькнула было мысль, но тут же захлебнулась в волне безразличия. "Скоро совсем со счетов спишут. Ну и хрен с ними! Дворником пойду работать."

Похмельное утро на работе всегда тянется мучительно долго. Мысли тяжело ворочаются в голове, расчеты продвигаются как улитки, а от стимуляторов, типа кофе и сигарет, становится только хуже.

Ближе к обеду позвонила жена. Равнодушно поинтересовалась, как дела, и с небрежно скрываемой ноткой злорадства рассказала, как они там весело купаются-отдыхают. Дала трубку дочке, Егор было оживился, но та, видимо увлеченная какой-то игрой, отрапортовала "Папа, я тебя люблю!" и отдала телефон маме, которая, сказав "Алло", оборвала звонок.

"Вот и поговорили", – привычно подумал Егор и вздохнул. Недавно речь первый раз зашла о разводе и, видимо, далеко не последний. "А что ты хотел? В зеркало на себя глянь,

грустный член, блин" ...

Наконец, время подошло к двенадцати. Наскоро пообедав в столовке на первом этаже, Егор помчался на маршрутку. Надо было забрать машину. Во-первых – вечером на дачу за дедом, а во-вторых, будучи за рулем, Егор не так сильно ощущал себя алконавтом. Все-таки личный автомобиль в какой-то степени дисциплинирует, не давая окончательно скатиться в синюю яму.

Вернулся на работу почти вовремя. Мозг заработал более ровно, мысли устаканились, и расчет был доделан и отправлен на сервер. Висела еще одна небольшая халтурка на стороне, но на нее было решено сегодня забить, так как заказчик был человек спокойный и неторопливый и конкретных сроков не поставил. Поэтому оставшееся до пяти время Егор бесцельно ковырялся в дебрях интернета, равнодушно просматривая веселые картинки и ролики, да время от времени пялился на туго обтянутую джинсами задницу Машеньки, когда она проходила мимо, но тоже скорее по привычке, вроде как – я мужик, как же мне не посмотреть. А ведь года три назад случая пофлиртовать, а может и завести интрижку он, наверное, бы не упустил. Тем более, что Машенька эта, хоть и с пустой головой, зато всем остальным была оснащена на славу.

Короче, вроде все было как всегда, но постепенно Егор отметил, что душевный дискомфорт, который он с утра списывал на похмелье, а потом на свое психическое состояние в

целом, сегодня был какой-то другой. Как будто в привычное гудение роя пчел в голове вклинился басовитый шмель. Тоска была какой-то совсем уж щемящей, тревога более острой, предчувствие беды не проходило. Он даже позвонил жене, терпеливо раза четыре натываясь на механический голос, утверждающий, что абонент занят, потом все-таки поговорил с ней и с дочкой – "у нас все хорошо, мы отдыхаем, когда вернемся пока не знаем, ты же ведь один фиг на работе".

Все равно, что-то было по-другому.

"Наверное, следующая стадия депрессии; интересно сколько их всего? Те, кто знает, к сожалению, уже не ответят... Пипец, что ж как тяжело-то? Видимо, придется сегодня опять накатить", – наконец родилось в его голове, и со смешанным чувством облегчения и стыда Егор немного приободрился.

Отстояв в пробке на выезде из города, ладно хоть не пятница, добрался до дедовской дачи. Тот сидел в полной боевой готовности на рюкзаке, с корзинами первого урожая. На дачу заходить даже не стал. Погрузив все в багажник и пристегнув деда, который ни разу в жизни не справился с ремнем самостоятельно, помчался назад. По дороге Егор был досконально проинформирован о всех плюсах и минусах текущего дачного сезона, неудачах местной, когда-то горячей им любимой, футбольной команды, повышенном давлении и подвигах послевоенной дедовской молодости. Стараясь не слишком выпадать из беседы, Егор отвечал коротко, четко,

даже задавал какие-то вопросы, хотя шмель в голове уже явно начал перекрывать ставших такими родными пчел.

"Я сегодня по ходу – Винни Пух, блин! Че за фигня? Скорее бы приляпать."

Доехали. Знакомый с детства пятиэтажный дом, двор, с которым связано столько хороших воспоминаний, лавка, на которой когда-то любила читать газету бабушка, потрескавшийся асфальт, горбатые деревья. Все, когда-то бывшее родным, все за что хотелось подержаться, почувствовать тепло и счастье прошлого, постепенно становилось чужим и ускользало из рук. А может становился чужим сам Егор?

Помог деду подняться в квартиру, отказался от чая и, наскоро попрощавшись, прыгнул в машину.

"Так, 21:20, магазины еще работают; покупаю пузырь и домой. Сил совсем нет, видимо паническая атака начинается, да что же это со мной сегодня?"

В алкомаркеты заезжать не стал. Противно было толкаться в очереди с совсем уж синими людьми. В их лицах Егор отчетливо видел свое очень возможное будущее. Остановился на парковке крупного сетевого магазина. Зашел, взял корзину. Так – пельмени, плавленый сыр, сок, чай вроде кончался, и вот наконец вождеденная витрина – блестит, сверкает этикетками, радуется разнообразием форм... Тфу, бя! Положил в корзину дорогую бутылку водки и с неизменным в таком случае чувством стыда пошел к кассе.

Все, домой! Сейчас полегчает... А завтра опять – два-

дцать пять. Сколько можно так жить? Семья приедет, надо брать себя в руки. Только как, если в руках бутылка?

Ехал домой не низом по набережной, а по Старогвардейской. Летний вечер постепенно вступал в свои права. Солнце село, светился огненно-красным горизонт за Рекой, мелькали в небе стрижи, зажигались фонари. "Красивый закат", – вдруг подумал Егор, проезжая мимо площади Доблести, на которой гордо высился один из символов города – памятник Склифосовскому.

И тут, не осознавая себя, Егор остановил машину около автобусной остановки, прямо под знаком, вылез и, словно зомби, пошел через площадь к памятнику. Мимом пронеслись лихие парни на скейтах, нарезали круги симпатичные девчонки на роликах, неспешно прогуливались семейные пары с колясками. Смех, веселые крики, спокойные разговоры – звуки людного места большого города летним вечером. Егор ничего не видел и не слышал. Он дошел до парапета, окинул взглядом горизонт, противоположный берег Реки, где уже зажигались костры летних лагерей, а потом опустил взгляд вниз...

И снова вспышка, стрела через голову, ощущение безвозвратной потери и тварь, ползущая к нему прямо по стене. Та же самая тварь, что и утром. Исчезли люди, исчез закат, река, деревья, дома потускнели, словно пропущенные через сепию. Из мира ушла жизнь. Остался только Егор и существо с горящими глазами. Животный ужас охватил все тело. Егор

хотел кинуться бежать, развернулся, всей спиной и затылком ощущая ненавидящий взгляд сзади, сделал первый шаг; ноги подкосились, и мир, завертевшись бешеной каруселью вокруг, вдруг снова взорвался привычными звуками и цветами, а карусель оборвалась жестким ударом об асфальт...

– Мужчина, Вам плохо? Мужчина?

– Может скорую?

– Да бухой по ходу...

Егор с трудом сел, ощупывая лоб. Крови нет, но шишка будет знатная. Еще жутко болела подвернутая нога. Он огляделся. Вокруг толпились люди; не то чтобы много, в основном пожилые, но в глазах у них Егор прочел искреннее сочувствие. С трудом ворочая языком, он объяснил, что просто подвернул ногу, что не стоит беспокоиться, все в порядке.

"Точно – белочка... Ну, наконец-то! Здравствуй, дорогая..."

Люди расходились. Егор медленно поднялся. Все так же шуршали скейты, ролики, кто-то смеялся – мир был жив, о его падении уже забыли. Он снова подошел к парапету, положил руки на нагретый летним солнцем гранит и заглянул вниз. Никого. Точнее, наоборот, народу много. Идут по лестницам люди, прямо внизу расселась громкая компания молодежи, два ппс-ника лениво прогуливаются рядом. Все как обычно. Никаких зубастых чудовищ.

Синюю гладь Реки в ослепительных бликах солнца рассекают катера, редкие облака, подсвеченные снизу розовым,

неподвижно висят в небе. Справа от него сверкает позолоченными куполами храм Георгия Победоносца, внизу набережная, за ней – еще полный народа пляж, чуть левее бассейн ВВС, стоящий прямо на берегу, еще левее – городская ГРЭС вонзила в закатное небо три высоких красно-белых трубы.

И тут зрение снова сыграло с Егором злую шутку. В глазах несколько раз вспыхнули горизонтальные полосы с помехами, как на видеокассете, где поверх новой записи, прорываются изредка кадры старой. Пространство несколько раз потеряло яркость и глубину, картинка стала какой-то плоской и неживой, и Егор увидел большой красивый пассажирский пароход, который почему-то не плыл по опустевшей и посеребрившей Реке, а висел в пятидесяти метрах над Речным проспектом, насаженный на трубы электростанции.

Вспыхнуло раза три, оставив в памяти эту сюрреалистическую картину, и снова все стало нормальным. Цветным, ярким, привычным.

Стряхнув наваждение, Егор нашел в себе силы повернуться спиной и заковылял в сторону машины. Подвернутую лодыжку простреливало при каждом шаге, голову нещадно ломало.

"Господи, что за бред! Я сошел с ума! Быстрее на хрен отсюда! Домой!"

Он плохо помнил, как доехал до дома. Вроде раза два проскочил на красный, чуть не попал в ДТП, долго тыкал не ту

кнопку на пульте от парковки, наконец, открыв ворота, чуть не снес об их угол переднее крыло, кое-как припарковался на свое место и только тут выдохнул.

Нарочито спокойно, но с трясущимися руками, открыл багажник, достал дежурную рюмку, распечатал бутылку водки. Налил. Выпил. Запил соком. Тут же опрокинул еще одну. Закурил.

Начало отпускать. Мир ворвался в уши Егора шумом трансформатора, эхом от его шагов по паркингу и криками, доносившимися с улицы через открытые ворота. Там играли дети.

–Егорка! – вдруг раздался чей-то окрик.

–Егорка, домой, Егорка!

3.

– Егорка! Егорка, мать твою за ногу! Ты там кони не двинул?

– Не, вон дышит, жмурится...

– Леший, накапай ему еще бальзаму, а то так и будет валяться. Нагадит еще в портки, вонять будет.

Я плавал в кипятке. В горячей вязкой темной жидкости. Все тело, все кости, органы, каждый кусочек тела жгло. Но больше всего шею. Шея просто пылала.

Попробовал открыть глаза – свет резанул, пришлось зажмуриться. Сквозь бред почувствовал, как чьи-то шершавые руки грубо приподняли мою голову, мозолистые пальцы разжали губы и влили в рот какой-то горькой жидкости. Судо-

рожно сглотнул. Горло стало жечь даже больше, чем шею, но постепенно перестало и даже начало как-то холодить. По телу пошла волна блаженной прохлады, и, когда она добралась до головы, я все-таки смог открыть глаза.

Слепящее огненное пятно постепенно сфокусировалось в круглую лампочку на кривом проводе, свисавшую с бетонного, плесневелого потолка. Темные швы плит уходили в темноту за пределы освещенного круга. Повернуть голову я пока не мог, поэтому весь мир для меня сосредоточился в этом круге. Тело жгло уже меньше, хотя шея все-равно горела нестерпимо.

– Ну что, очухался, Рэмбо?

В мой маленький круглый мир нагло вторгнулось чье-то лицо и с усмешкой принялось меня рассматривать. Мужик. Лет сорок–сорок пять. Довольно харизматичная внешность. Прищуренные голубые глаза с лучиками морщинок, волевой подбородок, сломанный нос, старый шрам через бровь, и абсолютно лысый. Синяя майка с каким-то шевроном на груди, на руках почему-то кожаные перчатки.

"Борода" – всплыло в сознании слово, точнее имя. Я его знаю. И он меня, видимо, тоже.

– Даже не знаю – медаль тебе на задницу прицепить или пристрелить на хрен! Сам чуть компостом не стал, да еще и нас с собой прихватить хотел. Хотя Урода разнес – просто классика! Учебник можно писать. Вот уж от кого, так от тебя такого не ждали...Ну давай, колись, зачем на Речвокзал

поперся?

– Подожди, Борода, минут десять еще надо, пока бальзам подействует. Он сейчас только крикать может.

Второе лицо показалось слева. Еще один мужик – примерно мой ровесник, плечистый, высокий, давно небритый, лохматый весь какой-то. В этот раз идентификация личности прошла быстрее.

"Леший. Алексей его зовут. Тоже его знаю. Так, стоп, что они там говорили про Речвокзал?"

...Речвокзал, Урод, желтый дом, одеяло... Отрывки образов начали связываться в цепочку событий, и тут в голову ворвались просто гигабайты информации о том, кто я, кто эти люди, где я сейчас нахожусь и чем здесь занимаюсь. Точнее, где нахожусь, не знаю ни я, ни эти люди, которых можно назвать, нет, не друзьями, а скорее, партнерами по выживанию, сплоченных необходимостью как-то существовать в этом страшном месте. Мы не знаем, где мы, зато очень много знаем о том, что вокруг нас, и знания эти оптимизма совсем не приносят...

Попытался повернуть голову. Получилось, но шея опять запылала болью, как от свежего ожога. Так, просторный прямоугольный зал с низким потолком и обшарпанными бетонными стенами, освещенный несколькими тусклыми лампами. Слева – коридор, уходящий в темноту, справа в стене – массивная стальная дверь, типа банковской, с круглым штурвалом. В углах стеллажи с разнообразным хламом,

вдоль стен панцирные кровати с потертыми матрасами, шкафы и еще куча разного барахла различной степени необходимости. Окон нет. Вместо них на стенах тут и там приклеены плакаты с голыми красотками на фоне шикарных автомобилей и тропических пейзажей, очень нелепо здесь смотрящиеся.

Короче, я в Сарае. На нашей базе, главной стратегической позиции и ... Я типа дома.

И еще одно приятное открытие – моя правая рука накрепко примотана цепью к чугунной батарее. Без фанатизма, но реально накрепко. Цепь замкнута нехилым навесным замком.

– Ну что, Егорка, не врубаешься пока? – снова склонился надо мной Борода. – Ладно, тогда быстро ввожу в курс событий. Ты, я, он и даже он, – кивок куда-то за мою спину, – Короче все мы – сотрудники спецназа ГРУ Российской Федерации. Профессионалы, бля. Жопами головы неприятелю умеем откручивать. Находимся на особо секретном задании в самом сердце вражеского Пиндостана. В нашу задачу входит...

– Хорош гнать, Бородатый, – смог прохрипеть я, не оценив этого искрометного юмора.

– Смотри, а наша принцесса то уже соображает! Да грубит к тому же. Что, Егорка, Урода завалил – сразу борзый стал? На хрена только бальзам на тебя тратили, Бэтмен хренов!

– Извини, – пробормотал я. – После Урода ничего не пом-

ню. Что было-то?

– А спасли мы задницу твою дурную, причем второй раз уже. Херня какая-то тебе голову открутить пыталась, а мы не дали. Так что, должок твой удвоился.

Точно! Одеяло, там на подъезде. Вот почему, видимо, шея так горит...

– А как вы... Как там?..

– Как мы там оказались? – Борода заржал. – Следили за тобой, балбесом. Дядя Миша еще давно подметил, что ты жрачку не доедаешь, а ныкаешь куда-то, порох собираешь, дергаешься... Правда ты всегда дергаешься, но тут прям подскакивал. Че мы слепые что ли? Сашка же ты перед смертью пытался выходить? Вот мы пошушукались и решили, что он тебе перед тем, как откинуться, некую страшную тайну открыл, он же тут самый опытный считался, много чего знал. И гадали мы, что же это за секрет такой невероятный, что наш тихий Егорка, который на улицу нос боится высунуть, сам, один, не сказав ни слова товарищам, о чем, кстати мы еще потолкуем с тобой, пошел на ночь глядя, со стволом наперевес? Сашок уже не расскажет, ты шухеришься, и решили мы с Лешим и дядей Мишей тебя пропасти. Во-первых, на тебя, дурака, посмотреть, как ты по Городу пойдешь интересно было, а во-вторых, хрен его знает, может Сашок тебя на клад какой навел, так и нам бы что-нибудь упало. Вобщем, шли метрах в ста, спиной твоей любовались. А ты, кстати, неплохо поначалу двигался, четко...

– Профессионально, – совершенно серьезным голосом вставил Леший.

– Во-во! Тихий-тихим, а слушал, видать, умных людей, на ус наматывал. Только с Уродом ты, конечно, лоханулся. Мы-то его минуты за две до тебя заметили, можно было еще ускакать. А ты даже не дернулся, только когда почти на очку вышел, его спалил и в тот угол зашухерился. А мы напротив, на набережной, в старом павильоне засели и гадали – то ли свалить, то ли тебя пристрелить, а потом свалить, но ты уж больно смешно там сидел, как будто на проводе оголенном. А Урод по ходу сначала нас учуял, к нам он двигался, но ты там или пернул, или хрюкнул, не знаю, короче... Но завалил ты его – просто загляденье. Верх хладнокровия! Мы аж охренели все... А потом, смотрим, из окна над подъездом слизь какая-то вытекла, типа медузы что ли, я такой раньше не видел, и на тебя, болезного, прыгнула. Ну, тут уж что делать – спасать героя надо, все-таки подвиг совершил! Подбежали отодрали ее от тебя, ты кстати лицом-то уже синеть начал, и сожгли. Точнее, пытались сжечь. Не горит она толком, сама горячая, вон Леший без перчаток был, тоже руки обжег. Уползла она в подъезд, вобщем. Мы за ней не полезли, не хрен туда соваться, тебя за руки – за ноги и бежать. Еле добежали до Коробки, да-да не пялься так, у нас свои секреты есть, там ночь переждали, а с утра тебя сюда, в Сарай, в отчий дом, доставили.

– Спасибо, мужики... – попытался простонать я.

– А ты здесь почти сутки валялся, – продолжал Борода, – Леший тебя какой-то дрянью мазал, а когда не помогло, пришлось бальзам тратить. Так что помни, Егорка, помни, кто тебя, дурака, второй раз из-под молотков вытащил. А забудешь, на шею свою в зеркало глянь, на тебя как будто ошейник из кипятка надевали.

– А я догадываюсь, что это за хрень была, – раздался сиплый голос, и в круге света появился дядя Миша – парнишка лет девятнадцати, худой, но жилистый и широкоплечий. – Помнишь, Борода, мертвяка без головы нашли? Ему по шее будто лазером каким прошлись. И тоже прямо около дома валялся. По ходу эта слизь то и была, может она чисто мозгами питается...

– Баранами она питается! – оборвал его Борода уже другим серьезным, злым голосом. Всю шутливость его, как рукой сняло.

– Баранами, которых кормишь, спасаешь, жизни учишь, а они, вместо благодарности, крысятничают и втихаря лезут куда-то зачем-то. А ну колись, Егорка, куда шел? Колись, сука, тут щас все твое бытие на кону!

Все трое склонились надо мной, сурово и пристально глядя прямо в глаза. Все трое ждали ответа. И от этого ответа напрямую зависела моя жизнь.

Я зажмурился. Мне было стыдно перед этими людьми, но я сделал то, что сделал, точнее попытался, и по-другому поступить я не мог. Надо говорить правду, а там будь, что бу-

дет.

– Короче... Сашок, когда уже совсем плохой стал, еле говорил, рассказал, что можно отсюда вернуться. Можно. Ему кто-то говорил, я имя не запомнил, но он его уважал. Ну я и подумал, раз уж Сашок тому мужику поверил, значит правда...

Я замолчал, задохнувшись. Горящее горло с трудом позволяло долго разговаривать.

– Дальше, – хмуро процедил Борода.

– Вобщем, надо добраться до своего дома... То есть не сюда в Сарай прийти, а в настоящий свой дом, где ты жил Там, Тогда... И переночевать. Точнее уснуть. А проснешься уже дома... Ну то есть Там... – я снова замолчал, жадно хватая ртом воздух. На этот раз никто не перебивал, все терпеливо ждали.

– Сашок сказал, что он бы сам давно вернулся, но его дома здесь нет. Ну, тут же все немножко не так... Он жил где-то около Спутника, далеко идти, но он с какой-то высотки в бинокль смотрел и понял, что точно нет его дома. А твой, говорит, по любому стоит, потому что Речвокзал вообще не изменился, в смысле ничего не исчезло. А я же там рядом жил... Ну вот и решил попробовать. Поверил. Вам не сказал, потому что, знал – не отпустите... Простите, мужики. Не мог я по-другому... И... Спасибо вам еще раз...

Наступила тишина. Все трое все также серьезно смотрели на меня.

Первым не выдержал Леший. Открыл щербатый рот и дико с подвизгиванием заржал, потом подключился Борода, загромыхал, запрокинув голову, а потом и дядя Миша присоединил свой гогот к остальным. А я лежал с закрытыми глазами и чувствовал, как по раскаленным щекам текут холодные горькие слезы, чувствовал, как обрывается где-то в груди последняя тонкая-тонкая ниточка, связывавшая меня с Родным домом. Ниточка, которая называлась – надежда.

Смеялись они долго. Очень долго. Потом вытирали слезы и, охая, держась за животы, повторяли фразы из моего рассказа, и снова начинали ржать. Наконец успокоились. Помолчали.

– Ну что, верите ему? – серьезно спросил Борода.

– Я верю. – ответил Леший. – Он только поэтому и решил-ся вылезти, домой хочет.

Дядя Миша просто кивнул.

Борода вздохнул, поднес свое лицо к моему, так что я чувствовал его несвежее дыхание, и тихо, серьезно сказал:

– Ну и баран же ты, Егорка! А Сашок тоже – красавец, пошутит напоследок. А может совсем уже бредил... Не вернешься ты никогда, Егор. Ни я, ни они, никто не вернется. Не знаю, почему, за что мы здесь, но отсюда только один путь, и вчера ты им чуть было не воспользовался, если бы не мы. Забудь прошлое. Полностью. Отрежь, оторви, выбрось. Того мира нет и никогда не было. Есть только этот... Мир... Прими его. Только так ты здесь выживешь. А будешь помнить и

надеяться – недолго протянешь. Понял?

Я молча кивнул. Сил говорить не было. Не было сил жить.

– Ну вот и хорошо, что понял, – сказал Борода, резко развернулся и пошел к своей лежанке. – Больше объяснять не буду.

Остальные тоже молча, понуро отвернулись и начали расходиться.

– Э, мужики! – вспомнил я, – А на хрена вы меня привязали?

Борода повернулся:

– Как это на хрена? Ты у нас в карантине. Ты же с этой тварью там чуть ли не сексом занимался, мало ли чем она тебя наградила. Может у тебя ночью клыки до пупка и хвост вырастут, и ты нас тут всех порвешь, как Тузик грелку. Помнишь, Дима с Горгульей сцепился, она его царапнула? Рассказывали тебе, кем он на следующий день стал и что делать начал? Во... А Черныш, когда в Грибы влетел?.. Ладно, что вспоминать. Посидишь пару дней, потом посмотрим, что с тобой делать.

Да хоть пару лет... Мной овладело какое-то мрачное равнодушие. Внутри было пусто, как будто душу вырезали и отпустили, оставив мешок с костями догнивать на этой помойке. Все стало бессмысленным и ничего не значащим. Даже страх, мой вечный, намертво впаянный в меня страх, исчез, растворился, как будто осознав, что тут больше нечем поживиться, паразитом покинул тело мертвого хозяина. Слова

Бороды словно сорвали какие-то оковы, державшие до сих пор мое сознание и хранившие там надежду и смысл существовать. Все. Точка. Прошлого нет. Есть только вот это...

Чуть позже ко мне подошел Леший. Присел рядом на корточки, помолчал, побряхтел и наконец заговорил:

– Ты особо не парься, Егор. Не ты один такой. Многие надеются, верят, помнят... И байку эту мы уже слышали не раз. Был тут еще до тебя паренек один, тоже никак не мог поверить, маялся, страдал. А как эту историю услышал – загорелся, духом воспрял и ушел, как герой кинофильма, с гордо поднятой головой и пушкой за плечом. Его тогда никто останавливать не стал, никто же до него не проверял – правда или нет. Поэтому и отпустили, он, кстати, недалеко тут жил... Двое даже проводить вызвались. Дошли нормально, без косяков, он в подъезд – нырк, и тишина, ни выстрелов, ни криков, вообще ничего. Потом ночь настала, парни ушли. Дня через три решились все-таки сходить посмотреть, а вдруг на самом деле прорвался. Утром пошли, сам понимаешь, чтоб говна всякого вокруг поменьше шныряло. Толпой. Как на штурм. Нашли дом, зашли в подъезд, поднялись, этаж шестой вроде был. Квартира – вот она. Дверь заперта. Стучали-стучали, потом выломали на хер. Зашли. Обычная двушка, все в пыли как везде, следы парня того до кровати, сама кровать примята, а его нет. Вот тебе загадка. Неужели правда?... А потом кто-то ббшку-то поднял, а этот дурень прямо над кроватью, в потолок впаянный висит. Причем, как

будто прессом каким припечатали. Лицо обглодано, потроха тоже, только ребра поломанные торчат. Как мы оттуда бежали! Жопы светились! До Сарая добрались, смотрим, а двоих не хватает. То ли по дороге, кто сцапал, то ли из дома того не вышли. Хрен его знает, никто от страха не видел ничего. С тех пор мы на подобные истории не ведемся. Смирились... И ты смирись. Легче так. А иначе, как жить? Только пулю в лоб...

Никогда еще немногословный, косноязычный Леший не выдавал такого монолога. Он, сам, видимо, пораженный накатившим на него красноречием, замолчал, глядя куда-то сквозь меня, а потом медленно поднялся и отошел.

Отвязали меня на следующий день. Борода отомкнул замок, пошутив что-то про конец инкубационного периода, сурово посмотрел сверху вниз и изрек:

– Все, Егорка! Отныне ты не иждивенец, а самостоятельная боевая единица, приносящая пользу обществу. Кормили тебя, поили, попку вытирали, теперь твоя очередь. Больше никаких скидок, будешь наравне со всеми пахать, а может даже больше – типа как общественные работы за проступок. Пойдешь сегодня с Лешим и Серегой за продуктами в Шестерку на Краснознаменной. В нашей пока нет ни хрена, пацаны утром вернулись, говорят пусто. Ферштейн? А не согласен – шмотки с ружьем вот здесь клади и вали куда хочешь прямо сейчас – домой, в Турцию, на хер, сам смотри,

короче, горевать не будем.

– Я понял, Борода. В Шестерку, так в Шестерку. – Не было сил даже удивляться собственному равнодушию и спокойствию перед походом на поверхность, – Когда выходим?

– Через полчаса. Иди похавай пока, там Света наварила две кастрюли из предпоследних запасов. В прошлый раз мало взяли, не подрастали периоды, теперь полки пустые. И помыться не забудь, воняешь на километр, а в нашем деле сам знаешь, чем меньше о тебе информации в окружающем пространстве, тем лучше. И переоденься тоже. Ей скажи, что я распорядился, она выдаст.

С трудом разминая затекшие руки и ноги, я пошел по полутемному коридору вглубь Сарая, туда, где размещался блок помещений, приспособленных под кухню-столовую, санузел и технические помещения. Долго стоял под ледяной водой, жесткой мочалкой смывая с кожи пот и грязь. Остервенело тер, чуть ли не до крови, и было ощущение, что смываю я последние, самые стойкие и глубоко въевшиеся воспоминания, чувства и мысли того человека, которым я был еще позавчера. Словно змея кожу, я сбрасывал с себя остатки своего прежнего "я", этой сложной многоплановой субстанции, которая образует людскую сущность. Оно просто исчезло, я как будто смотрел на себя со стороны или по телевизору. Что будет вместо нее и будет ли вообще, мне было все равно. Внутри гулким эхом гуляла пустота. Ни эмоций, ни желаний, ни мыслей...

Замерзший, кое-как прикрывшись старой одеждой, надевать ее не было сил, я прошлепал на кухню, откуда доносился запах еды, и крикнул за перегородку, как в лучших домах, разделявшую обеденную и кухонную зону:

– Свет, там Борода сказал мне шмотки новые выдать и это... Пожрать, короче еще... Пожалуйста.

– О! Отпустили блудного сына! – раздался веселый гогот сзади, и почему-то со стороны котельной показалась девушка или женщина, я всегда терялся в определениях, лет тридцати. Лицо светилось идиотской улыбкой, видно было, что ей не терпится поиздеваться над дурачком. Она подошла ближе, взгляделась в меня, и веселье в глазах Светы уступило место натуральному сочувствию и жалости. Такая резкая смена настроения, наверное, свойственна только женщинам, все-таки материнский инстинкт и все такое...

– Ты бы сначала за одеждой зашел, а потом в душ. Смотри – вон синий весь. Пойдем скорее подберем тебе по размеру, – засуетилась она. – Сейчас простынешь, опять валяться будешь, Борода тогда тебя точно выгонит. Он пока ты там бредил, все зубами скрипел и матерился, всю плешь проел.

Света была симпатичной, русоволосой, немного полнова-той, но фигуристой, веселой и простой, как три рубля. Конечно жизнь здесь наложила свою поганую печать и на нее – темные круги под глазами, неестественная бледность, а главное, затаенная в самой глубине карих глаз, но от этого не менее безбрежная, чем у остальных, тоска, но природный оп-

тимизм и воля к жизни все-таки брали вверх, поэтому никто из нас не мог представить Сарая без Светы и ее звонкого голоса. Тем более, что женский пол здесь был в дефиците, а в нашем случае, вообще, представлен только в штучном экземпляре. Функции на нее были возложены важные: главный повар, главная прачка, завхоз и любовница командира, то есть Бороды. Не уверен насчет последнего пункта, но остальную работу свою она выполняла добросовестно и с радостью. Готовила вкусно, стирала чисто и без возмущений и всегда знала, где, сколько и чего лежит. Ну а отношения с Бородой – на мой взгляд ей просто некуда было деваться. Борода есть Борода. Лидер, вождь, стержень группы – кто чем-то недоволен – дверь вон там...

Так что женщину, нет все-таки девушку, Светлану, любили у нас все. Причем любили, скорее как сестру, безо всяких там пошлостей. Нет, иногда, конечно я ловил в глазах Лешего или еще кого-нибудь знакомую самому искорку, когда Свету по-хозяйски обнимал Борода или просто она проходила мимо, но очень-очень редко. И далее этой искорки ни на словах, ни, тем более – на деле, никогда не доходило. Чисто платоническая любовь, да... И дело даже не в Бороде, просто здесь как-то совсем было не до этого. Вот, вообще не до этого... Странно, говорят в экстремальных ситуациях, наоборот, вверх берут инстинкты, а это и есть один из самых первых наших инстинктов, но... Видимо, в экстремальной ситуации у нас только Борода, а остальные так – в санатории.

Я вот, например, вообще забыл, когда у меня последний раз была эрекция. Нет, была конечно, в этом плане вроде все работает, просто, видимо, организм не хочет зря тратить калории и гормоны, сам решая чему стоять, а чему нет...

Света привела меня в одну из подсобок, где были аккуратно разложены кипы одежды, ткнула в пару стопок.

– Вот это, наверное, твой размер, – И деликатно отвернулась. Помолчала. Вздохнула. Потом опять, видимо баба в душе взяла свое, и она тихо заговорила.

– Егорушка, не бреди ты себе душу, а? И так вон смотреть страшно – глаза пустые. Совсем сгоришь ведь. Мы же люди – твари, ко всему приспособимся, как тараканы. И здесь выживем. Я как на это смотрю: если есть это место, где все так плохо, значит есть и другое – где наоборот все из шоколада. Может – это проверка на стойкость, на силу душевную, и те, кто ее пройдет, потом в шоколаде и окажутся.

– Ага, в шоколаде... – натягивая штаны и пыхтя, съязвил я. – В коричневом чем-то точно. И вообще, Свет, ты сейчас изложила обобщенную суть всех мировых религий.

– Зря ты так. Надо верить в лучшее. Думаешь я такая дура счастливая, мне везде хорошо? Я как про сыночков своих вспомню, по сердцу будто ножом, грудь хочется разорвать и сердце это вынуть и растоптать, чтоб не болело... А потом думаю, что их же здесь нет. Они Там остались. У них солнышко светит, птички поют. Все уж лучше... И успокаиваюсь вроде...

– Прости, Свет, – пробормотал я, и мы надолго замолчали.

Наряжался я минут десять. Штаны с майкой подобрал быстро, а куртки никак не подходили, то рукава короткие, то в спине жмет...

Одевались мы, кстати, в сине-зеленую форму с большой надписью МЧС России на спине и с шевронами. Тут недалеко от Сарая Областной штаб Министерства Чрезвычайных Ситуаций располагался – там и нахапали с запасом. Ну а что? Ситуация же чрезвычайная... Чрезвычайнее не бывает. Особенно пригодились пожарные боевки и шлемы. Их перекрасили в темно серый цвет и одевали, выходя в Мир. Ткань плотная, огнеупорная, от колючек или кислоты какой самое то. Зверью-то, конечно, по фигу – в трусах ты или в скафандре, но все-таки процент остаться живым немного, но возрастал.

– Ну как? – наконец спросил я.

– Ого! Прямо с картинки! – повернулась Света и восхищенно пропела, – Младший лейтенант – парень молодой... Хотя какой на хрен лейтенант, ты самый натуральный майор, судя по погонам. Макаров И. В. – прочитала она на именной нашивке.

– Е-мае, моя фамилия девичья. У меня папа был – майор Макаров, только военный, не мчс-ник, и инициалы другие. Ну все, майор, есть иди. Сейчас наложу тухляка. Посуду за собой помыть не забудь.

Не чувствуя вкуса, я съел огромную миску гречневой ка-

ши, перемешанной с тушенкой, запил стаканом горячей кипяченой воды с сахаром, чай кончился два дня назад, и, поблагодарив Свету, отправился в общий зал, где уже собралась вся наша зондеркоманда.

Население Сарая состояло из восьми человек. Первый, конечно, – Борода, потом Леший, бывший кем-то вроде его зама, дядя Миша – молодой гопник со Сталелитейного, Серега – спокойный молчаливый мужик под сорок, Валуев – здоровый, высоченный, страшный, как ядерная война, лет двадцати пяти, бывший боксер тяжеловес и Бабушка – шестидесятилетний дед, у которого по внешнему виду и манерам речи без труда угадывалось славное уголовное прошлое. Седьмой была Света, а восьмым я – человеческая особь мужского пола тридцати пяти лет – по-местному – Егорка. Кстати, Валуев – это почти не погоняло, настоящая фамилия у парня была – Валиев. Вот и не верь потом в совпадения. Вобщем – компания подобралась пестрая, неординарная и талантливая, прямо как отряд самоубийц.

На моей памяти правда было еще двое – Черныш и Сашок. Но Черныш, как уже упоминалось, влетел в какие-то Грибы, и с ним случилось что-то нехорошее. Но я те события как-то пропустил, так как вообще еще ничего не понимал, я его даже не помню толком. А Сашок напоролся на Гвоздя, а потом долго и мучительно умирал у меня на руках. Я его выхаживал, правда не столько из сострадания, сколько в целях быть хоть чем-то полезным...

Все повернулись ко мне.

– Епта, товарищ начальник, да тебе звезды на погоны упали, – заржал Бабушка. Остальные тоже заулыбались.

– Ладно хоть не маршал, а то пришлось бы коня искать, – Сказал Серега. – Обмывать будем?

– Вернемся – поляну накрою, – отшутился я.

– Хули так долго? – спросил Борода. – Со Светкой заигрывал, Бэтмен?

Не поймешь то ли шутит, то ли нет, сверлит взглядом, как на допросе. А вот не дожدهшься – я тебя тоже посверлю...

Секунд десять мы с Бородой молча смотрели друг-на друга, он подошел ближе, взгляделся еще пристальней. Телепат хренов, на самом деле ведь видит все, что внутри у меня сейчас.

– Гляди-ка, принцесса то наша повзрослела вроде. В сказки уже, наверное, не верит. А, Егорка? Есть дед Мороз или нет, как считаешь?

– Нет. И Снегурочки тоже нет... Спились. – ответил я.

Еще десять секунд гляделок, потом Борода чему-то удовлетворенно кивнул, отвернулся, заложил руки на спину и, вышагивая, как фюрер на плацу, громко заговорил:

– Итак, объясняю боевую задачу. Егор, Леший и Серега быстрым маршем двигаются в сторону площади Фрунзе. Маршрут – стандартный, проложенный. Но если, что не так, – меняете сами по ситуации. Ведущий – Леший. Дойдя до лабиринта, ныкаетесь около высотки на углу Старо-

гвардейской, которая бело-синяя двадцати с чем-то этажная. Егорка в обнимку с биноклем лезет наверх, как можно выше, там лестница отдельно от квартир, лоджии переходные, открытые.

– Это ему одному в жилое здание чтоли залазить? Егору? – не понял Леший.

– Да, ему! В бывшее жилое здание. Так вот. Надо залезть так высоко, чтобы в бинокль просматривалась Шестерочка на Краснознаменной и проход через лабиринт. Проход по любому новый, три периода прошло.

– Может лучше я? – опять влез Леший.

– Лезет Егор! – с железом в голосе отрезал Борода. – Лезет и внимательно наблюдает. Около этой Шестерки место не очень хорошее, там и днем Волосатые могут копошиться или еще кто. Если никаких зверят не видно, смотришь на наличие людей. Стрелять, я думаю не будут, но в один магазин двумя группами лезть не комильфо. Теми более, магазин этот не совсем наш. Смотришь минут двадцать. Внимательно. Если людей тоже нет – спускаешься, докладываешь, и все вместе – за покупками. Берете все как всегда, но в полтора раза больше.

– А назад-то переть? – спросил Серега.

– Допрете. Вон лбы какие. Задача ясна?

– Егор, че молчишь? – повернулся ко мне Леший.

– А че говорить? Задача ясна. Идем. – мне на самом деле было глубоко наплевать. Волосатые, лабиринт какой-то.

По хрен все. Страх не было и это ощущение было новым, непривычным и даже немножко приятным.

Борода кивнул:

– Я ж говорю – взрослеет принцесса. Ну, присядьте на дорожку и вперед. Если сожрут, домой можете не возвращаться. Егор, на возьми. – он протянул мне карабин. – Заряжен, проверен. Биноколь у Лешего. Удачи!

Валуев взялся за штурвал нашей пуленепробиваемой двери, напрягся, заскрипели петли, и створка медленно поехала наружу.

Обычного ощущения, как перед прыжком с парашютом, не было...

Мы протиснулись через открывшуюся щель и замерли в темном, узком коридоре, ждали пока закроется дверь. Лязгнули засовы и наступила тишина. Впереди, метрах в десяти темноту разрезали неяркие лучи света сверху – там был люк на поверхность. Леший выждал около минуты, а потом, подняв руку, первым двинулся вперед. Повинуясь его знакам, мы с Серегой аккуратно, стараясь издавать как можно меньше звуков, чуть-чуть приподняли люк, а Леший медленно по кругу начал рассматривать пространство снаружи.

– Вроде спокойно, – прошептал он, перехватил крышку люка и приподнял повыше, – На выход, бойцы!

Мы, быстро, но очень-очень бесшумно выбрались наружу и встали, направив стволы в разные стороны, как бы страхуя

вылезавшего Лешего. Мне вдруг стало весело. Как дети, которые с пластмассовыми автоматами играют в спецназ. Тут же шухерись – не шухерись, все равно – это все, как рулетка в казино. Прискачет сейчас какой-нибудь обезьян залетный и скажет: вы тут хоть молчите, хоть песни горланьте, я вас один хрен учую и бошки поотрываю. Но, видимо игра в меры предосторожности, пусть даже практически бесполезная, успокаивает и на самом деле помогает выжить. Леший – то мужик опытный, ему виднее...

Я огляделся. Вокруг нас раскинулся Город, точнее его очень некачественная ксерокопия. Серая, пыльная, безликая. Сарай находился в подвальном помещении какого-то непонятного предприятия, находившегося на склоне между строительным институтом и пивзаводом. Я помню, когда был студентом и смотрел вниз из окон аудиторий, выходящих на эту сторону, всегда гадал, что же происходит на этой обширной огороженной территории, большая часть строения которой, судя по всему находится под землей, так как видел я в основном террасы, покрытые зеленой травкой, разделенные железобетонными подпорными стенками, и множество здоровенных, как из метро, вентиляторов, торчащих из этой травки. Если честно – до сих пор не знаю. Освоенные нами небольшие подземные пространства Сарая ответа на этот вопрос не давали, а дальше мы и не ходили. Зачем? Не лезет никто оттуда и хорошо...

Стояла мертвая тишина. То есть реально вообще никаких

звуков, кроме нашего дыхания не было. В привычном мире не бывает такого безмолвия. Всегда и везде есть какой-то фоновый шум, даже если мы считаем, что находимся в абсолютной тишине, все равно он присутствует, мы его просто не замечаем. А здесь именно его отсутствие сразу же бросается в глаза, а точнее в уши. Очень непривычное ощущение. Ветра не было, воздух был неподвижен, хотя по серому небу с огромной скоростью неслись темно-серые тучи, и это стремительное движение как будто еще больше подчеркивало мертвую неподвижность всего остального.

Нам нужно было подняться к институту, пройти еще квартал вверх до Старогвардейской, повернуть направо – и еще квартал до площади. Как раз именно там, на углу, и находилась та самая высотка, которую Борода определили нам, как наблюдательный пункт.

Ближайшим путем наверх была изящная металлическая лестница маршей в пятнадцать с круглыми площадками, оборудованными лавочками и кованными фонарями. Она, красиво извиваясь, органично вписывалась в рельеф склона и когда-то была излюбленным путем студентов из строяка и политеха к вожденной разливайке на пивзаводе. Сейчас она была не менее изящно оплетена какой-то сизой не то паутиной, не то проводами и как-то странно разорвана, будто кто-то большой и сильный ради забавы отодрал несколько маршей от площадок и вывернул их в разные стороны. Получилась довольно интересная композиция в стиле неокон-

структивизма.

По лестнице мы, конечно, не пошли. И не только из-за ее состояния. С металлическими сооружениями здесь вообще происходили очень странные вещи, и приближаться к ним категорически не рекомендовалось. Я помню, когда в первый раз увидел в бинокль закрученные в немыслимый узел вышки Телецентра, вообще долго не мог понять, на что я смотрю. Интересно было бы взглянуть еще на американские горки в парке Единства, но уж больно далеко. Да и люди пропадали. Пропадали, подойдя слишком близко даже, например, к относительно небольшой опоре ЛЭП. Так вот – стоит человек живой, здоровый, потом треск какой-то, мелькает что-то неуловимое между двутаврами и уголками, бац! – и нет человека. Только взвесь кровавая в воздухе повиснет и опадет мелкими-мелкими капельками...

Леший повел нас прямо по склону, стараясь держаться поближе к забору территории, где располагался наш Сарай, поминутно с опаской косясь в сторону веселой лесенки. Двигались быстро, насколько позволял рельеф, и практически бесшумно. Тишину нарушал лишь треск сухого репейника, сквозь который мы продирались, и комья земли, иногда выскальзывающие из-под сапог из огнестойкой кожи и скатывающиеся вниз.

Поднялись. Выбрались на асфальт. Осмотрелись. Родной институт на углу квартала простирался корпусами в обе стороны, налево и вверх. Двери главного входа были гостепри-

имно распахнуты, но зайти в них я бы не согласился даже под дулом пистолета. Звуки, иногда доносившиеся из окон любимого ВУЗа, заставляли сердце испуганно замирать, а спину покрываться холодным потом. Кто там сейчас сидит на лекциях, я не знал и знать не хотел. Явно не восемнадцатилетние студенточки...

Двинулись вверх по улице следующим порядком: прямо по полустершейся разделительной – Леший, мы чуть позади, я – слева вдоль бордюра, Серега, соответственно, справа.

Этот поход для меня сильно отличался от немногочисленных предыдущих. Я был спокоен. Напряжен, сосредоточен, но я не боялся. Осознание себя в форме третьего лица не пропало, а наоборот даже усилилось и начало становиться привычным. Поэтому сегодня я мог смотреть по сторонам, не вжимая голову в плечи, и видеть все детали этого странного мира. Машины вдоль обочин, покрытые то ли пылью, то ли пеплом, деревья без листьев, серая, сухая трава газонов, окна домов, в большинстве целые, некоторые даже открыты, неподвижно свисают занавески, несущиеся надо мной облака, не отбрасывающие тени... Оп! А институт то – мой, да не совсем! Перехода через третий этаж между Старым и Средним корпусами не было. То есть, совсем не было. Торцы зданий, к которым он должен был примыкать не имели проемов, просто окна, и никаких обломков перекрытий и кирпича внизу не валялось. Видимо, создатели сего пространства на него просто забили или специально вычеркнули из

списка, чтобы товарищ Егор не забывал, где находится. Да я и без этих напоминаний, в принципе...

Неожиданно, слева, то бишь, с Севера донесся приглушенный расстоянием трубный вопль. В моем представлении так кричать мог только какой-нибудь огромный, мутировавший в хищника, мамонт, которого очень разозлили. Вслед за воплем раздался треск выстрелов, намного тише, говоривший о том, что стреляют где-то очень далеко. Причем стреляют не в панике, а спокойно и расчетливо, отсекая очереди в несколько патронов. Тишина секунд пять, потом короткая тройка, видимо – контрольный, и снова тихо.

Мы застыли посреди улицы, ожидая продолжения. Через полминуты Леший обернулся и завистливо протянул:

– Из калашей херачили. Везет же гадам! Двинули, бойцы.

Да, тема настоящего оружия была для нас очень-очень больной. Только у Бороды имелся милицейский укорот неизвестного происхождения, который он никому не давал, да и сам старался не пользоваться, так как патронов было всего магазина на три. Мы же все были вооружены кустарными ружьями местного производства, выменянными на Рынке, на какие-то волшебные ништяки еще до моего появления. Все возможные места, типа РОВД или воинских частей, где можно было бы разжиться реальным железом, были очень далеко и, скорее всего, уже вычищены до последней гильзы. А на том же Рынке такое не предлагали ни за какую цену, не дураки.

Дошли до перекрестка, огляделись. Старогвардейская была пуста. Ни движений, ни звуков. Только машины, кем-то когда-то припаркованные у зданий и одинокий автобус 24 маршрута, так и не отъехавший от остановки на той стороне улицы. Тоже покрыт густым слоем пыли. На лобовом стекле прямо по этой пыли большими буквами написано слово "хуй", чуть ниже буквами поменьше – "у меня теперь грязный палец". Кто? Зачем? Непонятно. Петросян, наверное, местный какой-нибудь. Развлекаются люди, как умеют.

Что самое интересное – светофор работал. Шагал зеленый человек под электронным циферблатом, отсчитывающим секунды, стоял красный человек. Секунды кончились, человечки поменялись, даже желтый фонарь чуть посветился перед красным. Все как надо. Бред.

Леший махнул рукой – переходим, и тут я выдал:

– погоди, зеленый загорится!

Сергеа хрюкнул. Леший обернулся, посмотрел на меня, как будто впервые увидел, дернул головой и двинулся на ту сторону. Ясно. Сосредоточен, не до шуток. Ну ладно, буду молчать.

Почти дойдя до остановки, наш ведущий неожиданно чуть присел, резко развернулся направо, застыл на мгновение, а потом заорал шепотом:

– Бегом, бля!

И ломанулся к автобусу. Тихо, но очень-очень быстро. Мы с Сергеем побежали следом. Я попытался разглядеть справа

то, что так напугало Лешего, но ничего подозрительного не обнаружил. Те же машины, те же дома в девять этажей, внизу на первых – помпезные крыльца салонов красоты, ресторанов, турагенств, куцые деревья вдоль бордюра. Перспектива улицы упирается в площадь Фрунзе, вон уже искомые высотки стоят, метров четыреста осталось. Ничего.

В автобус, естественно, не полезли. Спрятались за стеклянной остановкой, оклеенной рекламой. Сидя на корточках, я подивился невиданным скидкам в Медиа Маркт, юному лицу стапятидесятилетней Лаймы Вайкуле, которая давала концерт в ГДО в честь 8 марта. Интересно какое сейчас марта? Или не марта. Мои размышления прервал Леший, выглядывавший из-за угла остановки и прошипевший:

– Это че за херня такая?

Нам с Серегой не очень хотелось смотреть, что там за херня. Если Леший не дает команду бежать, значит нам она пока не угрожает. Поэтому меньше знаешь, крепче спишь. Но потом мне все же стало интересно, что так удивило бывалого, опытного мужика, и я, осторожно встав, выглянул через его голову на улицу.

Сначала не увидел ничего. То есть все тоже самое: машины, дома, окна, росчерки облаков, потом Леший прошептал:

– Третий этаж над крыльцом "Регион тур". От правого угла два окна, потом лоджии. Смотри между ними.

Я пригляделся по указанным координатам и не сразу, а как на картинках, где надо расслабить зрение, чтоб разгля-

деть фигуру, но все-таки увидел. Лучше б не видел. На широком глухом простенке грязно-бежевого фасада, прилепившись к нему, сидел Ужас. Ночной кошмар, словно сошедший с полотен Иеронима Босха или страниц Лавкрафта. Это был не Урод. Те не склонны к мимикрии. А это существо, как хамелеон, практически идентично воспроизводило у себя на теле цвет и структуру фасадной штукатурки, а одна из конечностей, цеплявшаяся за угол лоджии, была окрашена в коричневый цвет стойки витража, которой касалась. Заметить ее можно было только по полутеням на теле и по расплывчатому пятну под ней на стене, да и то переводя зрение в какую-то иную плоскость. Зато уж если заметил, взгляда не отведешь.

– Я сначала выглянул, смотрю – вроде все чисто. Думаю – показалось: – прошептал Леший, протягивая мне бинокль. – Уж хотел вам отмашку давать, но тут она задвигалась. Сначала на козырьке сидела, вон на том синем, а потом одним прыжком на два этажа вверх – херась! Цвет не сразу изменился – вот и заметил.

Я впился глазами в окуляры и снова потерял зверюшку. Секунд пять двигал по стене пока не сфокусировался в нужный режим. Вот она. Оно... Да – это Ужас. Самый настоящий. Даже Уроды по сравнению с этим – бандерасы. Размером с небольшой внедорожник, типа кроссовера. Какая-то помесь человека и паука. Горбатое туловище, обмотанное выступающими кольцами, как у червя, изгибается, закан-

чиваясь чем-то вроде здорового осинового жала, острого на конце, а в толстой части, перевитого венами, вызывающими неприятную ассоциацию с половым органом. С другого конца прилеплена голова. Небольшая, шишковатая, без шеи и носа, зато с огромными выпуклыми буркалами и широченым открытым ртом, из которого торчат ровные, как у пирани, острые зубы и стекает какая-то отвратительная слизь. Но самое мерзкое – конечности, именно они делают Это похожим на паука. Их пять: две в передней части тела, три в задней, причем пятая торчит точно по ходу хребта, как гипертрофированный хвост. Длинные, мускулистые, неприятно лоснящиеся, трехсуставчатые, с выпуклыми маслами, заканчиваются вполне человеческими кистями рук с пятью пальцами, только очень длинными и с чем-то типа присосок на концах, которые держат этот, видимо, нехилый вес на стене. Мерзость.

Что-то на двух руках или ногах привлекло мое внимание, я чуть сдвинул оптический зум, немного приблизив чудовище, и охренел. Носки. Черные, с белым лейблом "Адидас". Если взять носок, одеть на руку и порвать его конец, натянув на предплечье, чтобы вышло что-то вроде браслета, то получится такая вот ерунда.

– Носки видел? – поинтересовался я у Лешего.

– Да пипец! – прерывистым шепотом ответил он. – Это типа раньше ноги, чтоли были? То есть я имею в виду, что

из человека вот такое безобразие выросло? Ну ладно, ноги в руки превратились, а пятая-то откуда взялась?

– Может копчик мутировал? – я передал бинокль Сереге. – Все, мне хватит. Надолго.

Даже немногословный Серега не смог сдержать эмоций, любуясь человеком-пауком. Несколько раз выматерившись, он спросил:

– Ну и че делать? Тут весь день сидеть? Или может завалить попробуем?

– С дуба рухнул? – ошалел Леший. – Мы че на танке? Ты видел, как оно двигается?

Тут, как будто, услышав эти слова и решив продемонстрировать Сереге свои возможности, тварь одним стремительным прыжком пересекла лоджии двух квартир, оказавшись сразу метрах в двенадцати дальше и разбив одну из секций витража, на который она опиралась. Потом быстро по паучьи двинулась вверх по стене. Еще звенели, разбиваясь об асфальт осколки стекла, а она добралась до открытого окна на последнем этаже и, как-то немислимо сжавшись в подобие шара, исчезла в темном проеме.

– Меня в этот дом в гости не зовите. Не приду, – пробормотал Леший, прижимаясь спиной к стеклу остановки и облегченно сползая вниз.

– Да, про такую херню мне еще никто не рассказывал. – продолжил он. – Нет предела совершенству...

– Может их пора уже как-то каталогизировать? – предло-

жил я. – Типа – бестиарий нашего городка.

– Я кино смотрел, называлось вроде "Отвратительные твари и где они живут", – сказал Серега, выглядывая за угол.

– Фантастические твари, – поправил его Леший. – И как эту назовем?

– Тут без вариантов. Спайдермэн! – ответил я.

Леший снова посмотрел на меня, как первый раз, и спросил.

– Егор, а тебе что, совсем не страшно?

– Страшно. – соврал я, – Но не совсем...

– Да-а-а, вот это подстава, – ошарашенно протянул Серега, когда мы без происшествий добрались до площади и оказались у цоколя бело-синего многоэтажного здания, того самого к которому стремились. – Бывают в жизни злые шутки...

– Сказал петух, слезая с утки, – машинально продолжил я.

Незадымляемая лестничная клетка с переходными лоджиями, с которой я должен был осматривать окрестности, присутствовала. Красиво уходила синенькими ограждениями в туманную небесную перспективу. Вот только присутствовала она с северной стороны здания, а не с южной, откуда открывался бы вид на Шестерочку.

– Блин, не могли с другой стороны сделать, чтоли? – спросил Леший.

– Инсоляция, – запоздало вспомнил я, – Квартиры долж-

ны максимально освещаться солнцем, поэтому лестницы почти всегда смотрят на север.

– Соляция – хуяция! Что теперь делать-то? – сказал Серега. – Сейчас поднялся бы по-тихому этажа до шестого, глянул бы, да назад. А теперь что, в квартиру лезть?

– В квартиру – не вариант. Однозначно. Там разные спайдермэны обитают, – ответил Леший, рассматривая соседние здания, – Может куда еще залезть?

– Борода по ходу специально все так устроил. Он же – хитрожопый, все заранее рассчитал, – сказал мне Серега. – Назакать тебя хочет, в назидание другим.

Я помолчал, подумал:

– А зачем вообще наверх лезть? Сюда же низом дошли и ничего. Можно и дальше также – потихонечку.

– Мы шли – все просматривалось на все четыре стороны метров на триста, а ты на площадь глянь, сад камней, бля... – ответил Леший.

Я повернулся в сторону "самой большой площади Европы", по неофициальному мнению местных жителей, и прищелкнул. Последний раз я здесь был, еще когда с неба светило солнце, а по улицам ездили машины. Тогда площадь Фрунзе представляла собой квартал метров пятьсот на триста, по углам которого были расположены четыре прямоугольных сквера. А огромный асфальтовый крест между ними с одной стороны был занят массивным зданием театра Оперы и Балета, а с другой стороны открывался в сторону

Реки. То есть длинная перекладина этого креста была ровной пятисотметровой полосой, по которой 9 мая, в три ряда шли танки и прочая бронетехника, а по краям стояли трибуны. И Шестерочка, находящаяся прямо напротив нас на другой стороне, просматривалась бы отсюда очень даже хорошо. Особенно в бинокль.

Сейчас картина была немного другой. Скверы разрослись метров на пятьдесят в высоту и выплеснулись за ограждения еще метров на двадцать с каждой стороны. Непонятно, что это были за деревья, листьев на них не было, только густое переплетение идеально ровных, ломаных ветвей, утончающихся в конце, а в центре, сливающихся в непроглядную темно-серую массу. Я вспомнил слова Бороды о Волосатых и подумал, что, наверное, лучшего места жительства для них действительно не найти. С асфальтом тоже было непросто. Вместо него была мешанина ям, траншей, каналов и стен. Словно арктический рельеф, полный неровных ледяных торосов, айсбергов, и впадин. Настоящий лабиринт, вслепую преодолеть который решился бы только сумасшедший. В любой момент из-за любого угла, которых было немеренно, может выпрыгнуть кто угодно, пискнуть не успеешь.

– А почему с другой стороны нельзя было подойти, чтобы вот эту всю красоту обогнуть? – спросил я у Лешего.

– Егор, ты здесь сколько тусуешься? Месяца два? – резко спросил Леший. – Если бы можно было – подошли бы, не переживай! Только нельзя! Наш маршрут, между прочим, тоже

немалой кровью проложен, поэтому не вякай, когда старшие дело говорят!

Я смущенно замолчал. Серега, недавно подозревавший Бороду в тайных манипуляциях, тоже потупился.

– Ладно, лезть все-равно придется, – немного успокоился Леший. – Только полезу я. Этажа до пятого, там может квартиру какую присмотрю поспокойней...

– Лезу я! – в моем голосе прорезалась новая для меня самого сталь. – Лестница по любому на крышу ведет, вот оттуда и посмотрю. Двери здесь вроде все открыты, кроме нашей, конечно.

Леший опять странно глянул на меня, уже как будто с уважением:

– Двадцать четыре этажа? Егорка, это ведь в натуре как рулетка – по любому кто-нибудь вылезет.

– Ну, у меня же ружье есть. Топорик вот еще...

Топорики у нас были шикарные. На длинной ручке, утяжеленные, острые как бритва. Их Бабушка так натачивал, что они, наверное, падающий волос могли разрезать, как в кино.

Он пожевал губами:

– Ну смотри... Так, – Леший опустил глаза на карабин, к которому были примотаны часы. – 13:28. Ждем тебя два часа. До половины четвертого. Потом уходим. Ты уж не обижайся – коробок тут нет, ночевать негде. А меня после того упыря, что по стене лез, до сих пор трясет. Еще обратно

мимо идти. Так что давай, сожми жопу в кулак, ничего не бойся и бегом туда, бегом обратно. Как говорится – одна нога здесь, другая рука там. В квартиры не суйся ни в коем случае. Вообще на этажи не заходи, только по лестнице. Вот ножовка по металлу, если все-таки что-то закрыто наверху, может пригодится. Впрочем, смотришь внимательно на лабиринт, там где-то должен быть прямой проход. Его только сверху видно, с земли хрен найдешь. Каждый период там все меняется, и проход оказывается в другом месте, поэтому запоминаешь хорошенько направление и ближайшие ориентиры. Все, Егорка, бегом!

Бегом, так бегом. Я потянул за ручку железную дверь подъезда. Открыто. Кто бы сомневался. Заходите, гости дорогие, мы всегда рады! Темный просторный тамбур, две двери. Прижав ружье правой рукой, левой я открыл первую. Блин! Еще один тамбур! Идем дальше. Так. Лифтовой холл. Станный приглушенный и какой-то родной свет. Я выключил фонарик. Епта! Слева была конторка консьержа с окошком, и там работал телевизор! Пипец! Звука не было, только изображение, мелькающее на маленькой дешевой плазме. Я пригляделся... И словил мощный когнитивный диссонанс. На экране беззвучно открывала рот и приплясывала Лайма Вайкуле. Да-а-а, это судьба! Надо будет следующую неведомую зверушку, которую встретим, Лаймой назвать. Сейчас, наверное, и Петросян появится... Ладно, думать потом будем. Когда алмаз добудем. Я включил фонарик, осветил в

окошко – стол, стул, газета на столе. Консьерж отсутствовал. Наверное, в туалете. Осветил лифтовой холл. Справа – три лифта, впереди стена, увешанная почтовыми ящиками и объявлениями ТСЖ. Шагнул вперед и подпрыгнул, уловив взглядом движение слева. Резко развернулся – зеркало! Рядом с консьержным окном. Чуть сам себя не подстрелил. Смешно. А нервишки-то все-таки напрягаются, не совсем пусто значит. Подошел поближе, глянул на себя в отражении. Ну настоящий пожарный! Огнеупорная боевка, резиновые перчатки, шлем с пластиковым забралом, из-за спины торчит рукоятка топора. Только в руках вместо брандспойта – самопальное ружье. Сбылась мечта детства. Только как-то криво сбылась...

Где же тут эта лестница? Не на лифте же подниматься... Не успев подумать, нажал кнопку вызова кабины и тут же присел на корточки, всерьез ожидая громкого звука лифтового мотора. Нет. Тишина. Хотя, если работает телевизор, почему бы и лифтам не функционировать? Странно тут все устроено. Я еще раз огляделся в поисках лестницы, а потом чуть не хлопнул себя по лбу. Ты ж проектировщик, Егор! Башкой подумай... Вернулся в первый тамбур и уверенно открыл вторую дверь. Вот она родная! Уходит в неведомую высоту серпантинном железобетонных маршей. Сверху пробивается тусклый свет.

Я выключил фонарь и прислушался. Вселенская тишина. Слышно только как бьется сердце храброго пожарного.

Блин, куда я полез? – выскочила неожиданно мысль позавчерашнего меня. Выскочила, но тут же в кровь разбилась о каменное "по хрен!" Чего терять-то? Сожрут и хер бы с ним...

По возможности бесшумно преодолел первые два марша и осторожно вышел на переходную лоджию, с опаской косясь на соседнюю дверь, ведущую в жилые помещения этажа. Открыта настежь, изнутри – ни звука. Я подошел к ограждению и глянул вниз. Мужиков около подъезда уже не было, видимо, где-то сныкались, наблюдают. Я, словно Гагарин с трапа ракеты, помахал рукой в пространство, идиотски улыбнулся, отдал честь и юркнул обратно в дверь лестничной клетки. Понятно. Сегодня Петросяном будя я.

Подъем занял у меня минут двадцать. Даже не запыхался, хотя в моей экипировке стало жарковато. Шел медленно, на лоджии больше не выходил. Лестница была пустынная и безмолвна. Некоторые двери были распахнуты, некоторые закрыты. Миновав нарисованную через трафарет цифру 24 над дверным проемом очередного этажа, я поднялся еще на один и остановился. Наверх уходил последний пролет, через который было видно покрытый потрескавшейся побелкой потолок. Значит я сейчас на уровне технического этажа, а надо мной машинное помещение лифтов и, скорее всего, выход на кровлю. Вдруг опять внутри всколыхнулось нечто похожее на страх, на этот раз сильнее, аж дыхание перехватило. Ну вот, приехали. Только стал героем, опять двадцать пять! Я продышался, проговорил про себя несколько

раз, как молитву "по хрен!" и мысленным усилием воли вернул нового себя обратно в тело. Стало хорошо и спокойно. Как все просто, оказывается! Раньше бы так, в той жизни! Так, стоп! Опять не туда занесло... Нет никакой той жизни. Только эта. Недожизнь...

Двенадцать ступеней, площадка и еще двенадцать. Все! Лестница кончилась. Передо мной закрытая двухстворчатая дверь на последнюю переходную лоджию. Сквозь армированные стекла сочится неяркий свет. Я глубоко вздохнул, и потянув ручку на себя, с ружьем на изготовку шагнул за порог.

После лестничного полумрака на открытом пространстве показалось непривычно светло. Первым делом заставил себя посмотреть направо, на соседнюю дверь. Закрыта. Потом перевел взгляд на мир, простиравшийся за ограждением.

Никогда не боялся высоты, но тут почему-то закружилась голова. Наверное, находясь внизу, на уровне земли или под ней, видишь только детали, небольшие фрагменты картины, а отсюда сверху мне вдруг во всем своем отвратительном великолепии целиком открылось полотно этого мрачного, кем-то убитого и оскверненного мира. Город. Мой город, в котором я родился, ходил в детский сад, школу, институт, на работу, разбивал коленки, учился кататься на велосипеде, влюблялся, смеялся, боялся, ненавидел. Город, в котором я жил... Да, это он сейчас лежал подо мной до боли знакомой сетью улиц, кварталов, коробками домов, темными пятнами

скверов. Только он был мертв. Мертв окончательно и бесповоротно, если к этому слову применимы такие определения. Такое чувство бывает на похоронах, когда перед тобой лежит знакомый до последней родинки на щеке человек, ты видишь его лицо, его закрытые глаза – да, это он, он... Но внутри ты понимаешь, что все то, что ты любил в нем или не любил, все, что ты знал о нем, вся эта совокупность чувств, воспоминаний и образов, которая для тебя определяла эту личность в окружающем мире, исчезла навсегда, физически оставшись только в нейронах твоей памяти, а лежащее перед тобой тело, не более чем пустая оболочка или покинутый, брошенный дом. Брошенный и запертый навсегда...

Так и здесь. Из города ушла Жизнь. Навсегда. Исчезли люди. Остались только места, связанные с этими людьми моими воспоминаниями. Исчезли голоса. Исчез гул и сигналы машин, грохот трамваев, шелест листьев, шум ветра. Осталось только пространство, похожее на огромный безжизненный макет, очень подробный, очень качественный, но не более того. И в самых темных углах этого макета, как тараканы, прятались и пытались выжить немногие, неведь как оставшиеся здесь живые души. А души неживые, зато очень опасные и отвратительные, самых разнообразных форм и обликов, неизвестно кем и зачем созданные, хозяйничали в покинутых домах и на опустевших улицах. А может они и были настоящими хозяевами этого Города, а мы случайными и нежеланными гостями.

Облака, совсем недавно мчавшиеся по небу, исчезли. Стало намного светлее. Даже эта вечная серая мгла, окутывающая воздух, как будто немного растворилась, и стало видно намного дальше и отчетливей. Везде серый цвет. Светло-серый, темно-серый, грязно-серый, иногда желто-серый. Мертвая тишина и неподвижность. Серая неподвижность. Пятьдесят оттенков серого. И Река. Моя родная, величественная, с детства знакомая и ласковая Река, в синие воды которой я нырял с катера, забрасывал удочку, по которой катался на лыжах зимой, в которой учился плавать, – она тоже была серой. Чуть темнее неба, которое она больше не отражала. Даже отсюда было видно медленные перекаты непонятного вещества, густого, маслянисто поблескивающего, отталкивающего, текущего с Юга на Север. И это было единственным заметным движением, по которому можно было судить, что я смотрю не на фотографию.

Так я стоял минут пять. Словно загипнотизированный, вглядывался в апокалиптический пейзаж. Потом постепенно пришел в себя, вспомнил зачем я здесь нахожусь, и уже собрался было открыть правую дверь, но не удержался, поднял щиток, достал бинокль и прижал к глазам.

Вот Старогвардейская, по которой мы шли, как на ладони. Вон автобус на остановке, светофор мигает зеленым, Спайдермэна вроде не видно. Далее по улице еще высотки, потом старый квартал, который не успели еще снести и обгадить новыми шедеврами местной архитектуры. Площадь Доблести,

памятник Склифосовскому, там я уже был в самом начале, вроде все на месте. Опа! А Губернская Дума исчезла! Вместо нее, непонятно как туда вкрячившееся здание нашего цирка с клетчатой крышей. Да, видимо, с юморком неведомые создатели этого мира, со здоровым таким юморком. Ну ка, а что вместо цирка? Я перевел бинокль левее и ничего не понял. Какое-то нагромождение поломанных железобетонных ферм, торчащих в разные стороны, колонн, балок. Высотой вся эта красота была с девятиэтажку, метров тридцать, а в ширину и в длину, вообще, где-то сто на сто. Как будто взяли с какой-нибудь реки многопролетный мост за один конец, подняли повыше и скинули сюда. Вот вам цирк. Получите и распишитесь. Еще левее – набережная, бассейн, за ним тускло поблескивает Река. Я приблизил зумом поверхность, поводил в разные стороны. Нет, точно не вода. Вообще хрен знает что. Сопли какие-то... Вдруг краем глаза поймал стремительное движение поперек волны, повел биноклем и увидел, как белесое округлое длинное тело в багровых прожилках огромной змеей мелькнуло над серой гладью и снова растворилось в глубине. Длинной эта штука была с трамвайный вагон и, как я понимаю, выставила наружу только фрагмент себя, об общем размере оставалось только гадать. Да, правильно Борода говорит – не стоит к водичке подходить, не стоит... Так, а где наш Сарай? Вот пивзавод, вот лестница, ага! Нашел. Люк, конечно не видно, он за репейниками и голыми кустами, но он там есть. Точно. Снова отблеск ка-

кого-то движения справа от люка, будто три параллельные нити расчеркнули пожухлые растения. Я застыл, до рези в глазах всматриваясь в репейник, нет вроде ничего. Показалось. А может с лестницы бликануло, там периодически что-нибудь искрится...

Ладно, пора! Я убрал бинокль, развернулся, сосредоточился и открыл дверь. За ней оказалось длинное узкое помещение. Дверь справа, дверь слева. Левая – с высоким порогом. Видимо, она и есть – выход на кровлю. Значит за правой – машинное помещение неработающих лифтов...

Я даже не успел додумать эту мысль, как за правой дверью что-то оглушительно щелкнуло, затем загудело и завибрировало. Вся эта какофония сопровождалась характерными металлическими щелчками, и я, с колотящимся от неожиданности сердцем, забившись в угол и выставив перед собой ружье, наконец сообразил, что кто-то все-таки сумел вызвать лифт. Чуть погодя, гудение прекратилось, и снизу донесся знакомый скрип открывающихся лифтовых дверей. Причем, судя по громкости, не дальше этажей трех от меня. Створки с негромким хлопком закрылись, и за дверью машинного помещения снова заработал мотор. На этот раз намного дольше, а звук открывающихся и закрывающихся дверей был еле слышным. Все, тишина. Слышу только свое бедное сердце, старающееся выпрыгнуть из груди.

Бля, это вообще пипец какой-то! Сергей Иваныч с двадцать второго пошел мусор выкидывать... Сюрреализм во

всей своей красе. Затрахали, уроды! Как я вас всех ненавижу! Испуг заменяла здоровая человеческая злость. Я резко поднялся и со всей дури дернул ручку двери на крышу. Она со скрипом распахнулась, а я, забыв про высокий порог, вывалился на посыпанную гравием кровлю. Падение разозлило меня еще больше, я сел постучал по шлему, которым черпанул несколько камушков. Они веселыми попрыгунчиками попадали вниз, а я вскочил и огляделся.

Кровля, как кровля. Гидроизоляция, шахты вентканалов, парапет, покрытый оцинковкой и никого, кто пытался бы на меня прыгнуть и откусить кусочек. А жаль! Злость была такая, что хотелось завалить десяток-другой Уродов или еще кого. Совсем несвойственные мне эмоции. Несвойственные, но забавные...

Ага. Мне вон туда – к южному краю. Подошел к парапету. Да, отсюда панорама еще шикарней, чем с другой стороны. Видно стрелку, где в Реку впадает маленькая Тамарка, видно новые кварталы на той стороне неширокой речки, только мостов через Тамарку не видно. Нету их – мостов. Один как раз видимо вместо цирка сейчас, а второй – железнодорожный просто демонтировали. Вон площадь Восстания, Речвокзал... Сердце заныло в груди, дыхание перехватило, опять нахлынуло старое. Я резко вскинул бинокль, забыв про щиток, долбанул по нему окулярами, ладно не разбил. Поднял, защитное стекло и прижался вдруг затуманившимися глазами к биноклю.

Нашел сразу. Вот он. Стоит. Целый и невредимый. Такой, каким я его видел в последний раз. Сразу всплыли в памяти слова Сашка, мысли пошли кругом, руки затряслись... А ведь почти дошел тогда... Приблизил, скользнул взглядом по краю дома к десятому этажу... А его не было. Протер глаза, посмотрел еще раз. Вместо окна дочкиной комнаты, выходящего на улицу Подводников, был кирпичный фронтон, венчающий крышу. Дом был девятиэтажным.

Такой подлянки не перенес даже новый я. Сползая спиной по парапету, я думал только об одном: если я сейчас прыгну, то умру в полете от разрыва сердца или почувствую всю прелесть удара о мостовую? Сидел долго. Несколько раз пыривался встать и прыгнуть, но так и не встал. Не знаю, что удержало. Точно не страх. Вдруг почему-то вспомнил Светкины слова о ее сыночках, которым сейчас светит солнце. Чуть полегчало. Немного, но хватило, чтобы сжать кулаки и начать повторять свою немудреную молитву. Еще минут через пять отпустило совсем. Полностью. Как отрезало. Если я что-то и не смыл с себя тогда ледяной водой в душе, то сейчас точно все! Терять действительно нечего...

14:45. Засиделся я что-то. Я – Егор. У меня есть задание. На меня рассчитывают товарищи. Я должен найти проход через лабиринт к магазину Шестерочка, потому что в нашей Шестерочке, куда мы обычно ходим, еще ничего нет. Поэтому мы пришли сюда. Чтобы раздобыть еды. Все просто.

Опять бинокль. Опять мертвый город. На этот раз панорамы рассматривать не буду, буду смотреть на площадь Фрунзе. Вот она – прямо подо мной. Выглядит, как после бурной дискотеки великанов или после отработки по ней РСЗО Град. Вздыбившийся асфальт, провалы, воронки, траншеи, а вот и он – больной зуб. Прямой, как проспект Ленина, проход начинался метрах в тридцати от края правого сквера и шел наискосок через всю площадь, периодически ныряя под завалы. Кончался он практически напротив дверей магазина. Действительно, так бы сунулись – до ночи бродили бы и не нашли. Хорошенько запомнив ориентиры, по которым с поверхности можно будет найти вход, я перешел ко второму пункту поставленной задачи, а именно – выявлению на окружающей территории враждебных форм жизни. Или форм нежизни. Не знаю. Долго рассматривал площадь, но заметить хоть какое-то шевеление не удалось. Около Шестерочки тоже все было спокойно. В скверах, в густых зарослях непонятных растений, вроде бы наблюдалось непонятное движение, но идентифицировать его и выявить отдельные объекты не удавалось. Ну и хрен с ними. В скверы нам соваться незачем. На всякий случай посмотрел на Восток, вдоль проезжей части улицы Пилоновской – ни души. На Запад, в сторону реки – тоже пусто. Хотя нет. Около монастыря, метрах в семистах от площади, копошились два Урода. Их я уже определял безошибочно. В принципе – ничего страшного. Даже если они двигаются сюда, придут

нескоро. А так, больше никого не видно. Наверное, интересно так наблюдать местность ночью с инфракрасной подсветкой. Вот тогда увидишь народные гуляния – мало не покажется.

Но ночью мы не ходим. Ночью мы под землей сидим. И правильно...

15: 10. Пора спускаться. Мужики, наверное, уже похоронили. Сейчас уйдут еще – догоняй потом. Осторожно проскользнул внутрь здания, на этот раз аккуратно перешагнув порог. Закрыл дверь на кровлю, прислушался. Было тихо. Лифт не работал. Все по квартирам сидят. Телек смотрят. Вышел на лоджию, глянул вниз во двор. Никого. Интересно – видят они меня сейчас? На всякий случай помахал рукой и начал спускаться по лестнице. Шел быстрее, чем поднимался, но все также тихо. Мысли об увиденном с крыши настойчиво стучались в голову, но я все более и более уверенно заворачивал их назад. Меня нет. Есть Егор, который идет по лестнице, и к которому я не имею никакого отношения.

Вспомнился один дебиловатый психотерапевт, которого я в свое время посещал. Денег за сеанс он брал немало, рецепты выписывал щедро, а вот терапию свою явно сильно переоценивал. Так вот, в течение месяца он подготавливал меня к некоему откровению, после которого все мои страхи и депрессия уйдут без следа. На второй месяц, когда у меня ту-по стали кончатся деньги, я как бы намекнул ему, что пора прекращать рассказывать мне разные истории из своей прак-

тики, а уже заняться непосредственно мной. И тогда очень торжественно он объяснил мне, что секрет проще пареной репы. Надо взять и переключить восприятие самого себя с первого на третье лицо. Тогда начинают работать какие-то другие участки мозга, и эмоции, соответственно, тоже работают по-другому. На практике он это описывал следующим образом. Мысленно вешаешь справа вверху своего поля зрения экранчик, типа как зеркало заднего вида в автомобиле, и смотришь на себя через него. Причем виртуальная камера, которая транслирует твое изображение на экран, должна висеть непременно чуть выше и сзади правого плеча, и никак иначе. Короче я мысленно послал его на хер и больше к нему не ходил. Экранчик, конечно пытался представить, иногда даже вроде как получалось, но стоило моим эмоциям хоть чуть-чуть зашкалить, а происходило это чаще, чем не происходило, как этот экранчик разбивался вдребезги, и я трясся от страха в своем привычном первом лице. И вот сейчас, в форме пожарного, с ружьем наперевес, спускаясь по лестнице, ирреального дома, в котором нет людей, но кто-то катается на лифтах, дома, стоящего посреди ирреального города, где по стенам домов ползают люди-пауки, города, находящегося в ирреальном мире, о котором вообще никто ничего не знает, я подумал, что совет того доктора не был лишен здравого смысла. Но заработала эта схема только здесь после нескольких жестоких откровений, преподнесенных мне жизнью. А здравым смыслом в этом мире и не пахло. Следо-

вательно, таким психотерапевтам здесь самое место. Это он сейчас должен спускаться по этой гребанной лестнице в этой гребанной форме, а не я. Ах, как несправедлива судьба...

Дойдя до дверей на переходную лоджию девятого этажа, я вдруг остановился. Точнее остановился Егор, на которого я смотрел через камеру над его правым плечом. Этот Егор каким-то образом почувствовал, что в окружающем пространстве, что-то неуловимо изменилось. Это пространство стало намного более враждебным и злым. Я счел за лучшее воссоединиться со своим третьим лицом в одно целое, так как оно, третье лицо, явно лучше ориентировалось в обстановке. Как только произошло это виртуальное воссоединение, примерно двумя этажами ниже хлопнула дверь лестничной клетки, и я услышал частый, быстро приближающийся топот и сиплое прерывистое дыхание. Я вскинул ружье, едва успев упереть приклад в плечо, а по нижнему маршу уже мчалось что-то черное и рычащее. Оно развернулось на межэтажной площадке, увидело меня, на какую-то долю секунды застыло, позволяя мне зафиксировать образ, и прыгнуло. Человекоподобный, на голову ниже меня, но в полтора раза шире в плечах, мускулистый силуэт, покрытый черными, жесткими то ли волосами то ли иглами. Морда тоже черная, как будто обожженная, выделяются только белые с красными зрачками глаза на выкате и здоровенные клыки, торчащие из выпирающей вперед нижней челюсти. Вместо носа – гниющее отверстие. Видимо, тот самый – Волосатый.

Он прыгнул, я выстрелил. Руки не дрожали, целился в центр массы, то есть примерно в солнечное сплетение. Однако этот злобный гражданин каким-то образом выгнулся в полете так, что заряд прошел по касательной, не причинив ему видимого ущерба, а только немного затормозив прыжок. Так что приземлился он ступеней на пять ниже, чем хотел, но тут же снова прыгнул. Напористый. Упрямый. Я успел выставить вперед обе руки с ружьем и упереться ногами, когда меня, словно поездом, сшибла мощнейшая двойка – один справа в голову, второй снизу в область сердца. Если бы я не подготовился к атаке, наверное, летел бы сейчас, кувыркаясь через весь двор к соседнему зданию. А так, первый удар более-менее смягчил громко треснувший шлем, оставив только звон в ушах, а второй удар в грудь не прошел полностью из-за выставленного ружья. Но и этого хватило, чтобы я, выпустив карабин, вылетел на лоджию, со звоном выломав спиной двери, открывающиеся внутрь, и ударился позвоночником об ограждение. На долю секунды я выпал из реальности от боли. И тут, как я потом понял, мне сильно повезло. Пока я плавал в нокауте, Волосатый мог успеть раза три оторвать мне голову или что-нибудь еще. Но его приостановили выбитые моей спиной двери. Армированные стекла разлетелись вдребезги, но сами деревянные полотна удержались в верхних петлях и Волосатый ударившись о них был, видимо был немного дезориентирован, поэтому мне хватило времени откатиться, прежде чем в место, где только что находилось мое

тело, последовал страшный удар двумя мохнатыми ногами. И тут мне повезло второй раз подряд. Его левая нога пробила ограждение, выбив пару кирпичей, и застряла. Волосатый неистово дернулся ко мне, нога хрустнула, но не освободилась. Пока он орал от боли, я выдернул из-за спины топор и, размахнувшись посильней, вогнал тяжеленный и острый кусок металла ему в правую часть шеи. Смачно хлюпнуло, хрустнуло, вопль стал на октаву тоньше, а топор застрял и выскользнул из моих рук. Волосатый с топором, глубоко сидящем в шее, орал, размахивал когтями, головой и пытался выдернуть ногу из дыры, а я бегал вокруг него и, уворачиваясь от когтей, старался выдернуть топор. Мы достигли своих целей одновременно. Он с диким ревом освободил сломанную конечность, а я молча освободил топор. Из шеи Волосатого ударил фонтан чего-то черного и смрадного, залив мне куртку и щиток. Он бросился на меня, но его подвела нога, я пытался увернуться, но из-за грязного щитка не разглядел толком движения противника, поэтому мы, как два инвалида, столкнулись плечами и упали рядом друг с другом. Однако, эта сволочь успела выбросить в мою сторону руку, стараясь скорее не ударить, а разорвать плоть. Но термостойкая ткань, треснув несколькими слоями, выдержала этот выпад, до кожи когти не добрались, но синяки точно будут. Я опять откатился, встал, оторвал треснувший и грязный щиток, поднял топор наизготовку. Волосатый тоже встал и, рыча, уставился на меня своими красными зенками. Нога тор-

чит в сторону, из шеи хлещет кровь или что-то типа нее, а ему по барабану! Живучий, падла! Присел, готовится прыгнуть. Лучшая защита – это нападение, – так, по-моему, говорил какой-то Суворов или Рокоссовский. Поэтому я, недолго думая, почти без замаха швырнул топор в голову противника. Топоры я кидать не умел, но Волосатый об этом не знал. Зато он знал, что топор может вонзиться в шею и будет не очень приятно, например так, как ему сейчас, а может даже хуже. Поэтому он всеми силами попытался от этого страшного топора увернуться, в то время как я, пригнувшись, подбежал к нему и, крепко обняв за ноги, приподнял тяжеленную тушу и каким-то запредельным усилием перекинул ее за парапет. Короткий вопль, хрустящий, сочный шлепок и все! Фаталити! Майор Макаров винс!

Я перегнулся через парапет, посмотрел вниз. А нет, не винс! Тварь с неестественно выгнутой спиной, оставляя на асфальте черный широкий след, ползла к двери в подъезд. Когда ж ты сдохнешь, сука?!

Бросился на лестницу, подобрал ружье, начал быстро перезаряжать. Мельком глянул на стену. На выбитой картечью штукатурке блестели черные брызги. Пипец, я ведь в него и из ружья хорошо попал! Спина ныла. Пока не сильно, на адреналине боль затаилась. Потом, наверное, буду загибаться. Если будет это потом. Вообще, состояние было прикольное. Бодрое такое, азартное состояние. Как после полета с горы в аквапарке. Мир ощущался по-другому – ярче, отчетливей.

Все чувства обострены, рефлексy на пределе.

Зарядив ружье, я бросился было вниз, но на половине шага остановился. Опять чуйка пробила! Точно! Еще один бежит! Только не оттуда.

Я вернулся к выбитым дверям на лоджию, высунулся в проем, направив ствол в сторону двери на жилой этаж. Опять топот, сопение, из проема вылетает такой же волосатый парень и получает заряд разнокалиберного железа прямо в башку. Башка огромной красивой кляксой остается стекать по торцевой стене лоджии, а обезглавленное тело, перевалившись через парапет, летит догонять первого Волосатого.

Ну и денек! Я перезарядил ружье и со всех ног бросился вниз. Соблюдать тишину уже не было смысла, сверху доносился топот уже не одной пары ног. Главное не споткнуться, думал я, огромными шагами прыгая через половину марша. Седьмой, шестой, пятый. Топот сверху приближался. Шустрые гады! Может с лоджии сигануть? Четвертый. Не, ну его, может успею хоть на улицу выскочить, там развернусь, одного точно завалю, остальных топором... Третий. Ну ни хера себе размечтался – остальных топором! Ха! Второй. Хриплое дыхание уже почти чувствуется спиной.

Первый!

Я вылетел в тамбур, врезался в стену, оттолкнулся вправо, мельком заметив безобразную морду сзади, на лестничной клетке, и выскочил на улицу. Споткнулся на крыльце, поте-

рля равновесие, боковым зрением определив два темных силуэта с обеих сторон. Падая, начал вскидывать ружье...

– Свои! – раздался крик Лешего.

Я пролетел мимо и растянулся на асфальте, упав прямо на ружье, которое от удара садануло куда-то в сторону. Вслед за моим выстрелом раздалось еще два, почти слитно. Потом меня подхватили подмышками с обеих сторон и очень быстро куда-то поволокли.

– Сам, сам! – заорал я. Меня тут же отпустили, и я, увидев удаляющиеся спины Лешего и Сереги, из последних сил припустил за ними.

Бежали недолго. Тяжело дыша, спрятались за какой-то будкой. Я просто упал на асфальт и судорожно хватал ртом воздух. Леший смотрел за угол, в сторону высотки, Серега водил стволом по сторонам. Минуты через три Леший повернулся и сказал:

– Вроде не бегут. – Посмотрел на меня. – Ну ты даешь, Егор!

Мы шли по широкому, метра четыре, и прямому, как тоннель метро, проходу. Над головой периодически мелькало серое низкое небо, но большей частью путь проходил под землей.

– Мы уж думали все – сгинул ты. Решали – в Сарай двигать или тебя идти искать, время поджимало, – увлеченно шептал Серега. – Тут – бац! Выстрел! Потом сверху стекло сыплет-

ся, кирпичи, а в конце – Волосатый как мешок с говном падает. Кровь в разные стороны брызжет, спина сломана, а он, сука, все равно живой, ползти пытается! Леха только подбежать успел, топором добить, тут чуть ли ему не на голову еще один прилетает, без башки! Леший ржет – разошелся, Егорка, пошли подстрахуем. К подъезду подходим, слышим топот, как табун лошадей скачет, только ружья подняли, тут ты вылетаешь, глаза, как тарелки, а за тобой еще двое мохнатых этих! Ну мы их вальнули и бегом. Ладно больше не выскочило, перезарядиться не успевали, хрен знает, как бы справились. Волосатые, они всегда стаями ходят. Только в домах раньше их не встречали, обычно на улицах.

– Они еще и на лифте катаются, – пробормотал я.

– Хорош пиздеть! – цыкнул Леший. – Не на прогулке.

Мы примолкли. Дальше шли в тишине, хрустело только под ногами асфальтовое крошево, да из скверов иногда доносились, приглушенные расстоянием, знакомые рыки. Волосатое царство...

Проход еще больше расширился, над головой снова появилось небо, а слева навис фасад театра Оперы и Балета. Высоченные колонны держат массивный высокий фриз, на котором вылеплены пронизанные коммунистической идеологией барельефы, а на самом верху вертикальную ось здания венчает десятиметровый памятник товарищу Фрунзе, гордо вздернувший в сторону площади вечно обгаженную голубями голову. В правой руке гранитная кепка, левая ру-

ка оторвана, из плеча торчит ржавая арматура. Как попал на крышу – непонятно. Раньше стоял на постаменте перед зданием...

Ныла спина, каждый шаг отдавался резкой болью в ребрах прямо около сердца, куда пришелся второй удар Волосатого, под расколотым шлемом с оторванным забралом прощупывалась знатная шишка. Зато живой. И вообще – общий счет теперь 3-0 в мою пользу. Так что – расту...

Проход кончился. По пологому откосу мы поднялись на уровень земли и огляделись. Никого. Перед нами лежала улица Краснознаменная, блестя дугами вздыбившихся трамвайных рельс. На другой стороне была Шестерочка, в окнах горел яркий электрический свет.

– Вон там, где рельсы по земле идут, – указал пальцем налево Леший. – Разбегаемся и перепрыгиваем. Я первый. Рельсов не касаться.

– А ничем не стуканет? – спросил я на всякий слушай. – Металл все-таки.

– Не стуканет. Проверено электроникой, – хохотнул тот. – Да ты не ссы Егор, я сам так сто раз делал. Пошли!

По очереди разбегались, прыгали. Вроде все нормально. Ничем не долбануло.

В магазин зашли осторожно, но уверенно. В магазинах ничего никогда не случалось. Это знали все. Почему так – не знал никто. Борода рассказывал, что и от Урода можно было в Шестерочке спрятаться, не лезет он туда почему-то. Бо-

ится. Потопчется рядом, поклопочет и уходит. А еще Борода рассказывал, что давно как-то другая команда, не наша, решила, что лучшего места для базы не найти. Безопасно, электричество есть и главное, жратва поле каждого периода на полках появляется. Ходить никуда не надо. Чем не жизнь? Запёрлись они всей группой в Шестерочку на Локтионовской, закрылись, расположились. А потом ночь наступила. И все. Не видел их больше никто. В магазине том – ничего. Ни следов от пуль, ни крови, только продукты на полках стоят, а людей нету. А было человек пятнадцать, причем, всем на зависть, три девки среди них. Отсюда – вывод. Ночуй только в проверенных местах, а за покупками – исключительно днем!

Вообще, конечно, это был очередной акт театра абсурда нашего существования. Наряду с наличием электричества в определенных местах, холодной, чистой воды в кранах, тоже далеко не везде, были эти магазины, причем исключительно Шестерочки. Ни в Каруселях, Перекрестках и прочих Ашанах ничего подобного не наблюдалось. Темнота, пылица и разнообразные твари, сидящие на кассах и с нетерпением ждущие глупых покупателей. А тут – четко каждые двенадцать дней, когда происходила, как ее называл Леший – "глобальная перезагрузка", то есть смена периодов, на полках Шестерочек появлялись консервы – мясные, рыбные, овощные, разнообразные крупы, макаронные изделия, чай, сахар, шоколад. Только продукты длительного хранения. Никаких овощей, фруктов, свежего мяса, хлеба не было. К большому

сожалению немногочисленных обитателей Города не было и алкогольно-табачной продукции. Вообще.

Словно какой-то нелепый глобальный эксперимент, тест на выживание, где забитым, испуганным людям, будто подачку, периодически подкидывали еду, чтобы они подольше помучались и не съели друг друга. Или туповатая компьютерная игра с плохо прикрытой рекламой конкретной сети супермаркетов. Где мы все – кто-то типа бездушных виртуальных персонажей или ботов с набором определенных навыков и умений, копошащихся на экранах неведомых пользователей, которым неведомые пиарщики пытаются впарить тот или иной продукт, в нашем случае – эту гребанную Шестерку.

Короче говоря, нам выбирать не приходилось. Поэтому – развернули рюкзаки, забили их под завязку небесными дарами по списку и, кряхтя от тяжести, двинули в обратный путь.

Перекинули груз через рельсы, перепрыгнули сами, и спустились в лабиринт. С таким весом на спине, шли, конечно, медленнее, громче – я вращал головой во все стороны, ожидая какой-нибудь подянки, типа прыжка Волосатого сверху. Однако, прошли без приключений. Вылезли на Пилоновской, перебежали проезжую часть. Остановились, как можно дальше от моей высотки, стояли, отдыхали. Леший, достав бинокль, начал сканировать уходящую вдаль Старогвардейскую на предмет спайдермэнов на стене или еще кого.

– Я не вижу, – спустя минут пять сказал он. – Никого нет.

Хотя, если эта дрянь сидит где-нибудь и не шевелится, то ее хрен заметишь. Ладно, может так почую опять...

Посмотрел на часы:

– Пять минут еще курим и идем.

Стояли молчали, тяжело дыша.

– Да уж, покурить бы сейчас... – вдруг мечтательно протянул Серега. – И коньячку выпить... Я раньше водителем работал у воротилы одного. Платил много, но работа – почти круглые сутки. Ни отдохнуть нормально, ни выпить... Я, когда отпуск брал – на две недели в запой уходил. Жена сына забирала – и к матери. Папа отдыхает... – Помолчал.

– А сейчас думаю иногда – сколько времени зря просрал? Зачем? Лучше б сыном занимался, воспитывал, помогал, учил чему-то... Что мы за люди такие, блядь! Правильно ведь, правильно сказано – что имеем не храним, потерявши плачем... Вот и плачем теперь тут, в сральнике этом!..

– Ладно хорош. – мягко сказал Леший. – Что разошелся-то на маршруте? Все кого-то потеряли... Егор – вон... Я, Света. Даже у Бабушки кто-то там был...

– Да не знаю. Больше года держался, мысли гнал, зубы сжимал. А сейчас про бухло вспомнил и прорвало чего-то... Ладно. Все нормально. Пардоньте, господа, за меланхолию. Ну че? Двинули?

– Двинули. – пробормотал Леший. – Меланхолик справа, Егор – слева. Ты, кстати, Егорка на медаль сегодня уже наработал. Вернемся – Бороде предъявишь, а мы подтвердим.

Может ништяком каким наградит.

– Да, Егор у нас теперь – настоящий пожарный, – поддержал Серый. – Кроме шуток. Молодец, удивил стариков.

Я промолчал. С одной стороны, было очень приятно слушать, как тебя хвалят опытные стрелянные мужики, с другой, нечаянные слова Сереги про свою прошлую жизнь как-то отозвались внутри, поменяли что-то в восприятии мною этого хмурого молчаливого мужика. Как будто Серега перестал быть для меня вынужденным товарищем по несчастью, а стал просто товарищем, другом, которого понимаешь и за которого переживаешь... Да странные метаморфозы сознания последние несколько дней. Странные...

Мигающий светофор на перекрестке приближался. Мне казалось, что я слышу в тишине гудение наших натянутых до предела нервов. Мой сектор обзора слева – как раз со стороны, где мы видели зверушку на стене. Взгляд движется по окнам вверх-вниз, стараясь не пропустить даже намек на движение. Вон то самое окно, куда она залезла. Зияет распахнутым прямоугольным ртом на последнем этаже. Все, прошли мимо. Вот синий козырек, где она сидела, – тоже мимо. Наверное, отдыхает Спайдермэн. Спит в своей паутине...

Остановились там же, за остановкой. Скинули рюкзаки, сели прямо на асфальт. Леший припал к биноклю. Мы с Серегой молчали, пытаюсь восстановить дыхание.

Наконец наш ведущий оторвался от бинокля:

– Ну что, мужики, вроде прошли. Немного еще. Осталось

мимо института прошмыгнуть и, считай дома! Егор, ты че бледный какой?

– Ребра болят. Спина болит. Голова... Меня этот мудака волосатый так оприходовал, хоть в больницу ложись...

– Нету здесь поликлиник, исключительно самолечение, – протянул Леший, опять смотря в бинокль вдаль, по Старогвардейской. Нам туда не надо, решил, видимо, перестраховаться.

– Ничего, терпи, коза, а то мамой будешь. Если бы что серьезное было, ты до сюда бы не дошел. Тем более с таким весом... Ты, кстати, Горгулью видел когда-нибудь? – спросил он вдруг.

– Не имел еще удовольствия, – ответил я, – Только в книжках.

– На, посмотри, – довольно улыбаясь, протянул он мне бинокль. – Метров триста по правой стороне, старый четырехэтажный дом, красивый такой с башенками. На крыше.

– Может не надо? – простонал я.

– Надо, Федя, надо! Пригодится.

Я взял бинокль. Да, помню этот дом. Еще дореволюционной постройки, поэтому неплохо сохранившийся. Вроде бы даже памятник архитектуры. Там на первом этаже ресторанчик еще был, японский. Суши, роллы, sake...

Сначала я решил, что это элемент фасада. Потом приблизил, увидел. На выдающемся вперед изящном карнизе сидела скрюченная темная фигура. Устроилась на корточ-

ках совершенно неподвижно, как будто каменная. Ноги тоже заканчиваются руками, здоровенными когтистыми пятернями, вцепившимися в карниз, руки, не менее когтистые свисают вниз, опираясь предплечьями на мосластые колени. Мускулистые бедра, перевитый жилами широкий, плечистый торс. Лицо – почти человеческое, только челюсть намного мощнее, а так даже нос есть и уши, остроконечные, как у эльфов из кино. Габаритами – не меньше Валуева. Сложно в бинокль определить, может даже крупнее. Но главное – за спиной торчат сложенные кожистые крылья, в натуре – Горгуля. В чем-то даже изящная, привлекающая своей хищной смертоносной красотой. Не то, что всякие Уроды и прочие.

– А она что, летать умеет? – спросил я.

– Не-е, только парить. Но далеко. – ответил Леший. – Залезет повыше и оттуда пикирует на голову. Когти – как скальпели. А вообще, она ядовитая, то есть заразная. Если поцарапает – лучше сразу пулю в башку. На следующий день такое начнется, мама, не горюй! Помнишь, Серый?

– Забудешь такое, – пробурчал тот. – Ну что, потопали? Засиделись, скоро свет выключат. Повывезают всякие.

– Потопали, -согласился Леший, забирая у меня бинокль. – Улицу перебегаем в темпе, чтобы не увидела, потом, за углом, сбавляем.

Перебежали перекресток. Опять на красный. Рефлексы мирного горожанина забылись очень быстро. Прошли мимо

корпусов тихого пока строяка и добрались до нашего склона.

Леший, начавший спускаться первым, вдруг застыл. Мы с Серегой тоже встали, зная, что ничего хорошего это не предвещает. Я даже оглянулся – может Горгуля уже на голову пикирует? Нет. Сзади пусто. Впереди вроде тоже. До нашего люка еще метров двадцать спуска.

– Егор, а ты из дома того в эту сторону не смотрел? – услышал я напряженный шепот Лешего.

– Смотрел. Все спокойно было. Ну так, показалось что-то...

– Что показалось? – быстро перебил меня он.

– Ну-у... Типа три линии или нити будто промелькнули, я решил, что это от лестницы нашей...

– Три линии, – повторил задумчиво Леший. Пожевал губами. – Не. Не может быть. Мы же тут каждый день ходим...

– Что не может быть-то? – спросил явно начавший нервничать Серега.

– Да есть одна херня, ее Трассером называют, – нехотя проговорил Леший. – Но они к определенному месту всегда привязаны. Даже после перезагрузки не перемещаются...

– Короче, у нас их тут точно нет! – уверенно изрек он помолчав. – Пошли!

Все-таки, видимо, расслабился наш проводник. То ли близость к Сараю сказала, почти дома, все знакомо, то ли что еще, не знаю. Да и я тоже, если честно, особо не прислушивался к своему обострившемуся чутью, которое что-то кри-

чало мне из глубин подсознания, как сегодня на лестнице...
Вобщем, мы пошли дальше. Добрались до люка, сняли рюкзаки, я и Серый приподняли крышку, Леший сбросил наш ценный груз вниз и прыгнул вслед за ним. Я посмотрел на Серегу – тот кивнул мне – типа прыгай, я подержу. Я посмотрел в люк, оттолкнулся ногами от края, и тут раздался негромкий хлопок, что-то вспыхнуло, оставив на сетчатке три ярких параллельных росчерка, а лицо обдало теплой водяной пылью. Ничего еще не понимая, я приземлился на пол коридора, немного подвернув ногу, и тут мне на спину упало что-то круглое и твердое, отскочило и запрыгало по бетонному покрытию в сторону двери в бункер. Сверху с громким лязгом встала на место крышка люка.

Зрение постепенно возвращалось, привыкало к полумраку, перед глазами постепенно растворялись три нити. Вместо них проявлялась темная спина Лешего.

– Это что щас было? Где Серега? – спросил он, поворачиваясь ко мне и поднимая фонарик. – Бля, Егор ты в крови весь...

Я промолчал. Только поднял дрожащую руку с фонарем и осветил в сторону двери, где в углу, уставившись на нас остекленевшими глазами, застыло перекошенное лицо Серого...

– Мать твою! Суки! Ненавижу! Твари, бля! – орал Леший и со всей силы бил кулаками по кирпичам. – Как так, блядь! Ну как?

Я в это время просто сползал по стене, не в силах отвести взгляда от оторванной головы, под которой медленно расплывалась темная лужа...

4.

– Суки! Мать твою!

Егор проснулся, с трудом разлепив тяжелые веки. Огляделся, медленно сел. Лучше б не садился. Голова раскалывалась, свет резал глаза.

Лег, сжался в комок под грязным одеялом.

– Твари! – ругался кто-то рядом.

"Это Максим", – всплыло в мутном сознании. – "Я у него на даче, и мы бухаем. Второй день... Нет, пятый..."

– Прикинь, Егор! Эта тварь мне даже пива сраного в долг налить не может! А я ей всю проводку в том году сделал!

– А у нас, что вообще ничего не осталось? – разлепив сухие губы, поинтересовался Егор.

– Нет! Ни капли. Мы вчера даже бабкину записку допили!

"Теперь понятно, почему так хреново..."

Какой-то мутный дикий сон, что-то про сплошные оторванные головы, медленно растворялся, вместо него проявлялись отдельными кусками события предыдущего дня и ночи.

"Пипец, просто!"

Была середина августа. Егор взял двухнедельный отпуск. Ни о какой загранице не могло быть и речи, денег почти не было. Тем более, жена свой сорокадневный, назло ему, уже

отгуляла. Поэтому, в пух и прах разругавшись с ней, он даже уже не помнил с чего все началось, Егор психанул, прыгнул в машину и уехал куда глаза глядят, основательно закупившись водкой. Вообще, он планировал провести отпуск, как в молодости, дикарем на Андреевских островах, его давно зывал бывший одноклассник, каждый год ставивший там лагерь. Взять дочку, порыбачить. Выспаться. Подумать...

Но не судьба...

В тот день он, скорее всего, просто нажрался бы и вернулся домой, а на следующий – уехал бы на острова, но позволил Макс, который, оказывается тоже решил отдохнуть.

Макс – был просто знакомым. Не другом детства, не одноклассником, – просто собутыльник, тоже очень любивший посинячить. А еще у него была дача. Всего в тридцати километрах от города прямо на берегу Реки.

Наверное, в обычном состоянии, Егор бы не согласился на предложение "порыбачить", но в тот день на нервах и обиде, особо не размышляя, он рванул в сторону северного выезда и через сорок минут уже поднимал первую рюмку, чокаясь с коренастым сорокалетним мужичком с хитроватой и припухшей физиономией.

И понеслась...

Поначалу по-честному пытались рыбачить. Даже чего-то поймали. На следующий день чуть не утопили лодку, старую раздолбанную казанку. Мотор накрылся, а рыбачить на веслах было не комильфо.

"Ну, лодку не утопили, баню точно сожжем!" – видимо решил Макс на третий день запоя. Поэтому, сначала пили за баню, потом за ее мужественное спасение от огня. Приехала жена Максима и на вполне логичный вопрос, какого хрена тут происходит, была послана мужем на все три буквы. Орала она долго, досталось и мне, типа уж от тебя я такого не ожидала, потом, поняв всю бессмысленность своих попыток достучаться до пьяных мудаков, она села в машину и исчезла в клубах пыли.

На четвертые сутки решили выйти "в люди". У Максима появилась навязчивая идея найти баб, которых, по его мнению, на территории массива было немерено, причем, все фотомодели, обожающие бухих мужиков. Баб не нашли, зато нашли каких-то молдаван, строивших дом на соседней улице, и весь вечер квасили с ними за дружбу народов, поминая Советский союз. Кончилось все потасовкой, в ходе которой Максим чуть не словил в печень совсем не кухонный нож. Я вытаскивал его за ворота, он упирался, орал про Великую Россию и всяких сраных чурок, а молдаване, явно не причислявшие себя к чуркам, орал что-то на своем языке и швыряли в нас пустые бутылки.

Потом был променад по всем окрестным дачам в поисках выпивки. Тут в памяти Егора уже начали появляться пробелы. Посидели у какого-то дяди Миши. Потом, уже ночью, еще у кого-то ели шашлык и снова пили. Последним воспоминанием было купание голышом и долгий разговор "за

жизнь" на берегу. В чем была суть разговора, Егор не помнил совершенно, зато точно знал, что он был "за жизнь". А уж поиски и последующее распитие бабкиной заначки вообще остались за бортом продырявленной памяти.

Короче, весело... Так весело, что хотелось сдохнуть. Такого запоя у Егора еще не было. Организм был скрючен не обычным похмельем, а мощнейшим абстинентным синдромом. Все тело тряслось, мысли разбегались, было страшно, стыдно, голова раскалывалась на куски. А тут еще рядом суетился и матерился неугомонный Макс, который, в отличие от Егора, в запойное состояние только входил. Наверное, сказывался опыт...

– Ниче-ниче, шас надыбаем самогона. – бормотал он, ища ключи от машины, – Доеду до Царёвщицы, у другана займу. Только он что-то трубку не берет, зараза!

– Не-е, я все... – выдавил Егор. Ему тоже очень хотелось похмелиться, но остатки здравого смысла навязчиво намекали, что это может стать последней опохмелкой в его жизни. – Да и ты куда за руль? Там же через пост ехать...

– Да ладно! – отмахнулся Максим и, покачиваясь, вышел во двор. Он, как наконец понял Егор, даже не начинал трезветь.

В холодильнике оставался рассол. Прямо из горла залив в себя половину банки, Егор почувствовал себя только хуже. Сел на кровать, обхватив чугунную голову. Застонал. Закрыл глаза, посидел. Снова открыл. А вот и ключи – лежат

на полу возле окна. Нагнулся, поднять ключи, еле сдержав рвоту. Положил их над входной дверью, задвинув поглубже. Свои тоже спрятал на всякий случай. "Пусть на велосипеде едет, рыбак хренов!". Вышел на улицу. Жарко, солнце перевалило за полдень, хорошо поспал...

Около крыльца стояла бочка с водой. Егор окунулся в нее чуть ли не по пояс. Теплая, дурно пахнущая вода не принесла никакого облегчения. Он открыл калитку и, щурясь от нестерпимо яркого палящего солнца, побрел к Реке. Под сердцем тупо ныло, каждый шаг отдавался болью в пояснице. Навстречу шла соседка, бабка лет семидесяти.

– Доброе утро, – прохрипел Егор.

– А-а-а, проснулись изверги! – с ненавистью и отвращением глядя на него заголосила та. – Какое утро, вечер уж скоро! Третью ночь песни орете, а теперь на водку занимаете? Был бы муж мой жив, погуляли бы вы так, сволочи! А ведь с виду – нормальный мужик, машина, одежда... А сейчас на себя посмотри – грязный весь, опухший, не стыдно? Разве можно так? Ну пьете – так пейте тихо, другим не мешайте... Ты на пляж что ли намылился? Ты ж там шас всех детей распугаешь!

– Простите, – Егор опустил глаза. Посмотрел на себя. Рваные шорты, грязные ноги, слева на ребрах огромный синячище. "Это обо что я так? Хорошо хоть зеркало нигде не висит, рожа, небось, еще похлеще, чем у Макса..."

Дачный пляж был метрах в ста вверх по течению. "Боль-

но далеко, не дойду", – подумал Егор и полез на деревянный понтон, покачивающийся на волнах прямо около Максимовой дачи. К понтону крепились два паука, один пустой, во втором стояла их казанка, наполовину затопленная водой. "Пробили-таки по ходу. Надо Макса звать, вычерпывать, утонет еще... Ну и хер бы с ней, пусть тонет. Сил нету..."

Дойдя до края, Егор, даже не пытаясь оттолкнуться, просто упал в прохладную, ласковую воду. Погрузился метра на полтора, чувствуя, как остывает перегревшееся, отравленное тело. Вынырнул и несильными гребками поплыл от берега на глубину, где вода еще холоднее. Проплыл метров сорок, огляделся, и убедившись, что катеров поблизости нет и порубить его винтами никто не спешит, Егор перевернулся на спину, раскинул руки и застыл, блаженно покачиваясь на волнах.

"Весь день буду в воде, – подумал он. – Может к вечеру очухаюсь. Хотя нет. Самое раннее – завтра..."

В душе, постепенно отходившей от алкогольной анестезии, набирала обороты знакомая депрессивная пластинка. Жгучий стыд, злость и презрение к самому себе, осознание собственной никчемности – все, что он четыре дня старательно заливал водкой и прочими напитками, разгоралось пуще прежнего.

"Да, до такого я еще не опускался. Это, на самом деле, уже начало конца. Ушел из дома в запой, бросив семью... Надо

хоть телефон включить, жене позвонить, а то она, наверное, по всем моргам уже прошла". Сморщившись при мысли о предстоящем разговоре, Егор перевернулся на живот и огляделся более-менее осмысленными глазами. На юге, вниз по течению, в сизой дымке прорисовывался контур Города, на другой стороне Реки возвышались невысокие, одетые зеленью горы, обозначавшие границу заповедника, в синем бездонном небе над головой одиноко парила здоровенная чайка, слева, с пляжа, раздавались счастливые крики и визги детей.

"Ну чем не Турция? – в который раз мелькнула мысль. – Ложись на песок и отдыхай. Зачем так нажираться-то?"

Егор начал мерзнуть. Организм, еще пребывая в стрессе, путался в терморегуляции. Егор, решив, что пора плыть к берегу и греться, набрал побольше воздуха в легкие и напоследок нырнул поглубже, чтобы добиться эффекта контрастного душа. Уйдя под воду метра на два, он открыл глаза и застыл, стараясь еще больше охладить тело перед выходом на жару.

И тут из темно-зеленой глубины появилось стремительное змеиное тело толщиной с водонапорную башню и, опирав дугу вокруг Егора, снова исчезло в пучине.

Егор поперхнулся, судорожно толкнулся наверх, вынырнул, жадно хватая воздух ртом.

Мир стремительно темнел. Исчезло солнце, по посеревшему небу побежали темные облака, не было слышно го-

лосов людей, а вокруг ничего не понимающего Егора, то справа, то слева из воды начали выскальзывать сегменты от-вратно-белесого огромного туловища, с бешеной скоростью огибающие его против часовой стрелки, постепенно сужая радиус окружности, в центре которой находился Егор. Все происходило в полнейшей тишине. Ни брызг, ни плеска пенящейся воды. Егор заорал, скинув оцепенение, и со всей силы, кролем рванул к берегу. Потом заорал еще раз, точнее забулькал, так как плыть не получалось, вода стала очень плотной и вязкой, посерела и стала напоминать бесцветный, обжигающий все тело кисель, в который все глубже погружался Егор. Погружался словно в огромный круглый колодец, стены которого были сделаны из толстенных, быстро движущихся мертвенно бледных бревен, перевитых багровыми прожилками вен. А на дне этого колодца притаилась Смерть. Этого Егор не видел, но точно знал. И он опускался прямо к ней. Или она поднималась к нему. Стремительное мелькание вокруг не позволяло Егору определить движется ли он сам или застыл на месте, бессмысленно барахтая руками и ногами.

Неожиданно натянутую тишину прорвал страшный многоголосый крик, исходивший одновременно со всех сторон и изнутри Егора. Словно кричал весь мир, вся Вселенная.

Эттимму! Нару муш!!!

На какой-то момент он, оглохший, задыхающийся, отключился... А когда снова открыл глаза, светопреставление ис-

чезло, страшный голос затих, вокруг снова стояла тишина, нарушаемая только писком давления в ушах. Вода снова стала водой.

Из последних сил, чувствуя, как отсутствие воздуха разрывает легкие, Егор рванулся вслед за пузырями к свету наверху. Уже теряя сознание, вынырнул, глотнул воздуха, снова ушел под воду, поперхнулся, снова вынырнул... Раза с пятого получилось начать дышать. Часто, но без перебоев.

Светило солнце, кричали дети на пляже, небо было синим, вода прохладной и прозрачной, берег желтел горячим песком. Кое-как доплыв до него, Егор, как потерпевший кораблекрушение моряк, выполз из воды и упал лицом в песок. Сердце колотилось. В голове каруселью мчались мысли, образы, слова, и невозможно было уцепиться за что-то конкретное, вычленив из этой круговерти что-то, что помогло бы понять происходящее...

Лежал минут пятнадцать. Просто лежал, ничего не сообщая, смотрел в одну точку.

Оцепенение прервала двухвостка. Самая обычная двухвостка, каких полно на любом пляже, деловито пробежала как раз через ту точку, куда пялился Егор, и быстро зарылась в песок.

"Гадость какая!" – сформировалось в голове.

"А если – это насекомое, размером с ноготь – гадость, то как назвать то, что я сейчас видел в воде? Или не видел?.." Мысли начали выстраиваться в логические цепочки, дефраг-

ментация жесткого диска подходила к концу.

"Неужели опять? Неужели снова глюки, как месяц назад в Городе?"

После тех случаев во время поездки в такси и на площади Доблести Егор перечитал множество тем в интернете, посвященных белой горячке и решил, что это все-таки была не она. Больше похоже на шизофрению... Припадки вроде не повторялись, и Егор немного успокоился, хотя депрессивные проявления с той поры только усилились, а рожа того чудовища нет-нет, да и всплывала перед глазами...

Но то, что произошло сейчас, было настолько реально, настолько детально и ярко пропечаталось в сознании, что списать это на галлюцинацию, пусть даже с жестокого похмелья, не удавалось. Кожа все еще пылала от соприкосновения с непонятной едкой субстанцией, а в ушах до сих пор гудело эхо страшных непонятных слов, из которых он запомнил только последнее, что-то типа "муш" или "муж". В конце концов он чуть не утонул!

"Все это было на самом деле, – подумал Егор. – Здесь. Сейчас. Со мной. Причем я этого червячка уже где-то видел. Вот только где? В кино, в книге? В другой жизни?" Последняя мысль, судя по всему, заступила за какую-то запретную черту, на территорию таких глубин подсознания, про которые человеку лучше вообще не знать. В памяти Егора вспыхнули образы каких-то людей, бледных, осунувшихся, но с суровыми и мужественными лицами, причем людей этих он

откуда-то знал, хриплые голоса, произносящие непонятные слова, мелькнули перспективы улиц, знакомых и незнакомых одновременно. Улиц, где на каждом шагу таилось что-то страшное и злое, и напоследок, – красивое женское лицо, самое красивое и самое любимое на свете. Знакомое и родное до боли в сердце, и в то же время чужое и далекое, как звезды над головой, свет которых освещает тебя из невообразимой глубины времен, с таких расстояний, которые тебе никогда не преодолеть и не осмыслить...

Жуткая тоска скрутила Егора. Снова, как тогда, чувство безвозвратной потери, только в разы сильнее. Слезы потекли из глаз... Он свернулся на песке и зарыдал, как ребенок.

Проходящие мимо люди с удивлением смотрели на лежащего на берегу и безутешно плачущего взрослого мужика. Дети показывали пальцами и что-то спрашивали у родителей, те молча качали головой и переглядывались. Егор ничего не замечал. Ему было очень плохо...

Слезы текли и текли. И вместе с ними постепенно из памяти, заглянувшей в запретное, уходили разбередившие душу образы, затихали голоса, стирались лица. Только незнакомая темноволосая девушка еще долго смотрела на Егора блестящими серыми глазами, в которых глубокая тоска медленно превращалась в светлую грусть, но потом и она исчезла, растаяв, словно утренний туман над речкой.

Егор медленно поднялся, осмотрелся вокруг.

"Какой позор! Лежал тут и сопли размазывал. Боже, что

же со мной происходит? Что я видел? Почему я? Неужели это все на самом деле? Неужели я не сплю? Почему другие живут и радуются, если пьют – так весело, хоть и до инфаркта, и не думают ни о чем, не ковыряются в себе, не видят никаких лиц и страшилищ? А у меня все не так, все с надрывом, все через жопу!"

Тело и шорты были в песке. Егор долго не решался подойти к воде, но все же зашел по колено, кое-как смыл песок, опасливо косясь в глубину, и поплелся на дачу к Максиму.

Машины хозяина во дворе не было. "Нашел ключи все-таки, гад! Ладно хоть не на моей уехал..." Взял телефон, сел в тенок под яблоню, долго смотрел на черный экран, подом вздохнул и нажал кнопку включения. Через минуту начали приходить эсэмэски. Восемь пропущенных с работы, пять с неизвестных номеров... и ни одного от родной и любимой жены.

"Неужели настолько по фигу? – удивился Егор. – Я конечно урод, но пока еще муж. А я-то думал, она там морги с больницами обзванивает."

Посидел, покурил, потом все-таки набрал номер. Ответила сразу.

– Ты разговаривать и воспринимать информацию в состоянии? – с ходу спросила она.

– Привет. – ответил Егор. – В состоянии.

– Короче. Где ты есть – я знаю, чем занимаешься тоже догадываюсь. Привет Максиму передавай, мне Ленка позавче-

ра звонила.

– Подожди, послушай... – попытался вставить Егор.

– Нет, это ты послушай! Вещи я собрала, в воскресенье мы уезжаем к маме. В понедельник я подаю на развод. Ты бухай там сколько хочешь, хоть до зимы оставайся, если не сдохнешь! Мне по барабану! Я так больше не могу, Егор... Это окончательное решение, можешь мне не звонить, не писать и, главное, пока не протрезвеешь, даже не думай появляться. Насчет квартиры и прочего будем разговаривать, когда в себя придешь. Все, счастливо пропиваться!

– С дочкой хоть дай поговорить, – успел сказать он.

– Обойдешься! Про дочку раньше надо было думать! – и отключилась.

Егор закурил еще. Да, неприятно, конечно, но после того, что произошло на пляже, вся окружающая действительность воспринималась как-то плосковато, без должного эмоционального пиетета.

"Ну вот, теперь действительно все... Хотя, чему удивляться."

За забором скрипнули тормоза, и в калитке показался Макс. Улыбка от уха до уха, в одной руке буханка хлеба, в другой – две бутылки водки. Одна уже начатая.

– Кто ищет, тот всегда найдет! Это я и про ключи тоже, – подмигнул он Егору. – Ты, как хочешь, а я продолжаю банкет!

– Продолжай, – вяло ответил Егор и лег на траву. Рассла-

бился. Закрыв глаза. Прямо на лоб ему с глухим стуком упало яблоко.

– Ньютон, бля! – заржал Максим. – Или кому там на бошку тыква то упала? Копернику?

Егор молчал, глядя как высоко-высоко в голубом небе величественно парит сокол. С севера набегали редкие пока облака. Было очень душно. "Гроза будет, наверное", – равнодушно подумал он.

Макс шустро разложил на уличном столе закуску – маринованные огурцы из банки и порезанный хлеб, поставил две стопки, начатую бутылку, сел. Посмотрел на Егора, помолчал. Потом махнул рукой. Посидел. Похлопал себя по коленкам. Снова посмотрел.

– Так я не понял – ты не хочешь или не будешь? – наконец спросил он.

– Максим. – тихо проговорил Егор. – Скажи мне, как рыбаку рыбаку, у нас тут сомы водятся?

– Обижаешь, Егорыч! Это ж Великая Русская Река. Тут все водится. И сомы, и жерехи, даже осетр. А что?

– Большие?.. Сомы?

– Ну-у, – он почесал голову. – Лично я видел метра три длиной. Мужики рассказывали – и четырехметровых доставали. А что ты про сомов то все?

– Да купался сейчас, вроде видел одного, – ответил Егор. – Сома...

– Большого?

– Вполне.

– На башке усы были?

– Да башку не видел, только туловище, – сказал Егор. – К счастью... Ладно, Максимка, наливай...

"Снова пьем... А как тут не пить, когда такое творится?" – Егор сидел, погруженный сам в себя, автоматически чокаясь с Максом, который рассказывал ему что-то про сомов, воблеров, прикорм и прочие рыбацкие прелести.

После второй рюмки немного полегчало. Подлю обману-тый организм воспрял духом, алкоголь с легкостью преодолел гематоэнцефалический барьер, и уровень серотонина в синапсах мозга резко повысился. Все стало проще и спокойней. Мысли о необъяснимых событиях и видениях никуда не ушли, но стали ровнее, логичнее. Исчезла паника...

"Так. Семью верну. Лоб расшибу, но верну. Сейчас надо попробовать разобраться с самим собой. –думал Егор. – Не нажраться как обычно, а с помощью водки поддержать мозг в тонусе. Главное – вовремя остановиться. Для начала надо вспомнить те слова, которые мне орали в уши там, под водой."

Однако вспомнить удавалось только что-то вроде "жара муш" или "жару муш". Насчет начала он не был уверен, но "муш" помнил точно.

"Блин, португальский что ли? У них там одни "у" да "ш". Максиму кто-то позвонил, и он начал расхаживать вокруг

стола и что-то увлеченно обсуждать, махая рукой с зажатой в ней пустой стопкой. Егор, воспользовавшись передышкой, достал телефон и вбил в браузере слово "муш".

Первым выданным ответом был город в Турции, что-то про армян и геноцид в этом самом городе. Дальше шел ресторан в Челябинске, агенство по бронированию авиабилетов в Костроме, пушок на подбородке или на верхней губе, который был в моде в шестнадцатом веке во Франции...

"Причем здесь вообще Турция? Армяне, пушок на губе... Бред какой-то!"

– Через час мужики приедут, пиво привезут! Наше, бойлерное, прям с пивзавода! – радостно сообщил подошедший Максим. – Жизнь продолжается!

– Ништяк! – ответил Егор. – Только пива нам еще и не хватало... Я надеюсь не меньше цистерны?

"Какие мужики? На хрен они нам тут сдались?.. Баня сегодня точно сгорит..."

– Да не. Литров двадцать не больше, – что такое сарказм, Максим явно не знал. – Нормальные мужики, мы на зимнюю рыбалку вместе ходим.

– Ясно... Там, кстати лодка твоя воды полная. – вспомнил Егор. – Утонет...

– Да ладно, первый раз что ли? Достанем. – махнул рукой он, – Хочешь – пойди повычерпывай. Половник дать?

– Нет, спасибо.

– Ну тогда – наливай!

Чокнулись, выпили... Посидели. Максим все-таки не удержался, решил сходить проверить свое корыто, а Егор продолжил шерстить интернет в поисках значения загадочного слова.

Попробовал португальский язык. Ничего. Зато английский выдал сразу два варианта: путешествие с собаками и кукурузная каша.

"Может меня тот червячок покормить хотел? Кашки предлагал?.. Нет, так я ничего не добьюсь... Надо всю фразу вспомнить. Хотя, как тут вспомнишь, я в шоке был, захлебывался, ладно хоть, как самого зовут, не забыл..."

Наконец, минут через пятнадцать мучений, выскочила какая-то группа "В контакте", посвященная древнему шумерскому языку, где искомое слово переводилось, как "змея". Это было уже близко, и Егор попытался вспомнить, что ему известно про шумеров. Историю он знал неплохо, но вот именно шумеры для него были проблемой. Про них он ничего толком не помнил; вроде одна из самых древних цивилизаций. Вавилон, Месопотамия и богиня Иштар, что-то такое было в одной из книг Пелевина...

Но, к счастью, человечество придумало мобильный интернет, и вскоре Егор вкратце знал, что из себя представляла загадочная шумерская цивилизация, и главное, что происхождение ее являлось одной из сложнейших научных проблем современности. Ни один историк не мог толком объяснить, откуда она взялась. Сами шумеры в своих преданиях

утверждали, что прибыли с какого-то острова, бывшего для них чем-то типа потерянного рая. Язык их тоже стоял особняком, никак не связываясь с другими древними наречиями.

"То есть, типа, они как инопланетяне? – подумал Егор. – Забавно... А при чем тут я?"

Начал подробно сканировать словари и буквально тут же выскочило слово "эттимму". "Эттимму Нару Муш" – щелкнуло в голове. – "Запомнил-таки, Егорка! Ну-ка, ну-ка и что все это значит?"

Сходил к машине, достал бумагу и ручку. Через пять минут Егор сидел и ошалело смотрел на текст, написанный его рукой на клетчатом блокнотном листе.

"Духи умерших, но не нашедших покоя, божество или демон речных вод, змея".

Вот так... Насчет первого было немного непонятно, но остальные два определения по теме явно подходили. Егору было ясно одно – это был не глюк. Таких совпадений не бывает. В голове мелькнул, конечно, вариант, что хитрожопое подсознание, достало с какой-то дальней полки слышанные когда-нибудь в школе или еще где-то слова и вставило их в галлюцинацию, чтобы хоть как-то наполнить ее подобием смысла. Но это было уже совсем сложно, и Егор решил принять рабочей версией то, что все было на самом деле. И внезапно потемневший мир, и непонятная вода, и существо, в ней обитающее.

"Просто какой-то день Нептуна! Древний речной божок

хотел потопить алконавта Егора... Тогда получается, события месячной давности тоже имели место быть на самом деле?"

Голова шла кругом. Егор разгадал шифр, но легче ему от этого не стало.

"И что дальше? Как понимать "духи умерших, не нашедших покоя"? Покой мне, конечно, давно и не снился, но я вроде живой пока? Вот, сижу курю, водку пьянствую... Пойти к мозгоправу, сказать, что меня посещают облезлые чудища и древние боги? Так он меня сразу в дурку упечет. Без вариантов..."

Его тягостные раздумья прервал вернувшийся Максим.

– Утопла, зараза! – весело объявил он. – Ничего, никуда не денется, она привязанная. Пацаны приедут – достанем, там неглубоко.

– А движок? – спросил я, прикидывая в уме вес казанки и перспективы достать ее с двухметровой глубины вчетвером.

– А вот движку по ходу трындец! Так что, наливай – помянем.

"Вот человек! Все ему нипочем. Почему у меня так не получается?"

– А ты че какой тухлый сегодня, Егор? – спросил Макс, подставляя свою рюмку. – Не отпустило что ли еще?

– Жене звонил. Разводится она со мной...

– Ой да ладно! Мы с Ленкой каждый месяц разводимся и ничего. Так и не развелись до сих пор. Побесится и успо-

коится.

– Вряд ли, – сказал я. – Моя не успокоится...

Выпили. Похрустели маринованными огурчиками. Закурили. Максим помолчал, задумавшись о чем-то, а потом выдал:

– А давай закодируемся, Егор! Только вместе. Вот сегодня добухиваем и все! В больничку... Ну может завтра еще похмелимся. Или послезавтра... Я ведь кодировался уже. Прикинь, год не пил. Вообще ни капли. Зато потом, конечно, наверстал... Но мы не на год, а сразу лет на пять сделаем, там ненамного дороже. Ну че, ты как?

Егор с удивлением посмотрел на него. Вроде не шутит...

– Ну давай... Попробуем.

"Рассказать ему что ли? Не, лучше не надо..."

Егор тоже кодировался. Года два назад, когда в очередной раз в минуту просветления ясно осознал, что синяя дорога ведет в никуда. А еще хотел проверить: если долго не пить, пройдет его депрессия или нет? Повелся на креативную рекламу, развешенную на щитах по городу, там голова у яростно орущего небритого мужика была насквозь проткнута бутылкой водки. Пришел на консультацию. Стильный дизайн, агитационные плакаты на стенах, сочувственно-деликатное обращение девочки на рецепции. Врач с тем же понимающим выражением на лице объяснила, что кодироваться лучше не на год, а хотя бы на три, а еще лучше на десять. За это время у человека успевают сформироваться новые ценности

и ориентиры в жизни, и процент рецидива минимален. Вроде все логично

И как раз у них сейчас большие скидки...

Егор согласился на три года, так как срок десять лет откровенно пугал. Врачиха объяснила, что ему в кровь будет введен специальный препарат, название его Егор уже забыл, и любая, даже самая минимальная доза алкоголя, взаимодействуя с ним, приведет к очень неприятным ощущениям. А не минимальная – вообще к летальному исходу. Но не переживайте, в любой момент мы вас можем раскодировать. За денежки, естественно...

Был подписан договор, назначена дата и заплачены деньги. Деликатный тон врача и неподдельный интерес к судьбе Егора сразу же исчез. "Мы Вас ждем в понедельник, не опаздывайте и не пейте накануне". Хорошенько бухнув дорожкой водки напоследок в субботу, в назначенный день и час Егор явился в эту клинику. Та же девочка на рецепции холодно спросила:

– На процедуру? Проходите, Вас ждут врачи.

Врачами оказались две тетki, похожие на быдло-медсестер скорой помощи, которые уложили его на кушетку и косноязычно разъяснили ему еще раз суть процесса кодирования. Потом Егору вкололи что-то в вену, а что-то в задницу и сказали:

– Сейчас мы Вам дадим ваточку, намоченную в спирте, а вы ее просто понюхаете.

Егор хотел сказать, что никакой ваточки не надо, он верит им и так, но не успел. Тело свело судорогой, начало дико жечь, а в голове как будто разорвался ядерный заряд. Продолжалось это веселье около двух минут, в течение которых Егор реально думал, что сейчас умрет, а "врачи" бегали вокруг него и охали, кричали что-то про укол адреналина, шок, но все это было, как потом вспоминал Егор, как-то ненатурально, словно по отыгранному много раз сценарию. Потом отпустило. Его, трясущегося и потного, отвели на рецепцию, наскоро напоили чуть теплым чаем и буквально выставили за дверь.

Егор добрал до машины, сел за руль и понял, что ехать сейчас не сможет, было очень плохо. Около получаса приходил в себя, наконец отдышавшись и почувствовав себя в состоянии управлять автомобилем, мысленно поздравил себя со сделанным Настоящим Шагом в жизни и удовлетворенный поехал на работу. Только одна поганая мыслишка чуть-чуть портила общую картину грядущей счастливой трезвости. Даже не мыслишка, а просто довольно странный факт, заключавшийся в том, что ватку, смоченную в спирте, он понюхать так и не успел...

Не пил Егор ровно пять месяцев. Сначала было очень необычно, но в принципе неплохо. Он не употреблял алкоголь и чувствовал себя героем. А однажды, нечаянно съев конфетку с коньяком, так испугался, что помчался в туалет отрыгивать ее, введя в недоумение супругу, естествен-

но ничего не знавшую про кодирование. Но продолжалась эта эйфория не больше трех недель. Гордость за себя и оптимистичный взгляд в будущее быстро сошли на нет, депрессия вернулась с новой силой, и спрятаться от нее теперь было некуда, а жена быстро нашла новые причины для своего недовольства и претензий. И еще, все больше подозрений вызывал сам процесс кодирования, похожий на плохо поставленный спектакль. Неискренний испуг "врачей", и эта недонюханная ватка не давали Егору покоя. К концу четвертого месяца трезвой жизни стало совсем невыносимо. Панические атаки, постоянная тревога, упадническое настроение вышли на какой-то иной, более продвинутый уровень. Можно было пойти, заплатить деньги и раскодироваться, но Егор, чувствуя подставу, скрипел зубами и терпел.

И тут на помощь, как всегда, пришел интернет. В течение двух недель Егор изучал виды и схемы кодирований, листал форумы алкоголиков и бывших алкоголиков, где на отдаленных ветках можно было найти некие намеки и подсказки, объясняющие истинную суть процесса. Прямым текстом, конечно, написано ничего нигде не было, но даже тот простой медицинский факт, прочитанный им, что ни одно вещество, введенное человеку подкожно или внутривенно, не может циркулировать в крови более трех месяцев, не говоря уж о десяти годах, неизбежно приводил к мыслям о "всемирном заговоре".

Поэтому, ровно в пятимесячную годовщину трезвости

Егор, мысленно попрощавшись с миром, выпил сто грамм водки. Посидел, подождал. Ничего не произошло. Выпил еще сто грамм, чувствуя подзабытые ощущения накатившего опьянения, и опять ничего. Таким образом, теперь тема для него была ясна и открыта. Все, о чем он давно догадывался, было подтверждено опытным путем.

Поставив в памяти жирную галочку напротив пункта "кодирование", Егор снова стал жить синей жизнью. Сначала выпивал очень редко и немного, но постепенно вернулся в привычный режим.

И сейчас, смотря на Максима, неожиданно решившего "завязать", все-таки видимо тоже не железный, Егор решил, что лучше будет промолчать. Пусть это и грандиозная афера, но она работает. Работает для девяносто девяти процентов людей. Работает чисто на страхе, на "эффекте ваточки". Но люди реально не пьют годами и постепенно возвращаются к нормальной жизни.

– Ну че? За трезвую жизнь? – жизнерадостно спросил Макс, поднимая рюмку.

– Ага... За трезвую. – ответил Егор.

Вечерело. Облака, набегавшие с севера, постепенно темнели и становились тучами. Теплый ветер чуть шевелил листву яблонь, в розовеющем небе серыми росчерками металась стрижи. Лишь иногда со стороны реки тянуло прохладой и свежестью. Максим опять завел свою шарманку про сети и мармышки...

"Хорошо сидим!" – подумал Егор. Он находился в том состоянии опьянения, которое бывает у многих людей 1 января, похмеляющихся после бурной новогодней ночи. Вроде пьешь и пьешь, но дойдя до определенного уровня, когда становится хорошо и спокойно, организм начинает воспринимать алкоголь, как воду, и дальше не пьянеет. Тело остается в тонусе, а голова относительно ясной. Тут главное не переборщить и внимательно контролировать процесс, чтобы вовремя остановиться.

Через некоторое время на громадном американском пикапе Додж подъехали товарищи Макса. Познакомились. Ленья и Андрей. Вроде адекватные взрослые мужики, явно при бабле. Вот что значит рыбацкая дружба, нипочем ей социальные барьеры и стереотипы...

Первым делом они, естественно, отправились купаться. Максим в это время застелил стол газетами, разложил привезенную гостями вяленную рыбу и перетаскал к столу не меньше десяти пятилитровок пива. Расставил большие пластиковые стаканы, притащил кастрюлю под мусор. Водку убирать не стал. Сел, блаженно смотря на янтарное изобилие, закурил. Посмотрел на Егора. Спросил:

– Че, баню-то будем топить? Или ну ее?

– Опять хочешь с ведрами бегать? – усмехнулся я. – Давай затопим. Лодку вон уже затопили.

– Ладно, посмотрим. Как пойдет...

Вернулись мужики, мокрые, довольные.

– Хорошо у тебя тут, Макс! – сказал Леня. – Речка, закат... Хотя гроза будет, наверное.

Расселись. Разлили пиво по стаканам, начали чистить рыбу. Егор попросил ему накапать немного, так как градус понижать не собирался, просто хотел посмаковать вкус родного напитка. Вопросительно посмотрел на Максима, тот заявил, что пиво, конечно же он будет, но и Егора в одиночестве не оставит, и налил обоим еще водки и, выпив большими глотками первый стакан бойлерного, тут же поднял стопку:

– Ну, за встречу!

– Да, Макс, ты не меняешься, – заржал Андрей...

"Это он перед кодированием оторваться напоследок хочет, – подумал Егор. – Прямо, как я".

Сидели, выпивали, тихо беседовали. Все спокойно, культурно, даже Максим притих и вместо своих обычных громогласных монологов и хохота разговаривал нормальным голосом.

"Завтра домой. – решил Егор. – Выплюсь хорошенько, отлежусь и вечером поеду. Челом бить и в ноги бросаться. А там – будь, что будет... Хоть дочку увижу..."

Рыба была вкусная. Жирная, сочная. Учитывая, что сегодняшней рацион состоял только из хлеба и соленых огурцов, речные дары шли на ура. Егор почти не принимал участия в разговоре, слушал вполуха. Ему были не особо интересны важные аспекты как летней, так и зимней рыбалки, поэтому он лениво изучал содержание раздела объявлений газеты,

расстеленной перед ним на столе. Сплошная реклама пластиковых окон, средств против геморроя, выводы из запоя, кстати, как раз...

Неожиданно взгляд зацепился за фотографию под крупными буквами "пропал человек". Хмурый мужчина лет сорока смотрел на Егора из маленького прямоугольника объявления. Лицо было знакомо. Причем знакомо Оттуда... Из того неизведанного пространства и времени, образы которого сегодня быстрыми кадрами мелькали перед глазами, когда он, задыхаясь, лежал на пляже. В этом Егор был уверен на сто процентов. Начал читать текст под фотографией.

"Черепанов Сергей Иванович 1975 года рождения. На вид 40 – 45 лет, среднего телосложения... Ушел из дома... Был одет... Особые приметы... Всем, кто что-либо знает о месте нахождения просьба позвонить по телефону..."

– Ладно хоть не маршал, а то пришлось бы коня искать, – прозвучал в голове Егора хриплый голос.

"Блин, опять!.." Передвинув рыбу, он отыскал дату выхода газеты. Май. Три месяца назад.

"Ведь точно знаю! Но не помню, не помню... Что-то с ним случилось... Плохое... Нет, не помню ни хрена... Как будто не мои воспоминания, а какие-то подкинутые. Как, вроде снился сон, помнишь, что было там что-то такое, а что именно?.."

Думать было лень. Сегодня итак перебор с непонятным и пугающим. Егор аккуратно вырвал клочок газеты с объявле-

нием, поднялся, дошел до машины, положил в карман двери.

"Может потом что-нибудь выскочит из памяти. Как слова сегодняшние. Сейчас уже все, сил нет думать".

Вернулся к столу. Сел, посмотрев на Макса. Тот понял с ходу. Не прерывая разговор, налил две рюмки. Выпили. Макс запил пивом, Егор закусил рыбкой.

"Фу. Противно как! Все, наверное, хватит на сегодня".

Где-то через час совсем стемнело. Ветер начал набирать силу, с неба закапал пока еще несильный дождик. Гроза медленно, но неумолимо приближалась.

Мужики перетащили храпящего Макса в дом, а сами, переместившись на веранду, продолжили поглощать пиво с рыбой, вполголоса разговаривая о чем-то своем.

Егор тихо встал, вышел за калитку и пошел к Реке. На высоком берегу над понтоном стояла одинокая лавка. Егор уселся, закурил, чувствуя, как по горячей голой спине приятно барабанят прохладные капли. Ветер задул еще сильнее. Было свежо и хорошо. На юге разноцветными электрическими огнями пульсировал Город, красиво отражаясь в зеркале речной воды, впереди, на том берегу, на багровом фоне ушедшего заката, прорисовывался темный контур гор, а с севера огромной, непроницаемой черной кляксой надвигался грозовой фронт.

Неожиданно прямо в Реку ударил яркий изломанный контур молнии, на миг осветив все вокруг. И в его белом свете

Егор увидел далеко-далеко от берега стремительно разрезающие воду извивы огромного белесого туловища.

"Нару Муш..." – успел без всякого удивления подумать Егор, прежде чем его накрыл первый оглушительный удар грома. Снова ослепительная вспышка, и через секунду грохот с неба. Потом опять вспышка и грохот...

5.

Грохот... Днем – грохот. Ночью – грохот. Грохот продолжается вторую неделю. Какая-то очень большая и настырная тварь нашла наше безопасное ранее укрытие и пытается зайти в гости, сильно и громко долбя в нашу дверь. Уходить не желает. Долбит и долбит, иногда затихая минут на пятнадцать, видимо отходит справить нужду, а потом опять. Дверь пока держится, хотя и несколько деформировалась, чуть прогнувшись внутрь и оголив осыпавшейся штукатуркой здоровенные металлические закладные в кирпичной кладке, к которым приварена ее коробка.

Гораздо больше двери деформировались наши барабанные перепонки и мозги. От грохота спасения нет нигде: ни в кладовых, ни в подсобках, ни, тем более, в нашей общей комнате. Все ходят злые, нервные, невыспавшиеся. Припасы на полках кончаются, очередная смена периодов вот-вот произойдет, а эта херня, которую решено было внести в каталог под именем Дятел, блокировала нас в нашем подвале и сводит с ума.

Даже Борода, кажется, находится в растерянности, не

зная, что предпринять. Было несколько военных советов, на которых выдвигалась идея отворить дверь и тупо расстрелять из всего, что есть, непрошенного гостя, огневая мощь у нас за последнее время заметно усилилась, но большинство голосовало против, думали, что рано или поздно он уйдет. "За" были только я и Бабушка. Мне, по большому счету, было совершенно фиолетово – съест нас этот товарищ или нет, такие у меня теперь были жизненные установки, а Бабушка – он гражданин вообще отморозенный, ему видите ли было интересно, как же выглядит настоящий Дятел? Все хотел посмотреть да пощупать.

Интересно, конечно, было всем. Но и страшно тоже, так как судя по силе ударов и звукам, доносящимся из-за двери, Дятел был очень большой и сильной птицей, а массовая стрельба в замкнутом пространстве могла обернуться против нас самих. А если попытаться взорвать – то вообще может завалить с головой. Еще было непонятно, как этот здоровяк протиснулся в тесный канализационный люк и теперь свободно перемещается по узкому коридору за дверью. Леший считал, что ни люка, ни коридора давно нет, а есть только их жалкие остатки, разбросанные по склону. В его пользу говорил тот факт, что в дневные часы сквозь несколько щелей, появившихся в когда-то герметичной двери, сочился слабый чуть заметный свет. Валувев вообще утверждал, что Дятел там не один, а целая стая. Урезали дневной рацион, но все равно, продуктов оставалось максимум на неделю.

Вобщем, сидела вся наша команда в полной прострации и ждала непонятно чего...

Кстати, недавно исполнилось ровно четырнадцать месяцев моего нахождения в этой пластилиновой местности. Сказать, что я сильно изменился, значит ничего не сказать. Я стал другим человеком, как бы помпезно это ни звучало. Того депрессивного трясущегося проектировщика Егора, которым я при неизвестных обстоятельствах вступил в этот мир, больше не существовало. Он был безжалостно выдавлен, словно паста из тюбика, твердым каблуком окружающей действительности и новым Егором. Егором, который Смирился. Егором, который Забыл. И, наконец, Егором, который больше Не Боялся. Страх покинул меня вместе с надеждой на возвращение и воспоминаниями о родных. Не знаю, случались ли в жизни других людей такие быстрые метаморфозы восприятия себя и мира, но у меня вот почему-то случились. И, в принципе, только поэтому я до сих пор жив. Давние слова Бороды про "оторви и выбрось" оказались пророческими. Это был нонсенс, как для меня самого, так и для остальных. С каким-то диким пьянящим азартом я вызывался в самые сложные походы, лез куда не просят, словно пытаясь самому себе доказать, что собственная жизнь для меня полностью перестала что-то значить. А получалось наоборот – я выживал даже, казалось бы, в самой дерьмовой ситуации. Сначала мне, наверное, попросту везло, так как, кто не рискует, тот не пьет компот, а потом начали работать опыт и

приобретенное чутье. Даже Борода порой охреневал от моих предложений и поступков, а Леший, вообще заявлял мне, что я стал больным на всю голову и подсознательно хочу поскорее угробить себя, а заодно и всех остальных. Может быть, отчасти он был прав. А может и не отчасти. Не знаю... Я давно перестал задумываться о смысле чего либо, ковыряться в себе, в своих мыслях и действиях. Так было проще и веселее... Очень-очень редко случалось что-то вроде срывов, набегали вдруг непрошенные мысли, накатывала меланхолия, но после грозного отработанного крика "по хрен!" все это безобразие убегало без оглядки. Нет, конечно, здоровый звериный страх, основанный на инстинкте "бей или беги", все-таки присутствовал, но в самой минимально-необходимой для выживания пропорции, а пассионарность так и была из меня фонтаном. Правда сейчас я немного успокоился, так сказать, вошел в колею, так как был у нас тут недавно один прецедент. Занесло нас с Лешим, куда не надо...

Теперь о Лешем. Леший стал моим другом. Настоящим... Таким, про которого писали в книгах и пел Высоцкий. Он знал про меня все, видел насквозь, а я, в свою очередь, знал, что всегда могу рассчитывать на его помощь и поддержку, да и сам за него порву кого угодно. Видимо, такая дружба возможна только в экстремальных условиях, на грани выживания. В моей бывшей плюшевой офисной жизни предпосылок для ее существования просто не было.

Как оказалось, несмотря на свою обыкновенную на пер-

вый взгляд внешность, он был в прошлом спецназовцем ГРУ, даже служил в Чечне, поэтому опыта выживания ему было не занимать. И в один прекрасный день, видя, как меня просто распирает от дури, а навыков и сил явно не хватает, он решил начать меня натаскивать, чтобы я, как он выразился "всех тут под монастырь не подвел". Сначала было очень тяжело. Гонял он меня нещадно. Борода смотрел на все это и откровенно ржал. Но постепенно, организм вошел в нужный ритм, тем более негативных отвлекающих моментов, типа алкоголя и табака, здесь в принципе не было. Физические данные у меня изначально были неплохие, в юности я активно занимался спортом, и потом постоянно ходил в бассейн два раза в неделю, даже с похмелья проплывая два-два с половиной километра за раз, но последние пять лет образ моей жизни сильно сказался на общем состоянии здоровья. Но здесь я начал стремительно наверстывать упущенное, и без малого за год из рыхлого, безвольного, обремененного пивным брюшком представителя офисного планктона стал превращаться в резкого, как понос, жилистого широкоплечего мужика, умевшего быстро бегать, высоко прыгать, сильно бить руками и ногами, метать топоры и ножи, а также более-менее метко стрелять. Основной опыт приходил, конечно, во время работы в "поле", то есть на поверхности, но и в Сарае Леший мне скучать не давал вообще. Так что, из зеркала на меня теперь пялился не грустный опухший мужичок, а настоящий волчара со свежим вертикальным шрамом на

поллица через бровь до подбородка и с жестким прищуренным взглядом исподлобья, именно такой, каких я сам раньше старался обходить стороной.

Вообще, прошедший год выдался для нашей команды очень тяжелым. Мне сравнивать было не с чем, но Борода и Леший, тянувшие лямку здесь семь и четыре года, соответственно, в один голос утверждали, что столько разной херни и так часто еще не случалось. Причем, чем дальше, тем хуже. Неожиданные головняки возникали буквально в геометрической прогрессии.

По моим представлениям, началось все с нелепой и страшной смерти Сереги от Трассера, возникшего непонятно откуда прямо на пороге нашего убежища. Потом мы долго и упорно изучали рваный ритм его работы, так как выходить на поверхность периодически было необходимо, причем выходить, не рискуя быть разорванным на атомы неведомой силой. Ну а когда наконец определили точные координаты прохождения и интервалы вспышек, Трассер, словно издеваясь, взял и пропал... Тела Сереги так и не нашли. Пришлось хоронить только голову. Закопали. Постояли над кривым деревянным крестом. Света плакала, мы угрюмо молчали...

А потом один за другим начались разнообразные сюрпризы. Во-первых, на улицах днем стало появляться все больше и больше зверья. Всех видов и пород, как знакомых, так и ранее не виданных. Если иногда раньше, к примеру, можно было, выйдя рано утром, дойти до Рынка и обратно, не

встретив по пути вообще никого, то сейчас даже путь в нашу Шестерочку, до которой рукой подать, не обходился без стрельбы. Причем с каждым разом все более и более интенсивной. Во-вторых, это самое зверье стало намного умнее и сообразительнее. Упыри все чаще собирались в стаи, иногда вообще в сводные отряды из разных видов, нападали из засад, прятались от выстрелов. Даже Уроды теперь, почуяв человека метров за сто, не орали во всю Ивановскую, а старались тихой сапой подкрасться и царапнуть наверняка. А еще они, видимо, додумались, что эти лохи с огненными палками, то есть мы, должны где-то прятаться ночью, в следствие чего стали все чаще прогуливаться мимо нашего Сарая. Поэтому при выходе на поверхность теперь соблюдались утренние меры безопасности...

Но самым главным являлось "в-третьих". Что-то совсем уж неладное начало твориться с этим безумным, безумным, не помню сколько раз еще, безумным миром. А точнее с непонятными для нас в принципе, но крайне важными в плане выживания явлениями, которые мы называли "периоды". Около десяти месяцев назад они стали сменять друг друга чуть ли не через день. Полки в Шестерочке ломались от продуктов, которые мы не успевали оттуда выгрести и дотаскивать до Сарая. Все воспряли духом, типа жизнь налаживается, вдруг стали очень привередливыми, "кильку не буду, ее завались, дождусь, когда фрикадельки в томатном соусе появятся". А потом настолько обленились, что стали доходить

до магазина только тогда, когда продуктов совсем не оставалось, забив на неприкосновенный запас.

Ну и, естественно, довыживались... Примерно через месяц консервного изобилия смена периодов прекратилась. Прекратилась, как оказалось надолго, месяца на два с лишним. Но нам то об этом никто не сказал. Да и мы первое время особо не напрягались, сидели себе в Сарае, пили чай, ели тушенку. Но когда через три недели полки магазинов так и остались пустыми, все почуяли, что дело пахнет керосином. Происходит непонятное, а запасов толком не осталось.

Злой, как собака, Борода еженедельно сокращал продовольственный паек, все ходили голодные и мрачные, понимая, что долго так не протянуть. Обошли все окрестные магазины в радиусе доступности дневного перехода и даже дальше, ночуя в так называемых коробках, то есть проверенных подвалах, отмеченных на карте у Бородатого, но нигде ничего не было. Как при распаде Советского союза. Только талоны никто нам выдавать не собирался. В итоге начали выдвигаться безумные идеи попробовать есть что-нибудь из скудной городской флоры или совсем нескудной фауны. Я даже вызвался пойти завалить какого-нибудь Волосатого, отрубить его мохнатую ляжку и, притащив в Сарай, выступить в роли подопытного кролика, пожарив и съев кусочек... Но до этого к счастью не дошло.

Как-то раз группа, отправленная в одну из ежедневных вылазок в Шестерку, вернулась со счастливыми улыбками на

лицах и с полными рюкзаками за спиной. Смена периодов наконец произошла. Правда, ассортимент и количество продуктов были намного скромнее прежнего, но после двух месяцев вынужденной диеты все радовались, как дети. Бороде даже пришлось бить особо проголодавшихся по рукам, чтобы не смели сразу всю принесенную жратву...

Следующая смена случилась через четыре недели. Потом прошел целый месяц, прежде чем на полках снова появилась еда. Причем в количестве на порядок меньше, чем раньше. Тогда мы поняли, что жить теперь станет намного труднее, стратегический запас продовольствия почти не дождал до пополнения, а когда будет следующее не знал никто...

Сейчас, правда, все более-менее устаканилось, периоды стали приходить раз в месяц, плюс минус два дня, и Бабушка предложил переименовать их в Месячные, вызвав у Светки целую бурю негодования. Но еды появлялось совсем вприпрыжку, еле хватало до следующей "перезагрузки". Зато изменений, вызываемых этими явлениями, стало происходить все больше и больше.

Борода рассказывал, что давно, много лет назад, когда он только очнулся в этом мире, Город вообще не отличался от оригинала. Те же улицы, те же здания, только людей почти нет и зверье стаями бегают. Ну и Река, конечно... Потом иногда стали пропадать или меняться отдельные фрагменты застройки, но процесс этот шел медленно и вяло, вплоть до прошлого года. Теперь же каждая смена периодов приносила

столько перемен, сколько раньше не происходило за несколько лет. Дома исчезали целыми группами. На их месте появлялись здания, вроде бы знакомые, но совсем из другого района, или вовсе незнакомые, явно зарубежного производства. Или вообще не появлялось ничего. Был дом, стоял себе, трещал штукатуркой, потом бац! – и нет дома. Зияет вдоль неровной стены уличных фасадов, как выбитый зуб, здоровенная дыра, клубится туманом. Лезть туда, смотреть, исследовать никто не решался. Не было дураков.

Метаморфозы пространства коснулись и окрестностей нашего убежища. Сарай, к счастью, не исчез. Зато пропала наша забавная кривая лесенка. На ее месте теперь бурлил быстрый поток какой-то мутной, отвратительно пахнущей жидкости, фонтаном бьющий прямо из-под земли наверху склона. Этот вонючий ручей, шириной метров десять, весело струился вниз, пересекал Речной проспект и, почему-то не растекаясь в стороны, ровной лентой бежал мимо пивзавода и впадал в Реку. В месте слияния двух жидких субстанций клубился пар, что-то шипело и посверкивало. Мы кидали издалека в этот поток различные предметы, и их последующая судьба ясно подсказывала нам, что подходить к объекту ни в коем случае не следовало. Это было не очень хорошо, так как нижний путь к южной части набережной, которым я, кстати, шел в тот памятный день на Речвокзал, был для нас полностью отрезан.

А справа от пивзавода располагалась городская ГРЭС. Ее

три высоченные красно-белые трубы в любое время года, и зимой, и летом, естественно в Том мире, здесь то времен года как таковых не существовало, извергали из себя белые клубы пара, обогревая весь Город. В этом мире, пара не было, зато само предприятие выглядело также как раньше. Посерело конечно, поблекло, но с виду не изменилось. Но после очередного периода труб у ГРЭС стало больше. Появились новые темно-синие трубы четырехпалубного пассажирского теплохода "Хирург Разумовский", насаженного прямо на старые. Словно огромный макет корабля, покоящийся на трех вертикальных штырях. Насажен этот представитель речного пароходства был немного криво, с уклоном к корме, и напоминал застывший в воздухе тонущий Титаник. Судя по флагу, числился он в городе Перми, и было непонятно зачем он заплыл в акваторию другой реки так далеко от порта приписки и залез на нашу электростанцию. Выглядело забавно и абсурдно...

Губернская Дума, кстати, снова оказалась на своем законном месте, а вот цирк, некоторое время ее замещавший, нам так и не вернули. Вместо него все также торчали в разные стороны кривые бетонные конструкции неизвестного происхождения, разве что разрослись еще больше в разные стороны метров на двадцать.

Вот такие веселые перемены произошли в нашем итак нескучном существовании за последние месяцы. Осталось упомянуть о последнем, четвертом пункте. Самом неприят-

НОМ.

Люди начали стрелять в людей...

В принципе, ничего удивительного в этом не было. Человек с самого начала своего существования всегда пытался укокошить как можно больше своих собратьев. Сначала били друг друга по голове палками, а потом стали кидаться ядерными боеголовками...

Но в этом мертвом мире людей было мало. Группы или кланы, человек по десять-двадцать, были разбросаны по всей территории Города и имели свои "охотничьи угодья", в которые входили несколько прилегающих к убежищам кварталов и неизменная Шестерочка, а то и две. Местом пересечения был Рынок, где торговали, делились полезной информацией и иногда встречались со знакомыми людьми из других группировок. Словно первобытные племена каких-нибудь троглодитов, поделившие между собой безбрежные просторы древних равнин, занимались собирательством, иногда торгуя друг с другом. Поначалу, объединенные стремлением выжить, люди пытались организовать что-то типа общества или крупной сильной группировки, создать, так сказать, островок порядка в безбрежном хаосе. Но, судя по всему, такие действия не вписывались в концепцию местного бытия, потому что, как только собиралась относительно многочисленная, где-то более тридцати человек, компания, имевшая надежное укрытие и мощный огневой потенциал, так тут же с ними случалось что-нибудь плохое.

В лучшем случае выживали человек пять. Так что, несколько раз попробовали объединиться, несколько раз получили по голове, и в итоге, уловили посыл. Не нравятся здешним хозяевам, буде таковые имеются, многочисленные сборища. Прямо как нашей родной российской власти. Сидите в бункере вдесятером – сидите спокойно, по мере возможности. Собралось больше тридцати – высылаем ОМОН разгонять толпу. А омовцы тут страшные, не дубинками и брандспойтами работают. Все больше зубами...

До поры до времени всем было удобно. Продуктов в магазинах появляется много и часто, за два раза все не унесешь. Поэтому даже если случайно какая-то команда забредала не в свой магазин и натыкалась там на хозяев, никакого конфликта не происходило. Даже наоборот, людям было интересно видеть новые, не набившие оскомину лица, рассказать что-нибудь, самим послушать. Ну пропустили период, лоханулись. Бывает... Берите пока у нас, потом, может мы у вас затаримся...

"Счастье для всех, даром, и пусть никто не уйдет обиженный!" Не жизнь, а сплошной вудсток...

Теперь все изменилось. Все существовали в условиях жесткой экономии. Запасов не было. Пропустить смену периодов, означало умереть от голода. На рынке рассказывали, что некоторые группы во время Великой Паузы, которая длилась больше двух месяцев, докатились до каннибализма. И очень быстро установилась новая внешнеполити-

ческая тенденция: видишь чужих на своей территории или, еще хуже, около СВОЕГО магазина – сразу стреляй. У нас все сходились во мнении, что уже не за горами вооруженные налеты на соседей с целью их уничтожения и захвата территории и ресурсов. Если, конечно, ситуация не изменится к лучшему. Хотя к лучшему тут ничего никогда не менялось. Разве вот только я... Да еще и неизвестно – к лучшему ли?

Резко ужесточившиеся условия существования не могли не сказаться на составе нашей команды. Помимо Сереги, мы потеряли дядю Мишу, Валув лишился левой руки, а почти все остальные, включая меня, обзавелись новыми шрамами и жуткими воспоминаниями.

Валуеву откусила кисть Горгуля, когда мы втроем, я, Леший и он, возвращались очередной раз пустые из нашей Шестерки. Налетела она так стремительно, что даже Леший почувал ее в последний момент, успев только оттолкнуть меня и, прыгая в сторону, выстрелить наугад чуть ли не за спину. Все-таки попал, сбил прицел хищнице, и вместо шеи она вцепилась Валуеву в руку. Дернула два раза головой, оторвала ладонь до запястья и, получив в висок огромным кулаком правой руки орущего от боли великана, откатилась ко мне. Добивал ее я один, сначала саданул в грудь из ружья, а потом зарубил визжащее, брызжущее кровью и бьющее по земле крыльями чудовище топором до состояния мясной витрины. Здесь ляжка, это окорок, тут шейка, а там, вообще, не пойми чего...

В это время Леший подбежал к катающемуся по земле Валуеву и, прижав его поврежденную руку к тротуару, ничтоже сумняшеся, рубанул по ней топором чуть выше локтя, с одного раза перебив и ткани, и кости, так что топор вонзился в асфальт. Кое как перемотали обрубок жгутом, добежали до Сарая, и уже там бледная и охающая Света оперативно обработала рану и прижгла бальзамом.

Валуев сидел в карантине неделю. Борода каждую ночь назначал дежурного, который бодрствовал рядом на стуле и держал ружье наготове. Но, ничего, пронесло. Культя заживала долго, но ни в какого кадавра Валуев не превратился...

Дяде Мише же так не повезло. Лешего в нужный момент рядом не оказалось. Были только Борода и Бабушка. Шли на Рынок менять казенные сапоги на порох. Все было нормально. Осторожно поднимались по Базарной, когда Бабушка увидел метрах в ста пятидесяти Урода, вылезающего из окна какой-то хрущевки. Четко и оперативно спрятались за ближайший угол, перекрестились – вроде не заметил, а потом глядь, а дяди Миши то рядом нет... Выглянули – Урод и ухом не повел, все там же ковыряется, а улица пустая. Нету дяди Миши и все... Только ружье его лежит. Ждали, искали почти до темноты. На рынок естественно не пошли, вернулись в Сарай, еле успели. В течение следующей недели ходили в сторону Рынка разными двойками каждый день. Безрезультатно. Ни слуху, ни духу. Борода сгоряча решил, что кинул нас парень, к кому другому переметнулся. Где жизнь

полегче и хлеб с маслом. Матерился, шипел. Бабушка, однако, командира не поддерживал. Утверждал, что не мог дядя Миша сам так тихо слинять и, вообще, не тот он человек, чтобы... Дальше шла настолько блатная феня, что никто не понимал детали, но общий смысл был ясен. Да и остальные тоже не верили в такое кидалово...

А дней через пять отправились мы с Лешим за покупками, периоды тогда уже вроде стабилизировались, так что шли целенаправленно. Вылезли в коридор, по отработанному алгоритму Леший приподнял крышку люка, я начал осматриваться. И тут гляжу, ниже по склону метрах в десяти, сидит спиной ко мне на кортах наш дядя Миша. Бритый затылок, спина широченная, мосластая, надпись на ней "МЧС России". Тут и Леший выглянул, охренел. Начали звать – не слышит... Ну мы на радостях из люка-то и вылезли, дебилы... А тот вдруг резко так, словно Урод, разворачивается. Я тогда чуть кирпичей в штаны не наложил. Лицо бледно-синее, в язвах каких-то, глаза красные, бешенные, клыки чуть ли не до носа прямо через нижнюю губу проросли, а руки уже вроде и не руки, а грабли кривые с когтями... Я ближе был, вот на меня он и прыгнул. Прямо с места, не вставая, метров на семь. Раньше так не умел...

Хорошо я в то время уже тренированный был. Выстрелить, конечно, не успел, но прикладом в лоб встретил. Хорошо так встретил, аж приклад раскололся. Любой нормальный человек после такого выпал бы в осадок минут на тридцать.

цать, а дяде Мише хоть бы что, мотнул головой, рывкнул что-то не по-человечески, ружье у меня вырвал и навалился всей массой. Я упал, шлем с головы слетел, забыл застегнуть, а он сверху. Я только запястья успел перехватить, а он давит, зубами около лица клацает, пена брызжет. Чувствую, конец Егорке приходит. Руки слабеют, дяди Мишины когти уже по боевке скребут, она рвется, трещит, и тут слева гроыхнуло, щеку обожгло дробью, а нашего бывшего товарища как молотом небесным в сторону сшибло, Леший почти в упор стрелял. Однако успел все же дядя Миша меня по груди полоснуть и по лицу другой рукой. Пересиливая боль, вскочил, а тот уже вокруг Лешего прыгает, на землю также, как меня валит и давай когтями работать. Леший, лежа, топором отмахивается, орет, "Егор, бля, в голову его!"

В голову, так в голову. Ружье схватил, подбежал, ногой со всей дури пнул в бок, чтоб от Лешего подальше хоть чуть-чуть, шаг назад, выстрел...

Все... Нету головы у дяди Миши...

Что у нас за жизнь такая? То одна голова остается от человека, то наоборот...

Болели мы с Лешим тогда долго. Лежали в карантине, стонали, бредили, а Света с Бородой промывали, зашивали, мазали нас бальзамом и отпаивали всякой дрянью. Но все равно начался сепсис, бальзам кончился, пришлось мужикам за ним на Рынок бежать. На последние пожарные комплекты поменяли еще одну бутылочку драгоценной гадости, и она,

к счастью, помогла. Вытащили нас с того света, вернули в строй. Чудом...

Хорошо нас успел порвать бывший дядя Миша. От души. Но, в принципе, сами виноваты. Думать башкой надо.

У Лешего из бедра был вырван клочок мяса, а через всю спину шли четыре кривых шрама от когтистой лапы. Я отделался легче, один вертикальный шрам через левую половину лица, коготь прошел в миллиметрах от глаза, правая щека немного посечена дробью с шурупамми, и такие же как у Лешего красивые полосы, только на груди. Первое время, проходя мимо зеркала, так шарахался, что аж подпрыгивал. Потом ничего, привык, да и шрамы подзатянулись и выглядели уже не так жутко. Главное – живы и ни в кого не трансформировались...

Долго думали – хоронить дядю Мишу, как положено, или просто оттащить подальше. Все-таки решили хоронить, как человека. В кого бы там он не превратился в итоге, в памяти для нас он навсегда остался дядей Мишей. Храбрым, сильным, молодым парнем... Нашим другом.

Позже и Борода обзавелся очередным знаком на теле. Поймал пистолетную пулю от какого-то отморозка с Севера, зачем-то в одиночестве бродившего возле строяка. Пуля прошла через плечо насквозь, но наш командир, даже раненый, погнался за обидчиком стреляя на ходу, хотел допросить, но когда догнал, понял, что перестарался. Допрашивать было нечего...

Поредел наш и без того немногочисленный отряд, но свято место пусто не бывает. Особенно это место... Кто-то или что-то внимательно следило за балансом скромной популяции гомо сапиенс в этом поганом мире или игре, или эксперименте, поэтому в течении следующих двух месяцев мы, одного за другим, нашли троих новых ошалевших, ничего не понимающих и отчаянно старающихся проснуться, прямо как я когда-то, людей.

Первым был мужик лет тридцати быдловатого вида, который, придя в себя, представился Владимиром. Работал Владимир в автосервисе, как здесь оказался и что предшествовало его переходу в том, настоящим мире он, конечно же не помнил. Как и все мы. Вроде жили не тужили, а потом раз! И здесь... Жизнь свою, родных, все помним, а вот временную точку, когда именно произошло это путешествие в неведомые дали, как отрезало. Дыра в памяти и все. Каких-то конкретных последних воспоминаний нет. Как в кино. Бухал в бане, вырубился, а проснулся в Питере...

Вова, как не мудрствуя лукаво, окрестил его Борода, адаптировался относительно быстро. Человек он был простой, особо не замороченный, поэтому пометался пару недель и успокоился. Вписался, так сказать.

Вторым был парнишка двадцати четырех лет от роду. Антон. Банковский служащий. Что-то там с кредитами. С ним получилось нехорошо. Он, как и я, никак не мог поверить, рыдал, истерил, потом впал в ступор и просто лежал на от-

веденной ему койке, уставившись остекленевшим взглядом в потолок. Не ел, не пил, не разговаривал, просто лежал. Когда Бороде это надоело, он подсел к парню и провел с ним долгую задушевную беседу. Мягко, но твердо и конкретно, еще раз объяснил ему, куда он попал. А потом, как опытный психотерапевт, разложил по полочкам, что надо делать и как надо думать, чтобы более-менее нормально здесь жить.

Антон вроде ожил, кивал головой, во взгляде появилось что-то типа обреченного спокойствия... А ночью всех разбудил ружейный выстрел, которым бывший специалист по кредитам поставил жирную точку в своей трагической судьбе.

Что тут скажешь. Жизнь у каждого своя. Право на выбор есть у всех... Только стену оттирать пришлось нам...

Ну и третьим, самым проблемным и в тоже время полезным, как оказалось потом, новичком был пятидесятилетний майор ФСБ Василий Иванович Евсеев, которого Борода тут же окрестил Чапаем. Невысокий, плотный, борзый Василий Иванович, придя в себя, начал размахивать ксивой, качать права и подгибать местную иерархию под себя по старой КГБ-шной схеме. Но после профилактической процедуры в виде ударов по лицу и печени, а также пятнадцати ночных минут, проведенных на поверхности, майор очень оперативно перераспределил свои внутренние приоритеты и стал нормальным человеком. Вот что значит ФСБ...

Именно он решил нашу вечную проблему с настоящим оружием. Так как Федеральная Служба Безопасности Рос-

сийской Федерации – система очень закрытая, об их заначках знают только они сами, да и то далеко не все. Наш майор, видимо, был не из простых. Он уверенно ткнул пальцем в точку на карте, разложенной Лешим на столе, и не менее уверенно изрек:

– Здесь!

– Блядь, семь лет ходил с ножом да с этими пукалками! – орал Борода. – А тут это все в двух шагах лежало!

Я присмотрелся к карте. Действительно. Метров пятьсот от нас на Север. За правительственными гаражами и штрафстоянкой. Там выше по склону жилой квартал, но пространство оставалось, и прохода туда, как я теперь вспомнил, на самом деле, не было ни с одной, ни с другой стороны. Просто высокий забор с колючкой, что та за ним, хрен его знает, наверное, те же гаражи. У нас таких заборов по Городу – не сосчитать. Никогда бы не подумал. Хотя, наверное, логично. Белый дом и Дума рядом. Вся верхушка под боком...

Пошли почти всей толпой, оставив в Сарае только Свету и Бабушку. За забором оказалось неприметное здание, типа офисного, но с очень интересным подвалом. Долго выламывали решетчатые двери в оружейку, матерились, но справились. Валуев с ломом, даже с одной рукой, – это сила. Да и главная надежда сидевших здесь когда-то сотрудников ФСБ была больше на всякую защитную электронику, нежели на крепость дверей и стен. Зашли и охренели... Бросились обнимать Чапая. Тот, не до конца понимая всю глубину нашей

радости, отмахивался и уворачивался.

Все перетащить смогли за три похода. Результат превзошел все наши скромные ожидания. Десять пистолетов "Чезет" калибра 9.19, десять новых АК-74М калибра 5.45, три ВАЛа калибра 9.39, которых я даже в кино не видел ни разу, только в интернете, куча гранат Ф-1 и РГД. И ящики патронов. Много ящиков...

И еще – комплекты боевой экипировки спецназа. Аж целых двадцать два. Защитные шлемы, очки, бронежилеты, разгрузки, городской камуфляж, берцы и прочие ништяки, типа защитных щитков на колени, ранцев и подсумков.

Все! Увольняемся из МЧС, поступаем на службу в ФСБ.

Вот вкратце все события, предшествующие неожиданно появлению Дятла возле нашей двери. Интересный год был. Интересный и страшный. Тут, наверное, по-другому и не бывает...

Мы с Вовой сидели за нашим большим столом и играли в шахматы, Леший с Чапаем трепались о чем-то на другом конце стола. Валуев дремал, Бабушка точил топоры. Борода со Светой были где-то на кухне или в подсобке. Все догадывались, чем они там занимаются, но вслух никто ничего не говорил. Такие правила...

Шахматные фигурки на доске подпрыгивали после каждого удара в дверь и сдвигались с клеток. Играть было сложно, все путалось, но нам было все равно, мастерами ни я, ни

Вова не были. Играли просто так, чтобы хоть что-то делать.

– Может лучше в чапаевцев? – угрюмо спросил Вова, морщась после очередного удара.

– В чапаевцев, вон с Чапаем играй, – также угрюмо ответил я, встал и пошел к своей койке. Надоело это "сидение на краю" до чертиков! Хотелось действовать, бежать, прыгать, бить, пинать, стрелять... От долгого сидения без дела в голову лезут ненужные мысли, приходится напрягаться, чтобы их прогонять. Да и жрать хочется. Очень-очень...

В зал зашел Борода. Вождь, бля! Суровое лицо, глаза прищурены, руки в кожаных перчатках сложены на груди, ширинка расстегнута...

– Ну что, граждане заключенные! Наконец пришла пора обсудить окончательный план побега! Как считаете?

– Сколько раз уж обсуждали, а толку-то... Как долбил, так и будет долбить. – процедил Бабушка. – Валить его надо и все дела! А то скоро газеты жрать будем.

– Или друг друга, – добавил Чапай. – А дверь открывать, вообще, поздняк похоже. Ее вон заклинило, мы с Егором смотрели. Только взрывать.

Вчера мы с Чапаем ради эксперимента пробовали повернуть штурвал, но он не поддавался. Видимо, что-то внутри механизма необратимо погнулось и застопорило все намертво.

– Сегодня ситуация резко ухудшилась, – сказал Борода. – Вода кончилась.

– Как кончилась? – ошарашенно спросил Валуев. – Мы ж сегодня умывались...

– Иди проверь, покрути кран, – хмуро ответил командир.

– Так она ж всегда была, – уже как-то жалобно произнес наш однорукий великан. – Может дадут еще?

– Кто даст, а Валуев? – усмехаясь спросил Борода. – ЖЭК или Водоканал? Ее не за неуплату отключили. Этот мудака, который в дверь стучит, небось, трубу какую-нибудь оторвал. Он там снаружи по-ходу все разворотил, ладно хоть свет еще есть... Впрочем, ситуация у нас патовая. Еду бы еще недели на две может и растянули, а вот без воды... Надо что-то решать прямо сейчас. Садитесь все... Свет, ты тоже посиди хоть раз, может что умное скажешь...

Расселись вокруг стола, потрясенно молча. Да, без воды и ни туды, и ни сюды... Это серьезно. Примерно такие же мысли читались на лицах остальных.

– Значит заклинило дверь? – уточнил Борода. – Егор, ты строитель, что скажешь, можно стену вокруг двери раздолбить?

– Нет. Это же бункер, там стена в четыре кирпича и сеткой металлической проложена через три ряда. Без оборудования бесполезно. А у рамы дверной штыри на полметра во все стороны заведены. Поэтому Дятел ее не выбил до сих пор. – ответил я.

– А если где в другом месте попробовать? – спросил Леший. – За кухней и душем у нас что? Тоже подвалы какие-то.

А подсобки то вроде вниз, на склон, ориентированы. Может там разломаем, да вылезем наружу?

– Тоже нет. Здесь все наружные стены, кроме этой, где вход, из фундаментных блоков выложены, а они толщиной шестьсот миллиметров. Их ломаями год долбить...

Помолчали.

– А у меня на кухне стена кирпичная, – вдруг вставила Светка.

Наступила тишина, все повернулись к ней, как будто увидели первый раз.

– А что вы на меня уставились? – как ни в чем не бывало, спросила он. – Кто-нибудь хоть раз мне готовить помогал? Вы же все туда только пожрать приходите, за перегородку не заглядываете...

Через минуту все толпились в тесной кухне и били кулаками по куску стены, выложенной из силикатного кирпича.

– Вроде глухо звучит, нет? – спросил Вова. – Егор, она что, тоже в четыре кирпича?

– Вряд ли, – ответил я, вдруг снова став конструктором. – Судя по кладке – максимум один кирпич, двадцать пять сантиметров. Я даже сетку не вижу. Скорее всего, это технологический проем был. Агрегат какой-нибудь туда затащили, а потом заложили, причем через жопу. Швы все кривые, перевязки почти нету. Можно попробовать.

– А там дальше далеко подвалы тянутся? – спросил Вова.

– Метров двести еще, если снаружи судить, а может и

больше, – ответил ему Леший. – Ну что, Борода? Командуй!

Борода стоял, насупившись, хмуро смотрел на кирпичную стену. Играл желваками на лице, сжимал и разжимал кулаки. Тарас Бульба, блин...

– Сколько лет здесь жили, а теперь, как крысы побежим?!

– У тебя есть другие предложения? – спросил я. – Выдвигай. Обсудим.

Он метнул на меня ненавидящий взгляд:

– Да что ты понимаешь, козлина! Ты, вообще, кто такой, чтобы так со мной говорить? Или забыл, как сопли по морде размазывал и рыдал, когда мы тебя из задниц разных вытаскивали? А щас пару зверей подстрелил, терминатором сразу стал, бля? Ну иди, дверь открой, завали Дятла!

– Да я предлагал, – напомнил я ему. – Пока еще дверь можно было открыть...

Тут он просто охренел. Словами, видимо, подавился. По лицу пошли красные пятна, рука потянулась к ножнам на поясе, откуда выглядывала рукоятка десантного ножа. У нас с ним с самого начала были непростые отношения, а последнее время, вообще, именно, что "на ножах". Ему явно не нравилось мое неожиданное преобразование в нормального бойца. Почему – я не понимал. Конкуренции боится? Ну тут уж, скорее, Леший – первый кандидат. Куда мне до него... Хрен его знает, не любили мы с Бородой друг друга, и все тут...

– Спокойно, спокойно! – гаркнул Леший. – Ты че начал-то Егор? Не вовремя как-то! Слушай, Борода! Короче, сейчас

ломаем стену, выбираем тройку. Они идут смотрят, чего там дальше, мы сидим здесь. Когда находят выход, возвращаются – докладывают, и обратно – на поверхность. Низом, по Речному проспекту, обходят и осторожно смотрят, что там за Дятел. Возвращаются – докладывают. Дальше – по ситуации. Никто никуда бежать не собирается, надо просто как-то проблему решать... Ну че, командир?

Борода молчал, все еще сверля меня взглядом. Потом процедил:

– Побеседуем еще с тобой. О субординации... Ладно! Ломы тащите, будем вскрывать. Только одеться сначала всем, как на выход, и оружие приготовить. Хрен его знает, что там за этой стеной. Может другой Дятел... Молчаливый.

Вскоре в некогда уютной и опрятной Светкиной кухне раздавались звонкие удары двух ломов, стеной стояла пыль, летела кирпичная крошка. Работали Вова и Валуев. Остальные стояли вокруг с автоматами наготове. Света бегала за нашими спинами и громко причитала, что ее лишают единственного в этом мире личного пространства. Вова профессионально обрабатывал по периметру квадратный участок кладки, примерно метр на метр. Валуев же, поддерживая лом культей левой руки, словно копьё со всей дури втыкал его в намеченные Вовой углы. Третьим ударом Валуев пробил стену насквозь, еле удержав в руке не встретивший более сопротивления лом. Вытащил примерно до середины и навалившись всеми своими ста пятьюдесятью килограммами

начал работать им, как рычагом, вращая в разные стороны, стараясь расшатать ближайшие кирпичи. Наконец с громким треском от стены отделился целый кусок кладки шириной в три и высотой в пять кирпичей. Вова ткнул его ломом, и тот с грохотом упал по другую сторону, оставив вместо себя неровную темную дыру, из которой тут же потянуло какой-то тухлятиной.

Сзади раздались частые удары в дверь. Видимо, Дятел как-то почуял, что вожаденная добыча собирается ускользнуть, и утроил активность.

Валуев снова вскинул свое копые, но был остановлен резким окриком Бороды:

– Стоп! Разойдитесь пока. Вова посвети, я гляну... Да не суй ты руку туда, баран! Отсюда свети...

Вова поднес фонарь к краю отверстия, включил. Борода осторожно приблизился, заглянул и тут же молниеносно отпрянул назад, споткнувшись и повалившись на Валуюва. Из проема по локоть выметнулась еле различимая в движении здоровая синеватая когтистая пятерня и, с шипением споров воздух, исчезла в темноте. Раздалась оглушительная очередь, нас окатило кирпичной крошкой, одна пуля рикошетом, прошла у меня над ухом. У Бабушки не выдержали нервы.

– Не стрелять! – заорал, поднимаясь, Борода, – Совсем сдурели?

"Вот это реакция! – подумал я, глядя на него. – Я бы так

не успел, бегал бы тут сейчас без лица..."

– Стреляют только я, Леший и Чапай! – командовал Борода. – Остальные стоят за нами и просто целятся в дыру. Стрелять можно только по моей команде и только в дыру! Не в стену. Все! Ждем...

– А кто это был? – дрожащим шепотом спросила Света.

– Это, Светик, был, так называемый, Урод обыкновенный, – тоже шепотом ответил ей я. – Зверек, очень часто встречающийся по всей территории нашей средней полосы...

– Завалите там! – прошипел Борода, грозно зыркнув на меня.

Наступила тишина. Мы молчали и не двигались. Урод за стеной, видимо, избрал ту же тактику. Только Дятел никак не хотел успокаиваться. Долбил и долбил...

Так прошло минут пять. Потом стена перед нами содрогнулась от мощного удара изнутри, и еще один кусок кладки, второе больше первого, с треском вывалился, теперь уже на нашу территорию. Пауза, секунды четыре, и из расширившегося проема выпрыгнул во всей своей отвратительной красе наш зубастый сосед. Точнее, пытался выпрыгнуть. Две короткие очереди в грудь из калашей Лешего и Чапая остановили Урода на полпути к нам, а три дозвуковые бронебойные пули, выпущенные Бородой из Вала, пробили насквозь облезлый череп чудовища и отбросили его назад в темноту. Готов! Хорошо стреляют мужики! Метко, хладнокров-

но... Только в ушах звон, больно громко работает автомат Калашникова в тесном помещении...

– Всем стоять, – скомандовал Борода. – Ждем еще. Хрен знает, сколько их там...

Постояли еще. Из-за разломанной стены не доносилось ни звука. Только вонь. Как раньше то не чуяли?

– Ладно, сказал наконец Борода. – Егор лезет, смотрит, Вова с Валуевым с двух сторон подсвечивают, мы втроем страхуем.

– А я? – вскинулся Бабушка.

– Ты носки штопаешь, – последовал ответ.

Шутка была дежурной, никто даже не улыбнулся. Вот, Борода, мелочный, гад! Да и хрен с тобой! Полезу, мне по барабану.

Я прицепил к своему калашу фонарь и медленно подошел вплотную к дыре, выставив ствол вперед. Лучше лишиться оружия, чем половины морды... Слева и справа от меня светили фонарями Вова и Валуев. Три конуса света пробежали по бетонным стенам, потолку, полу. Я зашел в проем, быстро развернулся и провел лучом над стеной. Никого. Длинное пустое помещение шириной с нашу кухню, длиной метров двадцать. В дальнем торце – распахнутая настежь металлическая дверь. За ней темно. Фонарь не дотягивается. Прямо передо мной лежал в позе звезды мертвый Урод. Под ним успела натечь неслабая лужа черной маслянистой жидкости. А еще, весь пол помещения был усеян костями, груд-

ными клетками и черепами.

– Пусто, – сказал я за спину, медленно шагая в сторону дальней двери. Сзади раздался шорох, хруст костей под подошвами берцев, тихий мат. Товарищи по одному проникали в неизведанные подземелья.

– Кости-то человеческие, – раздался голос Чапая. – Ты смотри, все обсосанные до блеска...

– Да у него тут по ходу гнездо было, – это уже Леший, – А мы раньше думали, они на улице живут. Там же и жрут. А он их всех, оказывается, сюда волок и доедал. Вон, гляньте – шлем наш бывший мчсовский... Это кто ж такой?

Долгая пауза...

– Помнишь Армена? Года два назад пропал? Его каска, наверное... Кто еще у нас без вести числится? – сказал Борода.

Тут раздался характерный звук, как будто кого-то вырвало. Е-мае, Светку-то они зачем сюда пустили?

– Я что, блин, все это время на кухне вам супы варила, а тут в метре от меня за стеной вот Это жило? – раздался ее испуганный голос. – Ой, Господи, да что же это такое? Что ж за жизнь-то, а? Откуда это все повывлезало, зачем?.. – Речь стала совсем бессвязной, ее сменили рыдания. Вот так. Держалась-держалась девчонка, а тут прорвало... Ну еще бы, такую красоту увидеть... Интересно, а Урод нас чуял, или они через стену не могут? Да не, по-любому он про нас знал, только шухерился, ждал, они же все умные теперь. Ну вот,

собственно, дождался...

Я резко шагнул к открытой двери, осветил за нее. Длинный, узкий коридор уходит в темноту, с обеих сторон чернеют проемы. Тишина. Только где-то капает вода. Я ощутил на лице легкое прикосновение движущегося воздуха. Сквозняк. Значит точно есть выход там, дальше. Ну вообще логично. Урод же сюда не телепортировался, а как-то приходил...

– Лампочки висят, – послышался сиплый голос Бабушки. – Значит свет где-то включается.

Ко мне подошел Борода. Посветил вглубь коридора. Поцокал языком, повернулся к народу, все, сейчас будет речь толкать. Жалко броневика нет, на него бы залез. Вождь...Лучше бы Светку сначала успокоил...

– Впрочем так, молодежь! – начал он. – Наш родной Сарай больше не является закрытым безопасным убежищем. Оттуда, он указал фонарем на коридор, – В любой момент может припрыгать кто угодно. Может вон хоть жена того парня, которого мы сейчас вальнули. Или муж. Или еще какой родственник. Там, – указующий перст в другую сторону, – Ждет Дятел. Так что сейчас я, Леший, Егор и Вова идем искать выход на поверхность, а все остальные возвращаются на кухню и баррикадируют дыру мебелью. Я не знаю, этажерки из подсобок чтоли притащите, кровати наши, трубы там валялись где-то, кирпичи эти на место вставьте как-нибудь... Короче, чтобы хоть как-то прикрыть, чтоб не с одного удара все развалилось. Главным временно назначается Василий

Иваныч. Снарягу не снимать, сидеть у баррикады и внимательно слушать. Если кто чужой будет ломиться, отбиваться всеми силами. Патронов много. Только друг друга не перестреляйте и нас с чужими не перепутайте... А мы скоро вернемся с информацией и, может быть, даже со жратвой и водой. Время 14:27. Блин, поздновато... Ну что, задача ясна?

– А почему вы вчетвером? – спросил Валуев. – Обычно же тройками ходим?

– Потому что, я так сказал! – отрезал командир. – Все, ни пуха!

– К черту, – нестройно раздалось в ответ. Оставленные как-то заметно приуныли. Света все еще плакала, остальные подавлено молчали. Их явно не радовала перспектива сидеть у практически открытой двери, тем более – ночью, если мы задержимся.

– Может я хоть растяжку поставлю у дальней двери, – спросил Чапай.

– Нет. Может завалить, тогда точно навсегда здесь останетесь, – ответил Борода.

Снарядились мы по полной. Поход был – серьезней некуда. Полная экипировка: шлемы, бронежилеты, щитки на коленях и локтях, под сумки оттягивали запасные магазины, в специальных петлях висели гранаты. Леший лично помогал каждому одеваться, подтягивал ремни, закреплял липучки, заставлял двигать руками и ногами, подпрыгивать...

Он, конечно, был профессионалом. Когда мы наконец нашли настоящее оружие, он тут же начал обучать всю команду, кроме Бороды, который тоже явно где-то воевал, навыкам обращения с оружием, правилам ведения огневого боя и так далее. Наши самопальные ружья были слишком простыми и недальнобойными. Целиться особо не надо, поднял – выстрелил. Если противник дальше тридцати метров толку вообще не будет. А тут имело значение все. Поза, хват, шаг, дыхание. Больше всего времени уделял мне. По утрам мы с ним специально вылезали на поверхность тренироваться. Поначалу самым сложным было контролировать указательный палец правой руки. Теперь, говорил Леший, он должен жить и думать отдельно от остальных, а прикасаться к курку только тогда, когда ствол уже наведен на цель. Иначе можно в любой момент отстрелить какую-нибудь часть своего тела или тела товарища. Также сложно было перейти от стереотипной позы охотника, выцеливающего дичь, к нормальной, "фронтальной", как он выразился, позе стреляющего бойца. Спина чуть согнута, голова наклонена, приклад упирается скорее в грудь, чем в плечо, а корпус максимально повернут в сторону цели, чтобы контролировать ситуацию не только справа, как тот охотник, а с обеих сторон. И стрелять с одной руки можно. Еще важным элементом было сохранить кучность попадания при автоматической стрельбе, контролируя вздергивание ствола.

Многому научил меня Леший. Навыки ложились хорошо,

удивляя даже самого учителя. До него, конечно, мне было еще далеко, но на определенный качественный уровень защиты своей жизни я вышел. Остальные тоже, но не так... У меня было больше опыта реального боя, так как мы с Лешим участвовали почти во всех походах.

Поэтому сейчас, шагая по темному коридору с семьдесят четвертым модернизированным АК в руках, я ощущал его не инородным телом, а грозным, надежным, "своим", боевым оружием, которое, если понадобится, будет приведено в действие не мыслью, а выработанными рефлексами...

Как бы бесшумно не старались мы идти, все равно, в звенящей тишине подвала далеко разносилось эхо наших шагов, хруст камушков или чего-то еще под подошвами, случайное бряцание снаряжения. Мы же все-таки не настоящий спецназ, просто притворяемся...

Впереди шли мы с Вовой, освещая и заглядывая поочередно в каждое помещение по обе стороны коридора, сзади, метрах в трех – Борода и Леший. Как я понял, командир определил для меня и Вовы роль тех самых сталкерских гаек, которые кидали в подозрительные места в одной небезызвестной книге. Если какой косяк, по шее первыми получаем мы, а товарищи сзади в это время успевают сориентироваться. Леший был явно не согласен с таким раскладом, но промолчал. Молчали и мы с Вовой. Мне было, в принципе, по фигу, а Вован в силу простоты душевной ни о чем даже не догадывался.

Фонари освещали коридор полутораметровой ширины, неровный бетонный пол, низкий, бетонный же потолок, стены из красного кирпича, по которым, как в метро, опираясь на ржавые костыли, тянулись толстые черные провода, изгибаясь в подобие арок над дверными проемами. За этими проемами были просторные пустые помещения, уходящие в глубину от коридора метров на двадцать. Сначала мы просто проверяли их на отсутствие зверюшек, но потом меня, словно кто-то дернул за руку, и я зашел в ничем вроде не отличающуюся от остальных комнату...

Ничего особенного. На полу разбросаны кости. Некоторые вроде людские, некоторые – не очень... Леший ткнул меня в плечо и лучом фонаря показал на череп, раза в два больше человеческого, приплюснутый, с огромными вытянутыми глазницами и мощной нижней челюстью, усеянной ровными острыми зубами, каждый длиной с мой мизинец.

– Узнаешь? – шепнул Леший. – Человек паук наш.

– Да, похож, – ответил я, вспоминая огромную отвратительную тварь, ползавшую по стенам зданий, – А где все остальное?

– Не знаю, может Урод сюда только голову притащил... А, прикинь, если и эти паучки здесь обитают. Мы ведь его с нашими фонариками вообще не увидим.

– Да, блин... – сразу стало как-то неудобно. Я повел фонарем по стенам. – А это, что за наскальная живопись?

Стены помещения, кроме той, которая граничила с кори-

дором, были сделаны из какого-то непонятного материала, желтоватого, ровного, похожего на слоновую кость. Я такого еще не видел. И, главное, – эти стены были покрыты сплошной вязью рисунков и текстов. Буквы и символы были аккуратно выдолблены в теле стены идеально ровными канавками, шириной и глубиной в сантиметр. Углы, радиусы, сопряжения – все было настолько четко, что если это и делал человек, то очень умелый и терпеливый. Хотя больше было похоже на работу некой типографской машины или тридэпринтера.

Судя по буквам, язык был какой-то очень древний, я таких символов даже по школьным урокам истории не помнил. Колонки текста прерывались довольно искусно сделанными рисунками. Сцены из быта странно одетых людей в высоких шапках. Вот девушка собирает яблоки, вот мужик разжигает костер, вот какой-то праздник, все танцуют, так... а вот тут явно трахаются... А здесь несколько людей сражаются с...

– Э, мужики! – позвал я. – Это же Горгулья, да?

– Ага, – ошарашенно сказал, подошедший Борода, – А вон Гвоздь... Что за херня?

Все с интересом бросились рассматривать картинки. Нашли еще несколько знакомых зверушек. На дальней торцевой стене текстов почти не было, одни изображения, причем намного отвратительней. Показывались человеческие жертвоприношения. Отрубание голов, что-то типа дыбы, какое-то коллективное изнасилование голый грудастой деви-

цы с последующим разрезанием ее на части, а позади всего этого безобразия, словно зрители в театре, стояли высокие, в два раза выше людей, сутулые фигуры. Худые, похожие на облетевшие горбатые деревья, с длинными ветками-руками. Очень подробно были прорисованы их глаза. Большие, необычной вытянутой миндалевидной формы. В самом центре композиции, занявшей всю стену, красовалась большое прямоугольное здание без окон, но с двухстворчатыми расписными воротами в основании, из которых вытекала или, наоборот, втекала какая-то река. Над зданием парил в небе огромный точно такой же вытянутый глаз, заключенный в треугольник, как на долларовой купюре. Причем этот глаз был вырезан настолько хитро, что даже в свете фонаря, мне показалось, что он реально на меня смотрит. Точнее, не он, а через него, как в дверной глазок за мной пристально наблюдает кто-то чужой, большой и страшный... Око Саурана, бя...

Фу, аж мороз по коже... Как-то это все мерзко и неправильно. Откуда здесь вообще эти комиксы? Уроды рисовали?..

– Это по ходу Шумеры, – вдруг произнес Борода.

– Кто? – хором спросили Вова и Леший.

– Ну жил такой народ давным-давно, чуть ли не раньше всех, о нем типа всякие слухи странные ходят. Жили в Азии, где сейчас то ли Иран, то ли Ирак, все время путаю...

– А ты что, историком был? – спросил Леший.

– Нет. Я хирургом был. – ответил Борода. – Опухоли из людей вырезал...

Мы с Лешим переглянулись. Случилось небывалое! Борода рассказал что-то из своей прошлой жизни. Неужели рисунки на него так подействовали? Тот, не обращая на нас внимания, продолжал:

– Был у меня кореш один, Петька. Семьями дружили...

Опа! И семья, оказывается была!

– Так вот, он в свое время на этих шумерах просто помещался. Читать про них все подряд начал, язык учить. К нему в гости придешь, а там по всей квартире таблички с буквами этими и картинки древние развешаны. Ну, насчет букв может я и ошибаюсь, но глаз вот этот я точно у него видел. Там он тоже на самом видном месте был. Что-то он такое рассказывал про него... Не помню, нехорошее что-то. Короче, Петя их чуть ли не богами считал... Вот так.

– Что-то бред какой-то, – произнес я. – Мы выходим из дома и, пройдя пятьдесят метров натыкаемся на остатки древней цивилизации? Здесь?

– А что у нас тут не бред? – спросил Борода. – Не привык еще что ли? Эти буквы, кстати много, где по Городу намалеваны. Я просто раньше внимания не обращал. А сейчас рисунки увидел, шумеры из памяти и выпрыгнули.

– Я тоже припоминаю, – сказал Леший. – Я в начале же в другой команде был, на Луговой. У них там тоже в подвале стеночка была. И знаки вроде похожи...

– Но это же явно здесь рисовалось! – не унимался я. – В том, настоящем, мире, кто мог Горгулью и Гвоздя нарисовать?! Да еще так... – я не мог подобрать слово. – Охренительно подробно и качественно! Я ни фига не понимаю, блин!

– Да ты что разошелся-то? – пожал плечами Борода. – Никто ничего не понимает. И никто по этому поводу давно не парится. Может у зверья местного вдохновение было. Взял какой-нибудь кадавр, наточил коготь и давай живописать... Ладно, хорош! Мы не в Третьяковку шли, а выход искали. Двинули!

На самом деле, что я так завелся из-за каких-то там шумеров? Мало тут абсурда? Тут куда ни глянь бред на бреде... И бредом погоняет...

Пошли дальше. Метров через тридцать коридор сворачивал налево под прямым углом. Высота коридора над поворотом была уменьшена балкой, на которую опирался кирпичный простенок. Видимо, когда-то хотели поставить тут дверь. Из-за поворота пробивался тусклый, явно неэлектрический свет. Я, Леший и Борода синхронно сбавили шаг, потом и вовсе остановились. Чуйка пробила всех одновременно. Я успел схватить за плечо опередившего меня и беспечно шагающего дальше Вову. Тот вздрогнул, повернулся. Глаза испуганные, но так, в меру. Крепкий паренек...

– Что? – прошептал он. – Услышали чего?

Я поднес палец к губам, знаками приказал ему замереть, а

сам повернулся к Лешему. Тот уже протягивал мне круглое выпуклое зеркало, закрепленное на конце хромированного, телескопического стержня. Вот и палка–селфи, найденная как-то в районе Рынка, пригодилась. А еще брать не хотели...

Я растянул ее до максимума и левой рукой осторожно высунул зеркало за угол, заранее сориентировав его поверхность на максимальный обзор пространства слева. Автомат в боевом положении одной рукой держать было неудобно, но приходилось терпеть. Я же просто гайка. Гайки все стерпят...

В отражении появился точно такой же коридор, а в конце перспективы, суженной оптикой почти до точки, еле виднелась приоткрытая дверь, из-за которой ярко бил дневной свет.

Дошли...

Коридор был пуст, проемов в стенах больше не имелось. Блин, а что же так колбасит то, а? Может там, за дверью, на улице кто ждет?

До боли изогнув запястье, я довернул зеркало, чтобы рассмотреть потолок над поворотом. И рассмотрел. На кирпичном простенке между перемычкой и потолком, уперевшись ногами в углы и немислимо скрючившись, висел здоровенный Урод и нежно смотрел на меня через зеркало. Наверное, сожитель, а может просто гость нашего убитого соседа. На водочку пришел... Красные глаза посверкивают за мутными

бельмами, широкий рот раскрыт в улыбке, с одного из нижних клыков свисает длинная, тяжелая капля слизи. И, главное, ни звука. В засаде он, ясно? Пипец, они тут все продуманные стали!

Я осторожно, стараясь не делать резких движений, начал поднимать оружие, собираясь бросить телескопичку на пол и быстро перехватить автомат обеими руками. Мужики сзади тоже чуть слышно зашуршали, сообразив, что дело нечисто. И тут эта мерзкая капля оторвалась наконец от кривых зубов и со смачным шлепком упала прямо в центр моего зеркала, размазав и без того отвратительную картинку. Это неприятное событие, видимо, послужило для Урода сигналом к атаке. Дальше все происходило молниеносно.

Он спрыгнул на пол, мягко приземлился, и практически без паузы пружинистым прыжком метнулся на меня, замахаясь левой рукой для удара. Я упал на спину, уперся ногами и дулом калаша ему в живот, одновременно перекидывая его за себя и нажимая на курок. Гром выстрелов в тесном коридоре был оглушительным. Но еще более оглушительным оказался сильнейший удар когтями по голове, которым, пролетая надо мной наградил меня Урод. Окружающее поплыло перед глазами, в башке загудело, как сквозь туман до меня доносились злобное рычание, не менее злобная матерщина и короткие очереди.

Когда я пришел в себя и смог оглядеться, все уже кончилось. Мертвый засранец бесформенной кучей валялся по-

среди коридора, истекая своей черной кровью, а мужики, тяжело дыша, сидели вокруг, прислонившись к стенам.

– Живой? – спросил Леший, посмотрев на меня.

– С трудом, – я снял шлем с головы. Вот эта вмятины! Будто вилами прошлись. Пощупал макушку. Крови нет, но болит сильно...

– Ловко ты его через себя прокинул. – сказал Борода. – Правда, прямо на нас...

– А мне надо было ему шею подставить? – огрызнулся я.

– Ладно, не заводись! – поднял руки командир. – Молодец. Даже живот ему прострелить успел...

Потом, повернувшись к Лешему, сказал:

– Не, прикинь, Лех, как они умнеют? Он же нарочно между нами скакал, чтоб мы друг другу секторы перекрыли... Если б не Вовина тупость, до сих пор бы танцевали.

– Да-а, – самодовольно процедил Вован, – Клево я ему башку продырявил!

– Клево! – согласился Борода, – А заодно и мне тоже чуть не продырявил...

– Да-а, – опять протянул Володя, улыбаясь.

Борода помолчал, потом покачал головой:

– Сказочный долбоеб...

Меньше всего Дятел был похож на птицу...

Скорее, он напоминал Камаз, если сравнивать габариты. А что касается внешнего вида, то у меня возникала един-

ственная ассоциация – здоровенная живая сопля, постоянно меняющая форму. Полупрозрачное тело бледно зеленого цвета, внутри которого просматривалось что-то похожее на очень гибкий и пластичный скелет, казалось, было сделано из жидкого металла, будто второй Терминатор, но не сверкало, красиво переливаясь хромированными отражениями, как у киношного робота, а жирно лоснилось чем-то типа силиконовой поверхности.

Когда Дятел рыскал туда-сюда по развороченному склону вокруг двери в Сарай, он принимал форму четвероногой табуретки. Иногда вырастала пятая нога, иногда наоборот, вытягивалась в тело четвертая, и табурет передвигался на трех ногах. Когда он штурмовал дверь, большая часть студенистой массы, из которой состояло тело, переливалась на одну сторону, разрастаясь в огромный кулак, две оставшиеся конечности утолщались, упираясь в землю, кулак резко распрямлялся и тараном лупил в металлическую поверхность, уже совсем критически вдавленную внутрь. Тело расплзлось по двери огромным блином, в центр которого, соединяясь друг с другом, вытягивались опорные конечности, и выворачиваясь наизнанку, Дятел превращал себя в шар и откатывался назад. Потом из шара снова вырастало некоторое количество ног, следовала пробежка вверх-вниз по растоптанному репейнику, а потом снова – мгновенная трансформация в стенобитное орудие и очередной удар. Как заевшая пластинка... Или робот...

– А у него голова есть вообще? – спросил Вова. – Куда стрелять то?

– Есть подозрение, что стрелять бесполезно, – процедил Борода. – Тут, бля, гранатомет нужен... А лучше авиационная вакуумная бомба. Ты с собой не взял случайно?

– А как он нас жрать собирается, если у него даже рта нет, – не унимался Вован.

– Переварит как-нибудь. Вон, у Егора спроси. Он с чем-то подобным уже сталкивался. Правда тот поменьше был. Намного...

Я машинально прикоснулся к опоясывавшему шею шраму от ожога. Те события, казалось, произошли десятилетия назад и не со мной, а с кем-то другим...

Полчаса назад мы вышли на поверхность через найденный нами черный ход Сарая, осторожно спустились на Речной проспект и, никого не встретив, пересекли его. Потом прокрались обратно ко входу в бункер вдоль забора ГРЭС, добрались до пивзавода, точнее до потока мутной жидкости, не так давно отделившего его от нас, забрались на невысокую кровлю какого-то склада и наконец увидели Дятла, который нарезал наверху круги по склону, периодически штурмуя нашу дверь.

Сейчас мы в полной растерянности сидели за кирпичным ограждением, по очереди высовываясь и рассматривая в бинокль явившееся взору чудо...

В мире стояла все та же ватная тишина, которую нару-

шали только глухие, набившие оскомину, удары, в сером небе клубился густой темно-серый туман, а слева, на высоте пятидесяти метров над землей, застыл скорбным памятником пропавшему человечеству теплоход "Хирург Разумовский", безжалостно пронзенный тремя красно-белыми копьями труб. По корпусу ниже ватерлинии во все стороны разбежались трещины, с киля свисают длинные темно-зеленые водоросли, похожие на бороду. Зверья вокруг, как ни странно, не наблюдалось. Видимо, Дятел всех распугал.

Мы сидели. Идей ни у кого не было. Слишком большим, сильным и неуязвимым выглядел наш противник. Такого мы еще не встречали. Даже отсюда, с расстояния около сотни метров, эта огромная, неутомимо движущаяся сопля внушала произвольный ужас и отвращение.

Затянувшееся молчание прервал Леший:

– Дверь еще недолго продержится. Скоро вышибет. – сказал он. – Потом в змею превратится и в Сарай заползет. Тогда все, тушите свет... Надо или валить его, или как-то уводить.

– Как ты его уведешь? – спросил Борода. – Он вторую неделю тут, как привязанный. Как он вообще нас почуял то? Столько лет жили, ни разу никто не лез.

– Как почуял – не важно. Следил может. А может они тут все общаются давно друг с другом, сам же говорил, вон какие умные стали... Так вот, Уроды к нему в берлогу пришли пиво пить и рассказали, что типа знаем, где есть мясо, но сами добраться не можем. Подсоби, Дятел. А мы в долгу не

останемся. Поделится человечинкой... Короче, не важно...
Что делать-то будем?

– Интересно, быстро эта херня бегают? – спросил я.

– Вылези – проверь, – бросил Борода. – Я что-то не хочу пока.

– Давайте отсюда шмальнуть попробуем, – продолжил я. – Борода, у тебя же Вал бесшумный. Поглядим – вообще, почувствует Дятел пулю или нет...

– Он тогда нас почувствует и кинется, – ответил Борода, зло оглядываясь на меня.

– Ну мы и побежим, а он за нами. Так и уведем подальше. Главное – придумать куда бежать...

– В Шестерку! В нашу! – оживился Вова. – Они же туда не лезут днем, сами говорили.

– Так это обычные не лезут, – задумчиво протянул Леший. – А этот совсем какой-то... Необычный... Хрен знает, чего от него ждать.

Я думаю, мы бы еще долго спорили, выдвигали идеи, взвешивали все за и против, но судьба распорядилась по-своему. Русская пословица о том, что терпение и труд все перетрут, который раз доказала мудрость народа, ее придумавшего. После очередного удара Дятла раздался громкий металлический звон, разнесшийся по всей округе, и правый верхний край нашей родной двери сантиметров на тридцать провалился внутрь Сарая, а железные стержни, державшие этот угол, выдавились наружу вместе с краем рамы, выломавав

большой кусок кирпичной кладки. По стене бункера, змеясь, побежала вверх и наискосок неслабая трещина.

Мне кажется, Дятел сам на миг охренел от свалившейся на него удачи. Он откатился назад, вырастил три конечности, приподнялся на них и застыл, недоуменно покачиваясь. Застыли и мы, хором сказав одно и тоже матерное слово. Прошло секунд десять, до твари видимо дошла наконец суть происшедшего, и она радостно ринулась на дверь. Следующий удар еще больше завалил поврежденный угол внутрь, но остальные три еще держались.

"Еще несколько раз долбанет и пипец, – мелькнуло у меня в голове. – Всем. И веселой Светке, и блатному Бабушке, и борзому Чапаю и даже большому добродушному Валуеву. Не поможет тут его хук справа... Они мои друзья. Так нельзя..."

Я выпрямился, вскинул автомат и, пропустив мимо ушей гневный окрик Бороды, начал садить короткими оглушительными очередями в полупрозрачное мерзкое существо. Краем глаза я видел, что практически синхронно со мной так же поступил и Леха. Пули входили в Дятла и застревали где-то внутри, оставляя на теле красивые узоры медленно расходящихся по поверхности кругов. Как будто горсти камней бросали в густой кисель. Другого видимого эффекта не было, хотя ублюдок явно их чувствовал, так как вместо очередного броска на дверь он замер на месте, приняв форму головастика, стоявшего на трех хвостах, и снова на-

чал покачиваться.

Тут к нам присоединился Вова, а вслед за этим сухо за-
трещал и автомат Бороды. В молоко не бил никто. Такое
расстояние для нашего оружия было просто смешным. Тело
Дятла пошло еще большей рябью от частых попаданий, а он
все также не предпринимал никаких действий. Было вооб-
ще непонятно, доставляет ли ему хоть какой-то дискомфорт
слитный огонь из четырех стволов.

Почти одновременно мелькнули два трассера. Потом еще
два. Наступила тишина. Патроны в наших магазинах за-
кончились, мы быстро перезарядились и, вскинув автома-
ты, увидели, что Дятел наконец идентифицировал нас, как
угрозу, и принял решение ответить. Непонятно было, чем он
смотрел или слушал, ни глаз, ни ушей мы не видели, но дви-
нулся он четко в нашу сторону. Причем двинулся очень ори-
гинальным способом. Его тело трансформировалось в ши-
рокий и тонкий блин или монету идеально круглой формы,
стоявшую на ребре. В следующий миг монета покатила на
нас со склона, постепенно набирая скорость, чуть подсаки-
вая на неровностях рельефа. Вот так. Дятел – дятлом, а тоже
соображает. Повернулся к нам минимальной площадью по-
ражения, попробуй, попади в это ребро...

– Валим! – мгновенно оценив ситуацию, заорал Борода и,
спрыгнув на мостовую, со всех ног побежал налево по Реч-
ному проспекту. Мы ломанулись за ним. Другого направле-
ния побега просто не было. Впереди – злобный Дятел, спра-

ва – ядовитый поток, который не перепрыгнуть, сзади – территория ГРЭС, про которую рассказывают разные неприятные истории. Кстати, странно, что до сих пор никто оттуда не вылез...

Мы успели пробежать метров тридцать, когда сзади раздался оглушительный грохот. Я оглянулся на ходу. Разогнавшийся с горы Дятел не сумел вовремя притормозить и со всей дури врезался в склад, на крыше которого мы только что прятались, и, разломав его к чертям собачьим, исчез на территории электростанции. Это дало нам еще секунд десять преимущества, но не более. Опять грохот за спиной и уже не огромный блин, а гладкая округлая капля проломила грязно розовый забор, возведенный в начале прошлого века, вырастила себе четыре конечности, снова став табуретом, и запрыгала вслед за нами. Смешно так запрыгала. Так смешно, что вспомнился старый советский мультик "Мойдодыр", где разнообразные предметы убегали от дурно пахнущего пацана. Среди бегущих предметов был деревянный стол, двигавшийся точно так же, как сейчас наш Дятел. Только стол не был четырехметровой высоты и не хотел никого убить...

Мы бежали. Тварь скакала сзади. Неожиданно я понял, что мы бежим чуть-чуть, но быстрее. Поняли это и остальные. То Леший, то Борода начали на ходу разворачиваться и постреливать. Лучше бы они этого не делали... Дятел, видимо, ошалев от такой наглости, сменил тактику и снова трансформировался в нечто похожее на каплю. Эта капля стала

совершать длинные прыжки посредством перемещения массы туда-сюда по телу. "И подушка, как лягушка ускакала от меня..." снова вспомнилось мне произведение Корнея Ивановича Чуковского. Очень похоже... Только мы, в отличие от того мальчика, видимо, слишком чистые, поэтому подушка скачет не от нас, а за нами. Причем скачет намного быстрее, чем в образе табуретки. Расстояние медленно, но верно сокращалось.

Леший вдруг резко развернулся и катнул по асфальту гранату. Блин, я про них вообще забыл... Рифленое темно-зеленое яйцо, несколько раз подпрыгнув, исчезло под приземлившейся прямо на него бесформенной массой, раздался сильно приглушенный хлопок, через полупрозрачные тела сверкнула огненная вспышка. Дятла тяжело подбросило метра на два, вниз из нескольких образовавшихся в коже отверстий фонтаном брызнула светло-зеленая слизь, отвалилось несколько кусков плоти размером с баскетбольный мяч, а самого Дятла повело в сторону, и он врубился все в тот же грязно-розовый забор. Стек по нему, по телу пробежала волна ряби, а через секунду этот кусок говна, как ни в чем не бывало, снова мчался за нами. Правда, между прыжками появились небольшие паузы, словно ему стало труднее распределять массу внутри тела для толчков.

– Поднажмем! – заорал я.

– Куда уж еще-то, – прохрипел Борода. – Бля, даже разбежаться некуда!

Да, удирали бы где-нибудь в другом месте, можно было бы попробовать двинуть в разные стороны, поставив Дятла перед выбором – за кем бежать. Но здесь Речной проспект был зажат слева забором ГРЭС, а справа складами, штрафстоянкой и правительственными гаражами. Тянулся этот коридор метров пятьсот до бассейна ВВС и площади Доблести. Когда-то летом по нему ходили целые колонны потной, изнемогающей от жары молодежи, неся с пивзавода на пляж запотевшие баклажки с холодным свежим пивом. Хотя, наверное, и сейчас ходят. Где-то...

А мы вот здесь... Без пива, зато с автоматами. Несемся, как обосранные олени, от каких-то гигантских соплей. Расскажи кому, не поверят.

Единственным отнорком, куда можно свернуть, был черный ход нашего Сарая, из которого мы недавно героически вылезли. До него еще метров двадцать. Но туда ни в коем случае нельзя. Виденные нами телесные метаморфозы Дятла позволяли с большой долей вероятности предположить, что эта тварь пролезет в любую щель. Значит, если сунемся в Сарай – погибнем сами, подставив при этом и всех остальных, в этом Сарае прячущихся...

Однако к моему огромному изумлению, Борода был другого мнения на этот счет. Когда мы поравнялись со входом в подвалы, он резко свернул в его сторону и, крикнув за спиной: "Уводите!", исчез в бетонных катакомбах. Я просто охренел... Леший, видимо, тоже. А Вова вот не охренел, а про-

сто ломанулся вслед за Бородой. Я еле успел его догнать и схватить за шкирятник.

– С нами бежишь! – проорал я в лицо вырывающегося Володи, а подбежавший Леха еще и отвесил тому пинка под зад для скорости.

Побежали дальше. Дятел не приближался, но и не отставал, неумолимо прыгая за нами. Леший достал еще одну гранату, развернулся, катнул, как в боулинге. Но это был явно какой-то новый, необычайно продвинутый тип зверья. Вместо того, чтобы снова послушно напороться на взрыв, тварь вырастила из себя длинную гибкую конечность, схватила гранату и отшвырнула ее за забор. Через секунду долбануло, аж асфальт под ногами заходил ходуном. Запомнил, гад! Ладно хоть в нас не кинул. Теперь вообще хрен знает, чем его валить...

До бассейна оставалось метров сто. И наша Шестерочка напротив. Ладно, там посмотрим по ситуации...

– Я не понял, а че вы меня не пустили?! – тяжело дыша, вопил Володя. – Бороде можно спрятаться, а нам нет?

– Борода – командир! – ответил ему Леший, который, казалось, вообще не запыхался. – Ему виднее. А если б ты с ним побежал, мы бы поровну разделились, и Дятел мог вас выбрать и в Сарай залезть.

– Ну и хрен с ним, как бы он туда пролез-то?

– Вова, заткнись и дыхание береги! – сказал ему я, подталкивая в спину. – Вон уже бассейн видно...

Добежали до бассейна. Стоит, такой, как и раньше, прямо на берегу. Двери открыты, внутри горит свет, на парковке пылятся машины, много машин. За бассейном – вторая очередь набережной. Лавочки, фонтаны – все на месте. Деревья и кустарник правда пожухли, загнулись, закрутились в немыслимые узлы... Река. Сереет, колыхается, лениво перекатывая волну за волной. Мертвое все, ненастоящее, чужое...

Справа показалась Шестерочка. Мы, как на крыльях, рванулись к ней, но тут же, матерясь, повернули обратно на прежний маршрут. Спрятались в магазине, блин...

Прямо у дверей сидели целых пять Уродов... Увидели нас – подобрались, рассредоточились, начали подкрадываться, прям львиный прайд на охоте! Потом увидели Дятла, как-то сразу поникли и вернулись к дверям. Ого! И у зверья иерархия наблюдается.

– Ну че, будем прорываться? – оглянулся через плечо Леший, видимо имея в виду магазин.

– Может подальше уведем? – предложил я. – А то он возьмет и в Сарай вернется... Да и этих там, аж пять штук. Затрахаемся стрелять...

Леший молча кивнул, Вова застонал. Побежали дальше. Разбежаться в стороны смысла уже не было. Скорость у нас с Дятлом примерно одинаковая, мы с Лешим в таком темпе еще долго можем бежать. Вова правда запыхался, но ничего – потерпит... Нам главное – козла подальше увести. Желает

тельно до наступления темноты.

Остался справа позади высокий, когда-то зеленый, расчеченный каскадом каменных лестниц, склон, на вершине которого гордо воздел руки в небо памятник Склифосовскому, и раскинулась площадь Доблести. Мелькнул храм Георгия Победоносца, вроде такой же, как раньше, но почему-то без крестов на куполах. Да и сами купола больше не сверкали золотом, а были опутаны черными то ли проводами, то ли лианами... Выглядело страшно и неприятно. Я вопросов Веры старался никогда не касаться, но тут аж зубы свело. "Вот, суки! Доберусь до вас!" – сам не зная кому, пообещал я, стараясь больше не смотреть наверх. "Все обгадили!"

Пробежали т-образный перекресток с улицей Мандельштама, крутым подъемом уходящей наверх вглубь Города. Я молча указал рукой вдоль нее, – может туда? Но Леший покачал головой:

– Дальше бежим. Там у Роснефти коробка есть. Хорошая, крепкая. Туда попробуем...

Коробка – это хорошо. Скоро свет отрубят, по-любому прятаться. Только, что с Дятлом делать?

Слева все также тянулась набережная, справа – к проспекту вплотную подступили жилые дома. Здание Роснефти маячило в полукилометре впереди. Присутствие Дятла, видимо, служило для нас своеобразной защитой от остальных тварей. Среди зарослей иногда мелькали какие-то тени, в окнах домов наблюдалось подозрительное движение, мы стреляли на

ходу, однако никто на нас не бросался, зверье явно боялось нашего преследователя...

– Прибавляем, а то стемнеет сейчас, – скомандовал Леший. Мы прибавили. Оторвались от Дятла метров на сто, однако Вова совсем спекся. Его шатало от усталости, дышал часто, хрипло, ноги заплетались. Я забрал у него автомат и чуть отстал, чтобы оказаться у него за спиной и, если что – подстраховать. До вожаковой коробки осталось совсем немного, когда что-то привлекло мое внимание впереди на асфальте. Видимо, тоже вымотался не сразу сообразил, а когда все-таки сообразил, было уже поздно:

– Вова, стой! – заорал я, с замиранием сердца понимая, что время упущено.

Из-под асфальта стремительно вырвался толстый желтоватый штырь и, подбросив парня в воздух, насквозь пробил его правое бедро. А когда окровавленный заостренный конец вместе с обломком кости вышел из ноги сантиметров на двадцать, он вдруг раскрылся широким зонтиком и с силой рванул вниз, намертво прижав орущего Вову к асфальту.

Гвоздь... Бля, как не вовремя!

Мы с Лехой засуетились возле поплывшего от болевого шока Володи.

– Шляпу! Шляпу эту надо срубить! – закричал Леший, выдергивая из-за спины топор. – Только осторожно, в ногу не воткни!

Мы, как два бешеных дровосека, принялись остервене-

ло бить топорами по круглой поверхности Гвоздя. Поверхность была очень плотной, топоры отскакивали, оставляя лишь неглубокие вмятины. Сзади неумолимо приближался Дятел. Из покалеченной ноги Вовы во все стороны брызгала кровь. Очень много крови. Она стекала по нашим рукам и лицам, оставляя на губах липкий медный привкус. Видимо, Гвоздь пробил бедренную артерию.

"Бесполезно... Не вытащим пацана..." – жестоким приговором всплыло в голове. Тут даже и без Дятла он минуты через две от кровопотери скончается, руби – не руби...

Та же мысль читалась и на перекошенном лице Лешего, закусившего губу и отчаянно молотящего топором, и в мутных глазах пришедшего в себя Вовы, который смотрел сквозь меня и судорожно искал что-то под сумках.

– Гранаты... Гранаты дайте, мужики! – прохрипел он. – Хоть гондона этого... Соплю гребанную...

Леха опустил топор, выпрямился, посмотрел на меня. Сколько всего было в этом взгляде: отчаяние, ярость, боль, скорбь и в то же время – признание неизбежного. Наверное, тоже самое он прочитал и в моих глазах, потому что через секунду, стиснув до скрипа зубы, он с глухим подсердечным стоном достал две эфки, разогнул усики и вложил гранаты Вове в ладони, прижав его трясущимися пальцами рычаги. Взял парня двумя руками за виски, прижался лбом.

– Прости, Володя... – тихо проговорил он. – Ты – настоящий пожарный!

– Нормально, – прохрипел тот. – Бороде – привет...

Леший подобрал его автомат, толкнул меня в бок и побежал. Дятел был уже метрах в тридцати.

Я молча похлопал Вову по плечу, чувствуя подзабытое ощущение набухших в глазах слез, всмотрелся в грязное лицо, стараясь навсегда запомнить его черты, потом резко развернулся и побежал вслед за Лешим.

Бежали очень быстро. Откуда только силы взялись...

– Вон туда прыгаем! – прокричал Леха через плечо и нырнул за массивную гранитную тумбу, служившую основанием одного из кованых чугунных фонарей, расставленных по всей набережной. Прыгнули. Присели. Одновременно натянули потуже шлемы и выглянули из укрытия как раз в тот момент, когда Дятел настиг Володю.

Навсегда в моей памяти останется эта дикая, безобразно жестокая и абсурдная картина. Как тавро, которое раскаленным железом ставят на крупе лошадей, на сетчатке моих глаз выжгло образ пустынной сумеречной улицы, посреди которой, истекая кровью, лежит прибитый к асфальту огромным живым гвоздем человек, зажавший в обеих руках гранаты, а сзади на него накатывается дрожащая от нетерпения огромная мерзкая студенистая масса. Голова Вовы повернута в небо, в глазах застыло какое-то неземное, словно уже перешагнувшее за грань жизни, умиротворение, а на губах играет чуть заметная грустная улыбка. Не знаю, может быть в тот последний момент нашему другу открылась наверху не

серая, хмурая мгла, а бесконечный голубой океан, по которому величественно плыли белоснежные корабли облаков... Не знаю. Вряд ли, конечно. Но так хочется верить...

Дятел проглотил тело парня. Прямо вместе с Гвоздем, вырвав из асфальта длинный трехметровый стержень, как сорняк из грядки. Сквозь полупрозрачную кожу мы видели, как Вову буквально закрутило внутри, словно белье в стиральной машинке... А потом вместо него мелькнула череда ярких вспышек, приглушенно шарахнуло два раза почти слитно, а потом еще два. Видимо сдетонировали Вовины гранаты, которые он так и не достал.

На этот раз Дятла наконец-то проняло. Каплевидное туловище разорвала напополам кривая, расширяющаяся кверху, огненная трещина, и в небо метров на десять ударил фонтан слизи. Он бил и бил, секунд пять не меньше, заваливая все вокруг дымящимися желеобразными кусками. Они со смачными шлепками падали в радиусе полусотни метров от жерла новорожденного вулкана. Несколько попало и нас; пришлось сбивать с одежды эти горячие, мерзко пахнущие сгустки, так как они тут же начинали прожигать экипировку.

Наконец фонтан иссяк, и на месте, где только что находился так задолбавший нас Дятел, осталась только небольшая куча исходящей паром рваной и больше непрозрачной оболочки.

Все... Бобик сдох...

Мы тяжело привалились спинами к прохладному грани-

ту и молчали. Вокруг начинало темнеть. Надо было бежать в коробку, но сил не было. Ни физических, ни моральных. Вымотал нас Дятел. Хорошо вымотал... Если б не Вова...

– Красиво ушел Володя... Мужик. – Наконец тихо сказал Леший. – Я бы тоже так хотел. Не на зубах у какой-нибудь твари, не извиваясь под Гвоздем, а вот так – ярко, громко, зная, что победил...

Темно. Закрываю глаза, открываю – без разницы. Темно и тихо. Слышу только свое дыхание, иногда выдохи Лешего, сидящего рядом. Мы находимся в сыром и холодном подвале спортивного лицея, стоящего напротив высокого здания бывшего офиса Роснефти.

В нашей коробке. В одном из специально оборудованных в радиусе пешеходной доступности от Сарая небольших убежищ, где можно переждать ночное время. Здесь есть несколько банок тушеной говядины, пятилитровая бутылка с питьевой водой, вонючие влажные матрасы и, главное, тяжелая стальная дверь, запирающаяся изнутри. Снаружи заметить ее сложно. Она завалена всяким хламом, и только Леший знает, что и где надо отодвинуть, чтобы к ней пробраться. Помещение размером где-то шесть на шесть метров, дверной проем напротив входа заложен кирпичом. Это все, что я успел запомнить, когда мы второпях освещали фонарями внутренности коробки перед тем, как захлопнуть дверь и задвинуть ржавый засов. Торопились по понятным

причинам. Снаружи было уже темно, и на плечах висела целая стая разного зверья, осмелевшего после гибели грозного Дятла. Твари еще некоторое время не уходили, терлись около двери. Мы слышали их рычание, стоны, подвизгивание, толпа собралась приличная. Кто-то долго копошился в мусоре, один раз даже проскрежетало когтями по двери с отвратительным, пробирающим до мурашек звуком. Но вскоре все стихло. Местная молодежь, любящая гулять по ночам, поняла, что здесь ловить больше нечего, и удалилась искать других дебилов, вышедших на поверхность в это время суток.

Мы долго оттирали с лиц, рук, одежды кровь в свете фонариков. Потратили большую часть воды, но все равно были похожи на мясников. Потом устало привалились к стене и выключили фонари. Наступила темная тишина... Или тихая темнота, не знаю, как правильней.

Спать не хотелось. В голове все еще мелькали кадры последних секунд жизни Володи. На душе было хреново. Чувство какой-то всепоглощающей безысходности, казалось бы, давно запертое в самый дальний шкаф подсознания, снова нашло себе дорогу в мозг и теперь больно скребло по нему острыми когтями запретных мыслей. Наконец я не выдержал. Тихо спросил:

- Как думаешь, может он вернулся?
- Куда? – после долгой паузы спросил Леший.
- Ну, туда... Домой, в тот мир...

Тишина. Через некоторое время послышался звук разры-

ваемого картона, а потом ритмичные металлические щелчки. Леший снаряжал магазин.

Вообще, мы этой теме старались не касаться. Было такое негласное правило. Изменить ничего нельзя, так и незачем рассуждать, предполагать, гадать... Но сейчас меня вдруг проперло, поэтому, так и не дождавшись ответа, я продолжил:

– Может это все вокруг не то, что мы каждый по-своему думаем? Не наказание за грехи... Никакой не параллельный мир или альтернативная реальность... Не кома, в которой мы все лежим, гадим под себя и бредим... Не чей-то глобальный эксперимент... Никакая не сраная матрица! Даже не ад и не преддверие ада, а наоборот – преддверие Жизни? Не жизнь после смерти, а смерть перед жизнью? Может надо заслужить возвращение?

– Куда? – снова спросил Леший. – В свой мир?

– Ну да!

– А есть ли он, вообще, тот мир, Егор? Вот, что значат для тебя слова "Мой мир"?

– Как, что значат?! Мир, в котором я родился и вырос, где у меня была работа и семья, где светило солнце и росла трава. Мир, где не было этого бессмысленного, жестокого абсурда и зубастых мутантов... Где, все, блядь, было правильно!

– А почему ты уверен, что там было правильно, а здесь нет? Кто тебе это сказал? – он со щелчком вставил магазин

на место, начал снаряжать следующий. – Я вот, последнее время не верю в реальность своих воспоминаний. Может и не было никакого солнца и травы? Может всегда было вот это? – даже в темноте я почувствовал, как Леха провел в пространстве рукой. – Есть вот стена, автомат у меня в руках, пидоры эти снаружи. Все это можно увидеть и потрогать. А тот мир, он только в голове, как книжка, которую ты прочитал и запомнил. Ты в книге можешь оказаться? Нет! И я нет! Так что, не хрен опять лохматить бабушку, живи здесь и сейчас по местным законам, а про все остальное мало просто не вспоминать, а нужно поверить, как я поверил, что его попросту не существует и никогда не существовало... А все, что мы помним, нам тупо подкинули в голову. Типа, как ложные воспоминания...

– Кто, Лех? – ошарашенно спросил я. – Кто подкинул?

– А кто наполняет полки в магазинах? – тоже заводясь, с жаром спросил Леший. – Кто дома перемещает, кто тебе электричество и воду в Сарай подает? Уроды или Волосатые? Хрена! Есть определенная, четкая логика, просто мы в ней до конца не разобрались. Есть кто-то там, не знаю, наверху, внизу, справа, слева... Есть! Контролируется весь этот цирк, не может оно так само по себе все происходить. Не знаю – программа это, боги, инопланетяне, шумеры... Знаю только, что кто-то есть. И только этот Кто-то сможет тебе рассказать, что происходит на самом деле... Если захочет, конечно... – он перевел дух. – Насчет того, твоего, мира

я могу, конечно, ошибаться, может и есть все-таки он, или был, каждый верит в то, что хочет, но про то, что здесь – я тебе говорю точно! Никакой это не бред, а полноценный реальный мир со своими законами и догматами. И раз уж мы про это все заговорили, могу подкинуть тебе немного фактов, так сказать пищи для размышлений.

– Сделай милость, – пробурчал я.

– Ты, бля, слушай, не ерничай! Я тебе раньше про это не говорил, думал опять дергаться станешь... Так что, – цени!..

Он помолчал, потом выдал:

– Во-первых, – мы не стареем.

– Как это? – не понял я.

– А вот так! Ты здесь сколько, год примерно?

– Больше даже...

– Все равно мало, чтоб почувствовать, – продолжал он, – А я – четыре. Борода – семь, а Сашок покойный, когда кони двинул, двенадцатый год здесь проводил. Так вот, он говорил, что в зеркало на себя смотрит и видит ту же рожу, что и раньше. Ну шрамы, конечно, появились, лицо осунулось, но ни морщин, ни седых волос, никаких признаков, что двенадцать лет прошло. Да и по физическим ощущениям, сила, выносливость – все осталось. И Борода подтверждает, что за те годы, что он Сашка знал, тот не изменился ни капли. Командир, кстати, и сам про себя тоже самое говорил. Типа такой же бычара, как был, никакой одышки и простатита... Я вот тоже никаких ухудшений по физике у себя не заметил.

И в зеркале – такой же красавец...

Я молчал, переваривая услышанное.

– Теперь – второе. – голос Лешего в темноте звучал как-то особо торжественно. – Последний год, который ты помнишь там, в своем мире?

– Две тысячи шестнадцатый, – не понимая к чему он клонит, ответил я.

– А теперь, прикинь, – и я тоже. И Борода, и Валуев, и Бабушка, и Светик, и Серега с дядей Мишей, мир их праху, все – из две тысячи шестнадцатого года. Хотя местный стаж у всех разный.

– Ни хрена себе! А почему мне не сказали?

– А мы с Бородой никому не говорили. Просто спрашивали год у новичка, потом важно кивали и все. Зачем вопросы плодить. Тут их итак завались, вопросов этих...

– То есть получается, время здесь и там по-разному идет? – спросил я.

– Блин, Егор! Опять ты со своим "там"! Ты выслушай сначала все до конца, потом будешь выводы делать... Если получится... – усмехнулся Леший. – Короче, большинство людей, которых я знаю или знал, – попали сюда, а точнее помнят, что попали, из шестнадцатого года. Так сказать, наши современники. А Сашок, например, говорил про две тысячи четвертый. И все, с кем он здесь пересекался еще до нас, которые в большинстве уже померли или пропали, тоже были оттуда. А совсем старые из тех, ну это уже чисто со слов

Сашка, ну и еще пары пердунов на Рынке, знали старичков из тысяча девятьсот девяносто второго...

– Двенадцать лет... – подсчитал я.

– Именно! – увлеченно подхватил Леха. – Как в армии призыв, духи, слоны, деды и дембеля! Только не каждые полгода, а каждые двенадцать лет. И не одновременно все прибывают, а как-то распределяются по этим двенадцати годам. Дальше – сложнее. Про восьмидесятый или шестьдесят восьмой я ни от кого не слышал. Нету, к сожалению, таких, кто мог бы точно подтвердить, что мол, да, так всегда было. Не доживают просто. Мало у нас долгожителей...

– То есть, ты предполагаешь, что в этом мире... – опять начал подытоживать я.

– Да ничего я не предполагаю! – перебил меня Леший. – Я с тобой делюсь исключительно своими наблюдениями, основанными на реальных фактах. На том, что я сам видел и слышал за время, здесь проведенное. Ты пока не думай глобально про весь мир. Мы же дальше чем на шесть-семь километров от Сарая и не уходили никогда, вот и попробуй ограничить этот свой мир таким радиусом. Мы не знаем, что происходит за Городом. Мы даже про соседние районы мало, что знаем. Да, приходят на Рынок оттуда люди очень редко, рассказывают, что есть там у них свои рынки, свои кланы, свои Уроды. Вообще, иногда такое расскажут – волосы дыбом, наши места после этого раем кажутся. Но все это на уровне слухов, не более. Я же пытаюсь выстроить устойчивую ло-

гическую схему, которая опирается на конкретные факты, почерпнутые из исследованного непосредственно нами пространства. Бля, щас язык сломаю!

Судя по звукам, доносящимся из темноты, Леший приложился к баклажке и начал жадно пить. Я молча сидел, ожидая продолжения лекции.

– А теперь самое главное. – громко рыгнув, наконец продолжил он. – Только это – чисто между нами. Хотя, может ты и сам давно догадался... Итак – по порядку. Помнишь спайдермэна в носках?

– Да...

– Дядю Мишу?

– Ну?.. Я так понял, его кто-то укусил. Он ведь в Урода превращался?

– В него самого. Только я думаю, что никто его не кусал... А еще я видел одного зверька с татуировками на плечах, а у другого был проколот пупок, причем висюлька в нем еще была. Золотая, типа ангелочка. Бабская, короче... Да на каждом из них, если хорошо поискать, можно найти доказательства. Только мы же обычно не ищем, а в капусту крошим... Да, если Горгуля цапнет – тут без вариантов, в кого-нибудь превратишься. Но не всех же она покусала? Я сейчас говорю не про Трассера, Гвоздя, змею эту в Реке, не про Дятла того же, не про остальные явления, которые каждый месяц новые объявляются. Может – они физические или какие-нибудь еще законы этого мира. Или формулы, или боги, хрен

поймешь... Но все человекоподобные, типа Волосатых, Уродов, Горгулий и так далее – они точно людьми были. Теми, из прошлых двенадцатилетних призывов, которых не съели, а которые сами пропали... А есть и совсем свежие, типа дяди Миши.

Нельзя сказать, что я не догадывался, но верить не хотелось...

– А Борода знает? – не придумав ничего лучше, спросил я.

– Борода?.. – он усмехнулся – А ты видел когда-нибудь его руки?

– Ну да... В перчатках все время.

– Нет, Егорка! Без перчаток видел ты его руки? Кисти, пальцы, ногти? Нет? А я видел...

Я ошарашенно потер затылок. Потом включил фонарь и стал изучать свои руки. Да нет – вроде обычные. Пока...

– А зачем тогда в карантин сажать? Если он знает, что в любой момент тот же Бабушка или я, например, можем в обезьяну превратиться, то зачем этот цирк? Тем более, если он сам...

– Да чтоб спокойней всем было. Меньше знаешь крепче спишь. Про Бороду знаю только я. Ну может Светка еще, хотя вряд ли. Она его на километр бы к себе не подпустила... Вот теперь и ты в курсе... Он ведь давно меняться начал. Началось с рук. Потом зубы... Но больше всего, по его словам, изменений в сознании, в восприятии мира. Он недавно мне сказал, что совсем тяжело контролировать все это стало.

Ты, говорит, если почувешь, что не то, застрели меня на хрен, пожалуйста. Где-нибудь на поверхности. А всем скажи, что зверье порвало...

– Значит, мы все... – начал я.

– Все. – сказал Леший. – Все мы станем ими... Если не убьют, конечно. Это обратная сторона нашего бессмертия. Кто-то быстро, как дядя Миша. Кто-то медленно, как Борода. Но вывод напрашивается один. Очень-очень неприятный. Зверьки все эти не из неведомых пространств к нам лезут, а из нас самих...

У меня в голове все перемешалось. Слишком много вывалил на меня Леший. Нельзя так...

– Ну что, не закипели мозги еще? – он включил фонарь и направил луч мне в лицо.

– Выкипели, на хрен, – ответил я, щурясь от яркого света. – Выруби, хорош!..

– Ну, значит место освободилось, -удовлетворенно сказал Леха, выключил фонарь и продолжил. – А теперь послушай мои, повторяю, исключительно мои, скромные выводы. Они тебе толком ничего не прояснят, но могут послужить, так сказать, списком литературы для будущей диссертации. Это ты ведь хочешь все узнать и понять, а не я. Мне, в принципе, итак хорошо. Я привык. Мне здесь даже нравится. Я там, в "твоем" мире, когда со службы вернулся, пил по-черному. Смысла в жизни не видел... А тут и смысл есть – жопу свою беречь каждый день, и, вообще, не скучно, а очень даже ин-

интересно...

– Ну и каковы твои выводы, Сократ гребанный? – перебил его я.

– Вобщем, смотри! Существует некое пространство, ограниченное с Запада, в старом понимании сторон света, Рекой, которую нельзя пересечь и противоположного берега которой не видно. Может и нет его больше, океан теперь у нас тут. С Юга это пространство отсечено еще одной рекой – поменьше. Два других направления вроде бы доступны для движения, но пути туда нами пока не проложены по понятным причинам, поэтому по умолчанию проводим границы и там. Сверху небо. Всегда низкое, серое и непроглядное. Солнце, луну, звезды – никто никогда не видел. Природных явлений, типа дождя, снега, града нет. Смены времен года тоже нет, вечный Октябрь. Все это уже ставит под сомнения известные нам с детства постулаты естествознания и астрономии.

Пространство заполнено Городом. Городом, в котором мы все жили или думаем, что жили. В этом городе не ездят машины, потому что в них нет бензина, нету животных, типа собак, кошек, и прочих птиц, а также отсутствует всякая растительность, вроде деревьев, кустов и травы. Есть, конечно их жалкие остатки, но все сухое и увядшее. То есть, такой город можно красиво назвать Мертвым.

– Можно назвать его городом без времени. Ничего не движется, не растет и не живет. – вставил я. – Кроме нас... Но

мы, оказывается, не стареем. А время, по сути, это – изменение материи.

– Ну, в принципе, ты прав, однако время все-таки есть. Только оно искусственное. Мы можем отсчитывать его по загадочным сменам дня и ночи и периодам, которые, заметь, раньше приходили через каждые двенадцать дней. Дальше. С определенной периодичностью в этом нашем пространстве появляются новые люди. Никаких детей, никаких древних стариков. Эти люди обладают багажом знаний, навыков и воспоминаний, привязанных к определенному периоду жизни в "нормальном" мире. Свой это багаж или кем-то подкинутый – спорить не будем. Мы перечисляем только проверенные факты. Как они сюда попали, они не знают, что этому предшествовало не помнят. Помнят только год перехода. Тут наблюдается интересная взаимосвязь между мирами. Все, попавшие сюда в течении местных искусственных двенадцати лет, помнят один и тот же год в том мире, например, две тысячи четвертый, а те, кто оказался здесь раньше или позже этого периода, помнят – другой, на двенадцать "нормальных" лет раньше или позже, то есть девяносто второй или шестнадцатый, соответственно... Не запутался еще?

– Да нет, все понятно пока, – ответил я. – Слушай, Лех, а ты точно в спецназе служил?

– Ну да, а что? – удивился он.

– Как препод на лекции шпаришь...

– Начитанный я. Да и здесь как-то поумнел неожиданно...

– буркнул он. – Ты дальше будешь слушать?

– Давай, давай. Это я так...

– Короче, о чем я? Блин, Егор, ты меня сбил... А вот! Эти люди, то есть мы, живут обособленными, строго фиксированными по количеству, группами в убежищах, куда подается электроэнергия и питьевая вода. Это тоже факт. Откуда и кем подается, мы не знаем, поэтому про это молчим. Около убежищ присутствуют точки, где каждые двенадцать дней появляются продукты. Откуда – тоже молчим. То есть, созданы искусственные условия для нашей жизни, как для рыб в аквариуме. Сюда только не вписываются изменения пространства, сопровождающие появление еды.

– Так в том, "нормальном" мире, в который ты не веришь, время-то идет. Город меняется. Дома сносят, строят, дороги прокладывают. А периоды постепенно подгоняют здешнее пространство под то. – предположил я.

Леший помолчал, подумал.

– Спорный вопрос. – сказал он потом. – Пароход на трубах ГРЭС и цирк как-то не похожи на новые тенденции в архитектуре...

– Ну да. – согласился я, заодно вспомнив и площадь Фрунзе, и телецентр, и остальное местное безобразие.

– Теперь про кадавров. Их два типа. Первый – это те, в кого постепенно превращаются люди. Уроды, Волосатые и прочие. Второй – совсем уж непонятные существа и явления. С уверенностью можно обсуждать только первых. Так вот,

они нас не жрут, а просто тупо мочат. Если бы они реально питались только нами, то или мы бы быстро кончились, или они с голоду бы сдохли. Кто-то постоянно поддерживает некий баланс. Своеобразную расстановку фигур на карте. Если кого-то из нас порвали – появляется новичок, если много новичков, а съеденных мало, происходит мгновенная мутация нормального здорового мужика в зубастую облезлую тварь. Силы уравновешены, игра продолжается. Если взять более длительный период, то люди, научившиеся выживать и успешно мочить врагов, все-равно начинают меняться, только медленно, в течение нескольких лет.

Вот и весь расклад. Вся схема функционирования этого нашего пространства, отработанная годами. Просто, находясь в подвале и постоянно выживая, очень сложно мыслить глобально, разобраться, что почем. Мои главные тезисы таковы: есть неведомые нам режиссеры и корректировщики, не знаю, кто – люди, инопланетяне, суперкомпьютер... И есть число двенадцать, вокруг которого слишком много всего завязано, чтобы считать это случайностью. Вот, как-то так....

Да уж. Информации море, а толку от нее... Как были загадки, так и остались. Только еще сложнее стали.

– Значит я теперь – типа эльф? – с усмешкой спросил я.

– Кто? – не понял Леший.

– А говоришь начитанный... В книжках были такие чуваки, которые не старели и не умирали. Если, конечно их спе-

циально не убить. Ну, такие, с острыми ушами и с луками.

– Нет, ты теперь, скорее, как Кобзон. Бессмертный навсегда, но со временем все страшнее и страшнее. А, и еще забыл про что сказать...

– Стоп! – перебил я его, вдруг вспомнив нашего командира. – Если Борода в Урода превращается, то может он Сарай сегодня специально рванул? Мы пока с Дятлом разбираемся, он там наших всех рвет на ленточки для бескозырок?

– Да нет. – отмахнулся Леший. – Ему долго еще... Наверное... А нас он кинул, не потому, что задницу свою спасал, а потому что – командир. На нем ответственность за всех. Вот он и распределил приоритеты. Какая разница – втроем с Дятлом воевать, или вчетвером? А вот если бы он с нами остался, а потом нас бы всех скушали, кто об остальных позаботится? Там же только Чапай более-менее серьезный боец остался, а остальные, как дети, тот же Валуев, что он без руки может-то? Вот Борода и разыграл гамбит. Выбрал потенциальную потерю меньшего ради спасения большего. Стремно, конечно. Я бы, наверное, так не смог, но я, собственно, и не вождь...

– Ясно. – ответил я. – Все равно, он – козел! Ты что-то там еще хотел мне поведать, но я по ходу уже догадался, что именно.

– Ну-ка, ну-ка, Егорка! Удиви дядю Лешу!

– Вся эта красивая схема, которую ты только что мне написал, сейчас не работает. То есть работает, но уже по-дру-

гому. В том году, когда периоды чуть ли не каждый день приходили, а потом пропали на два месяца, – это же явно сюда не вписывается? А теперь у нас периоды удлинились, приходят раз в месяц, что, надо признать, конечно тоже подтверждает важность твоего загадочного числа двенадцать, но жратвы почти нет, зверье умнеет с каждым днем, Дятлы всякие повылазили, Город целыми кварталами лихорадит, – все поменялось. Причем, явно в худшую для нас сторону. Видимо это был или какой-то сбой в программе, глюк, я не знаю, или, второй вариант, – этот неведомый Большой Брат, который тут фигуры по доске двигает, решил усложнить условия игры. Рыбкам в аквариуме кислород убавил и кормить реже стал. Да еще и хищников запускает, гондон...

– В точку, Егор! – радостно сказал Леший. – Молодца! Прямо с языка снял, один в один.

– Ну и что дальше?

– Что дальше? – переспросил он.

– Ну, какие выводы?

– Да никаких... Дальше – спать ложись, я первый дежурю.

– Как никаких? – охренел я. – Ты меня тут полчаса таким компроматом грузил, а теперь спать ложись?

– А я тупо не знаю, почему так произошло. Могу, как ты, только предполагать. А мне нужны факты. Без фактов и говорить не о чем... Давай спи, нам завтра до Сарая еще пилить. Я тебя в три разбуду, сменишь...

Тихо матерясь, я включил фонарь, добрал до грязного

матраса, улегся на него и, как ни странно тут же уснул. Видимо, процессор совсем перегрелся... Спал, как младенец. Снов не видел. Впрочем, с тех пор, как я здесь оказался, я их вообще ни разу не видел. Не снятся в этом мире людям сны. Еще одна загадка...

– Это что за твою мать?! – потрясенно спросил Леший.

– Не знаю, – ответил я. – Ты у нас книги читаешь и с фактами работаешь... Вот и скажи...

Пятнадцать минут назад я растолкал его, мирно посапывающего в углу нашего временного убежища, и мы, наскоро позавтракав, подтянули ремни, завязали шнурки, проверили оружие и очень тихо открыли дверь наружу. Осторожно пролезли через баррикады хлама, огляделись и выпали в осадок. С добрым утром, блин! Никакого офисника Роснефти перед нами не оказалось. Отсутствовала также набережная и текущая за ней Река. Вместо них перед нами раскинулся прямоугольный двор, ограниченный с трех сторон невзрачными пятиэтажными хрущевками, а с четвертой – зданием спортивного лица, в подвале которого мы ночевали. Вдоль домов стояли покрытые толстым слоем пыли машины, а посередине двора располагалась большая детская площадка, окруженная несколькими деревьями. Не знаю, что за дети играли на этой площадке и какого они были размера. Явно больше среднего. И явно психически неуравновешенные. Качели несколько раз обвернуты вокруг стоек, высокая ме-

таллическая горка изогнута в трамплин, а карусель выдрана из земли и стоит на ребре. Нормальным мог бы выглядеть только грибок песочницы, если бы он не был под углом воткнут в корму деревянного корабля, являющегося композиционным центром всей площадки. С деревьями тоже было не все в порядке. Это явно были характерные для нашей полосы осины, только очень-очень большие. Диаметр стволов у основания – метра четыре, в высоту – с двенадцатиэтажный дом, а голые кривые ветви плотно опутаны то ли волосами, то ли паутиной, создавая некое подобие огромной серой кроны. Из этой кроны в разных местах свисали какие-то куколки или коконы, размером с меня, обмотанные той же гадостью. Коконны эти периодически неприятно пошевеливались, как будто что-то внутри очень хотело из них вылезти. Наверное, бабочки... Кто ж еще?..

– Я так полагаю, что изящную фасадную линию Речного проспекта в данный момент портит некая хрущевка, появившаяся там этой ночью вместо лица. – сказал я.

– И я. – подтвердил Леший. – И я того же мнения... Ночью был период.

– Да ладно? – съязвил я.

– И куда же нас занесло? А, Егорка? Узнаешь местность?

– Нет пока. Надо пройтись, осмотреться. Причем, побыстрей, меня эти вот деревья как-то пугают...

– Мы, вообще, в нашем Городе?

– Номера машин глянь...

– Точняк! – Леший подошел к пыльному ниссану, протер номер. – Бля, сто шестнадцатый! Татарстан, прикинь, Егор? Ни хрена себе! Как так?

– Другие надо проверить, – сказал я.

К счастью, еще четыре машины, осмотренные нами, оказались местными, с нашим родным кодом региона. Ну ладно хоть не в Казани...

Мы медленно, постоянно озираясь по сторонам, обошли лицей по часовой стрелке и оказались на незнакомой улице. Две полосы в одну сторону, две – в другую. Между ними – широкая, метров тридцать, разделительная, представляющая собой пешеходный бульвар. По центру вымощена плиткой, стоят лавочки, фонари, а по краям, ближе к проезжей части, с обеих сторон – засохший газон, из которого торчат, такие же, как и во дворе, великанские осины. Старые пятиэтажки ограничивают улицу ровной линией фасадов и уходят вправо и влево в туманную бесконечность. При чем выглядят они совсем уж игрушечными на фоне гипертрофированных деревьев. Стоят вдоль тротуаров машины, газели, напротив застыл троллейбус. Вокруг ни души. Ни живой, ни мертвой. Ватная тишина и неподвижность. Лишь иногда сверху доносится тихое шуршание, издаваемое висящими здесь в еще большем количестве серыми коконами.

Как-то уж совсем все безжизненно и мрачно. У нас в районе Сарая все-таки простора побольше. Река опять же рядом... А тут аж давит... Хочется залезть обратно в коробку

и сидеть там. Страшно, блин. Давно мне страшно не было, а тут прямо заколбасило. Выработанное за месяцы чутье на опасность орало в голове неумолкаемой сиреной.

Я посмотрел на Леху. Ему тоже явно было не по себе. Он вообще рассматривал окрестности через прицел автомата. Глаза прищурены, губы сжаты в тонкую линию, весь, как туго натянутый нерв. Ну уж если Лешего так проняло, значит мотать надо отсюда без оглядки.

– Что-то я не вкуриваю, где мы. – процедил он сквозь зубы.

– Я тоже пока не врубаюсь, – ответил я. – Вроде улица знакомая, а вроде и нет...

На домах – только номера, названий нет. Надо пройтись к ближайшему перекрестку... Стоп! Функция геопозиционирования наконец включилась в скованном ирреальным страхом мозге. Это все из-за деревьев. Так бы сразу узнал. Пропект Сталелитейщиков. Блин, вот занесло, так занесло. Я в той жизни здесь бывать не любил, а уж в этой...

Жилой район, возникший в пятидесятые года прошлого века вокруг сталелитейного завода, всегда славился местной гопотой. Кстати, покойный дядя Миша был как раз отсюда. Единственной причиной, почему народ из остальных, более благополучных, районов Города иногда посещал этот, был стадион Сталелитейщик. Из всех стадионов в Городе именно он более-менее соответствовал требованиям футбольной Премьер лиги и являлся домашней ареной нашей местной

команды. В юности каждый год с весны по осень мы с друзьями раз в две недели приезжали сюда и пьянствовали перед матчами как раз в этих старых дворах. А потом шли на стадион, находящийся метрах в трехстах отсюда. Потом, когда мой интерес к футболу сошел на нет по причине хронической депрессии и алкоголизма, я здесь почти не бывал. Поэтому сейчас так долго не мог идентифицировать окружающее пространство. Леший же футбольным фанатом никогда не являлся и жил где-то в районе Поляны Карбышева, поэтому вполне мог на этом проспекте никогда и не появляться.

– Пипец... – со стоном протянул я.

– Что, пипец? – вскинулся Леший, – Узнал?

– Алексей, – торжественно обратился я к нему, – Спешу вас обрадовать. Мы находимся примерно в пятнадцати километрах от Сарая, это если по прямой, на знаменитом проспекте Сталелитейщиков. Короче, мы охренительно вперлись. По самое не хочу...

– Твою мать! – с чувством выругался он и со всей дури пнул ржавую урну, стоявшую рядом. Да уж, нервы, нервы...

Урна сорвалась с креплений и со страшным скрежетом покатила по асфальту. Звук разнесся далеко в обе стороны по проспекту, потом несколько раз вернулся эхом. Мы аж присели. Шуршание над головой заметно усилилось. По всей видимости, те, кто жил в коконах спали очень чутко.

– Блин, не думал, что так громко получится. – пробормотал Леший. – Давит что-то, прямо физически ощущаю. Как

будто пялится на нас тварь какая злобная, а направление не могу определить.

– Что делать-то будем? – спросил я.

– Что делать? Домой валить! Лучше бегом, если получится. – ответил Леший, а потом принялся рассуждать вслух. – Сейчас еще рано, зверья вокруг мало. Надо по максимуму до обеда расстояние покрыть, только без фанатизма, по сторонам смотреть в оба. За день по любому не дойдем, не дадут. Даже по самому оптимистичному прогнозу стрелять придется и немало. Места неизвестные, хрен знает, какие тут сюрпризы живут. После обеда двигаемся осторожней, ищем нормальный подвал. Если не находим... – он помолчал, – Впрочем, подвал найти надо – кровь из носу! На улице или в квартирах ночевать – не вариант. Находим подвал, спим, и завтра, с утра не срамши, дальше бегом. Может к вечеру и доберемся хотя бы до первой нашей коробки. Хотя, сомневаюсь я что-то. Терзают меня смутные сомнения, что нас уже пасут. Причем не кадавры, а человеки. И человеки довольно злобные.

– Не фиг урну было пинать. – сказал я. – Можно было просто хором крикнуть: "Эй, гопота, выходи! Мы здесь!" И пострелять еще в воздух для верности.

– Хорош, ржать, Егорка! Пошли уже, а то стоим тут, как два тополя на Плющихе. Направление давай, ты здесь лучше все знаешь.

– Три, – сказал я.

– Чего три? – не понял Леший.

– Тополя...

– А-а. – ему явно было не до шуток. – Только, по возможности, улицами, не дворами, идти надо.

– Все равно сейчас придется срезать через дворы до Юных Комсомольцев. – я начал прикидывать маршрут. – Если по проспекту идти – крюк большой получится. Туда выйдем и рванем по прямой до Красной Армии, а там по ситуации...

Мы пересекли проспект, зашли во двор, похожий как две капли воды на первый. Тот же прямоугольник из хрущевок, детская площадка, на этот раз целая, и эти гребаные деревья, сомкнувшиеся высоко над головой в почти непроницаемый, сизый потолок, из которого то тут, то там свисали коконы. Шли быстро, стараясь держаться ровно посередине между кирпичными стенами домов и толстенными стволами. Ощущение давящего взгляда в спину не пропадало, как и появившееся вдруг невнятное предчувствие беды. Прицел автомата скользит по оконным проемам, балконам, карнизам. Кажется, что везде: за пыльными стеклами окон, за потрескавшимися кирпичными стенами, за приоткрытыми дверями подъездов, вверху, среди немыслимо переплетенных черных ветвей, затаилось Зло. Древнее, первобытное, абсолютно чуждое человеку. Эманации всепоглощающей ненависти и угрозы почти физически ощущаются в тяжелом неподвижном воздухе. Как же тут люди-то живут? Так же с ума сойти можно за день. Может тут и не живут...

– У тебя как с патронами? – на ходу спросил Леший, ни на миг не опускавший автомат от плеча.

– Почти два магазина и еще три коробки, – ответил я. – Две гранаты.

– Такая же херня, кроме гранат, – сказал он. – Еще в Воином калаше магазин полный. Блин, все равно мало на такой маршрут. Очень мало... Постреляли вчера по Дятлу...

Двор остался позади. Перед нами оказался следующий, последний, – за ним должен находиться парк 60-летия Октября и, немного правее, стадион. Интересно посмотреть, что сделали с этим огромным, большей частью металлическим, сооружением здешние шутники. Может отремонтировали наконец?

Снова хрущевки, снова эти отвратительные баобабы, посередине двора – двухэтажный детский сад. Краем глаза заметил движение в пустом проеме второго этажа. Повернулся, вскинул ствол. Показалось?

– Ты видел? – останавливаясь, хрипло спросил Леший.

– Вроде в садике на втором мелькнуло что-то, – ответил я.

– Лицо там мелькнуло. Белое, с темными пятнами вместо глаз, – голос Лехи было не узнать. Я еще ни разу не видел, чтобы ему было так страшно. – Пошли быстрее, а то сейчас прямо тут кирпичей наложу! Что за место дурное, епта! Лучше бы уж прыгнул кто-нибудь...

Наконец, пройдя через невысокую арку, мы оказались перед парком.

Да-а. Что же за Мичурин-то здесь обитает?

Когда-то это был небольшой, ухоженный прямоугольник зелени посреди плотной городской застройки. Тропинки, лавочки, площадки, а посередине – искусственный овальный водоем, в котором жили утки и лебеди.

А теперь... Среди исполинских стволов, стоящих почти вплотную друг к другу, вроде бы можно было еще различить бывшие березы, дубы, клены, те же осины, но на высоте тридцати метров весь этот гербарий переплетался в плотную темную массу, которая, словно шляпка огромного гриба свисала во все стороны по периметру парка. И вся эта красота, как новогодняя елка игрушками, была украшена коконами, медленно извивающимися на разной высоте. До некоторых можно было достать рукой.

– Надо залезть повыше, оглядеться. Блин, куда тут лезть-то? Не на деревья же эти? Давай-ка, вон туда к киоску, – Леший указал в сторону покосившейся Роспечати. – Хоть оттуда осмотримся...

Мы подбежали к витрине, Леший полез на крышу, а я остался внизу у маленького окошка. Пробежал взглядом по полкам. Журналы, газеты, батарейки, канцтовары, все как обычно. Только все печатные издания датированы июлем две тысячи четвертого. Ну да. Двенадцать лет...

Пока Леха устраивался с биноклем на скрипящем профлисте, я внимательно огляделся вокруг.

Налево, вдоль разросшегося парка, уходила узкая улица

Елисейская. Я узнал ее по ряду двенадцатиэтажек, построенных в форме раскрытой книжки, проглядывающих из-за деревьев. По всей улице насколько хватает взгляда разбросаны тут и там небольшие куски пластика. Синие, зеленые и белые. Приглядевшись к тем, что поближе, я понял, что это разломанные сидения со стадиона. Посмотрел направо. Тоже самое. Кто ж так футбол то не любит? Сам стадион почти не видно. Торчит из-за домов только верхняя половина восточной трибуны. Вроде такой же, каким я его помню. Металлические косоугольные фермы поддерживают железобетонную гребенку зрительских рядов. Только сидений нет. Сиденья все здесь теперь валяются. Зато четыре высокие мачты освещения, стоявшие по углам, аккуратно закручены в вытянутые вертикальные спирали, похожие на модели молекулы ДНК, которые нам показывали в школе. Только вместо разноцветных шариков, имитирующих нуклеотиды, ярко светят фонари. Вот так. Не только лифты еще работают, но и освещение спортивных объектов. Ночью, наверное, красиво смотрится...

От нечего делать, осторожно толкнул створку окошка киоска внутрь, заглянул и тут же отпрянул, машинально скидывая автомат. Жесть! В киоске, за столом, на пыльном вращающемся стуле в очень естественной позе сидел человеческий скелет. На улыбающемся черепе очки в роговой оправе, клочки длинных волос, на плечах истлевшая дырявая шерстяная кофта. Ужас какой! Какая на хрен логика, о которой

мне всю ночь талдычил Леший? Бред на бреде...

Как торговля, бабуль? Мурзилка новый есть уже?.. Тфу! Пошутил, аж самому тошно стало...

– Ты что там плюешься? – спросил сверху Леха. – Давай лезь сюда, посмотришь... Я что-то не пойму ничего.

Я начал карабкаться по раме, стараясь не разбить витрины тяжелым носком берца. Встал коленями на заметно прогнувшийся профнастил и пополз к Лешему, лежащему с биноклем на другом краю крыши.

– Ближко не подползай, провалимся, – сказал он через плечо, не отрывая глаз от окуляров.

Смотрел он в сторону стадиона, который отсюда было видно немного лучше. Показался верх западной трибуны, а треугольный торец восточной открылся еще больше. И там, на этой трибуне, за боковым ограждением явно наблюдалось какое-то движение, которое я не увидел с уровня земли.

– Ныкается там кто-то, не могу углядеть. На, ты попробуй, – он протянул бинокль.

Я попробовал. Трибуна стремительно приблизилась. Хорошая все-таки у нас оптика! Действительно, над самым краем торцевого ограждения чуть-чуть торчала чья-то лысая голова. То, что это голова, я понял, потому что она двигалась вниз, как будто кто-то спускался на поле. Вот она исчезла из виду. Секунд через двадцать появилась снова, на этот раз направляясь вверх. Добравшись до самого края, застыла, потом опустилась за ограждение. Тут снизу показалась еще од-

на макушка, тоже лысая, еле-еле торчащая, видимо обладатель головы был меньше ростом.

Я повернул бинокль обратно к первой лысине и чуть не выронил его из рук. На парапете верхнего яруса стоял во весь рост здоровенный, высокий мужик со снайперской винтовкой в руках и смотрел через прицел прямо в нашу сторону. Одежда на нем была явно из того же ведомства, что и наша. Экипирован по полной. Все как надо, разгрузка, подсумки, боевые перчатки. Он опустил винтовку, посмотрел вниз, что-то сказал и снова поднял лицо. Меня прошиб холодный пот... Лицом это назвать было сложно. С такого расстояния все подробности было не разглядеть, но мне хватило... Бледное, синюшное, с глубоко запавшими глазами, проваленной дырой носа, и мощными, выдающимися вперед челюстями. Страшное, как ядерная война. И тут как будто чья-то огромная ледяная рука схватила меня за затылок и крепко сжала голову, не давая повернуться и пошевелиться. Тварь смотрела прямо на меня. Даже через линзы бинокля я почувствовал, пронзивший меня полный злобы взгляд. Урод вскинул винтовку и припал к прицелу. На миг мне даже показалось, что я вижу в круглом выпуклом окошке сверкающий красным огнем зрачок.

– Валим отсюда, – прошептал я Лешему, который тоже все видел, но без бинокля не мог прочувствовать, то что испытал я. Забив на конспирацию, мы вскочили, повернулись спиной к стадиону и, каждую секунду ожидая выстрела, спрыгнули

вниз, с другой стороны киоска. Сели, прижавшись спинами к грязному пластику, и застыли.

– У мужика этого, что снайперка в руках была? – спросил Леший.

– Да, что-то типа СВД, – ответил я, – Только это не мужик.

– А кто? Баба чтоли с такими плечищами?

– Да это вообще не человек!

– В смысле?

– Не знаю. Вроде Урод...

Леший посмотрел на меня, как на дебила:

– Урод в форме спецназа и со снайперской винтовкой?

– Ну не совсем, – я не мог подобрать слова. – Что-то среднее между человеком и Уродом...

– Понятно. – протянул Леха. – Уродо сапиенс. Дожили... Эволюция, бля. А ты мне не верил...

Минуты две прошли в напряженной тишине. Мы сидели за киоском и не знали, что делать. Вообще, конечно, Роспечатать – укрытие никакое. Пуля из СВД с такой смешной дистанции прошьет его насквозь на раз два. Но пока выбирать не приходилось.

Наконец Леший лег на землю, подполз к краю киоска и быстро выглянул из-за угла. Затем выглянул еще раз, уже с биноклем. Смотрел долго.

– Вроде никого. – пробормотал он. – Ушли куда-то.

Я подумал, что тот некрасивый парень и его друзья вполне могли успеть сменить позицию и сейчас выцеливать нас

с какой-нибудь другой точки. Но Леха был спокоен, так что и я чуть-чуть расслабился. Перестал каждую секунду ждать крупнокалиберной пули в висок. Опыта огневого боя в условиях городской застройки моему другу было не занимать, так что в этом вопросе я решил полностью довериться его чутью.

– Ну, куда бежать? – спросил он.

– Вот по этой улице, – я показал на ряд уходящих вдаль двенадцатиэтажек. – Как можно дальше и как можно быстрее, я думаю.

– Тут спорить не буду, – согласился Леший, опять прижав бинокль к глазам и внимательно изучая предстоящий маршрут. – Кажется все нормально... А нет, не нормально. Вон, справа у домов Грибы растут. Да много-то как! Маски одеваем. И очки тоже.

Мы натянули намордники с респираторами, опустили на глаза очки с широким обзором. Я только сейчас заметил, что оправа погнута и пошла трещиной прямо между глазами. Точно! Мне же вчера Урод по голове когтями прошелся, видимо очкам тоже досталось. Но, в принципе несильно, вскользь, герметичность вроде не нарушена. Блин, вчера! Как будто неделя прошла! Насыщенные событиями дни начались у нас, нечего сказать. Теперь еще и Грибы...

В принципе, ничего страшного, если близко не подходить. По сути – это, конечно, никакие не грибы, а шары из неизвестного вещества, наполненные чем-то типа спор. Разме-

ром, примерно, от тыквы до колеса трактора Беларусь. Растут гроздьями, принимая цвет поверхности, за которую цепляются. Для опытного человека опасности практически не представляют, он их всегда заметит и стороной обойдет. А вот неопытный может и влететь в неприметное скопище шаров, и ничего хорошего из этого не получится. При непосредственном контакте Грибы взрываются густым облаком спор, проникающих через любую одежду, и буквально в считанные секунды разъедают бедолагу до костей. Иногда могут шарахнуть и на расстоянии, просто если рядом окажешься. Тоже не очень хорошо. Споры быстро теряют свою атакующую мощь, но даже на излете могут, прицепившись к незащищенной поверхности кожи, привести к довольно неприятным последствиям.

Поэтому приказ Лешего защитить лицо был вполне обоснован. Грибов там много, идти будем близко, так что мало ли что...

Приготовились. Побежали. На расстоянии метров шести друг от друга рваными зигзагами. Слева проносились слепые окна хрущевок, справа – мелькал толстыми стволами великанский парк, нависая над головой карнизом из переплетенных сучьев и мерзких куколок. Мы изо всех сил старались не наступать на раскиданные вокруг обломки сидений, но получалось не очень. Слишком плотным ковром они усеивали асфальт. Периодически раздавался сочный хруст трескавшегося пластика, далеко разносившийся в ватной тиши-

не. Я думаю, именно это и послужило причиной событий, произошедших далее.

Ох, не зря! Не зря мне сразу эти куколки не понравились. С самого начала, наверное, подсознательно ждал, что придется все-таки узнать, кто там в них прячется. Больно уж противно они изгибались и дергались, чересчур отталкивающе выглядели. Так что, наверное, слишком просто было бы для нас, простых аквариумных рыбок, пройти или проплыть мимо такого чуда без приключений. Большой Брат такого не допустит!

Когда до конца парка оставалось метров семьдесят, я уловил впереди стремительное движение. Один из коконов быстро опускался вниз, как десантник с вертолета. Лиана, на которой он висел, сильно растянулась, став тоньше человеческого пальца. Раздался характерный треск, как будто рвали плотную материю, поверхность кокона перечеркнул косой разрез, из которого высунулась костяная конечность, похожая на лезвие сельскохозяйственной косы, и одним ударом перерубила пуповину, соединявшую кокон и высокую крону дерева. В процессе преодоления в свободном падении оставшихся до асфальта восьми метров, новорожденный малыш успел полностью освободиться от своих одежд и, ударившись о землю, предстал перед нами во всем своем первозданном великолепии.

Размером с человека, но больше похож на крупную собаку, типа дога, так как, выпрямившись, он встал на все че-

тыре конечности. Конечности эти были довольно забавными. Передние – похожи на руки; вполне человеческие плечи с развитыми дельтами и бицепсами, но после локтя вместо предплечий и кистей рук были эти самые косы. Длинные, около метра; с внешней стороны – широкий костяной гребень, сужающийся к концу, с внутренней – острое зазубренное лезвие. А вот задние ноги больше подошли бы собаке. Коленный сустав вывернут в другую сторону, бедра – мощные, а голени тонкие, без икроножных мышц. Но самое веселое то, что заканчивались они нормальными людскими ступнями. Когтистыми, конечно, большими, но точно не собачьими. Как все это работало в плане биомеханики оставалось только догадываться. Впрочем, сейчас увидим... Горбатая спина туго обтянута белесой кожей, так, что видно строение каждого позвонка, шея отсутствует, голова вставлена прямо в мускулистый торс, вместо ушей небольшие отверстия. Лица нет. Ни глаз, ни носа, ни рта. Хотя последним вполне могла являться длинная щель от уха до уха, обрамленная, словно губами, мясистыми складками в несколько слоев.

Все это представление, включая спуск с высоты, подъем на ноги и разворот к нам, заняло считанные секунды. Мы с Лешим успели только затормозить и поднять оружие, когда тварь, разинула рот, а это действительно был он, огромный, заполнивший всю плоскость лица и усеянный несколькими рядами зубов, тонко заверещала на невыносимой, режущей

слух частоте, и, низко прижавшись к земле, атаковала. Скорость у нее была бешенная. Она металась слева направо, уворачиваясь от автоматных очередей, движение размазывалось в глазах, пули уходили в молоко, а тварь стремительными зигзагами приближалась. Я попробовал бить с упреждением, поворачивая ствол и стреляя против хода ее прыжков. Вроде несколько раз попал, но в итоге, завалили мы ее в самый последний момент, практически в упор, когда она уже летела к нам в решающем броске, крест на крест замахнувшись обеими косами. Мы отскочили назад, а место, где мы только что стояли, прочеркнули сверху вниз и воткнулись в асфальт, погрузившись в него аж до середины, два страшных костяных острия. Даже сдохнув в прыжке, зверушка довела до конца свою убийственную атаку. Так что, останься мы на месте, трупов было бы три, а не один. Но мы на месте не стоим, мы бежим, бежим, бежим... Так вроде когда-то пели дети на утреннике в детском саду в однажды померещившейся мне жизни...

Тварь, буквально нашпигованная пулями, застыла перед нами на коленях, словно в молитве, выставив наверх горбатую спину. Голова, простреленная в двух местах, уткнулась пастью в пыльный асфальт. Из-под нее тонкой струйкой текла желтоватая слизь. То ли мозги, то ли слюни... На затылке через облезлую кожу проступала бледная татуировка в виде штрих-кода. Мда...

– У меня в магазине одна пуля осталась, – заявил Леший.

– А у меня вообще пустой, – ответил я, перезаряжаясь.

– Пипец! Два магазина на одного козла угробить!

– Скажи спасибо, что этот козел нас не угробил. Мне кажется – вполне мог...

– Я имею ввиду, что такими темпами до дома патронов точно не хватит. – Леха посмотрел вверх. – Сейчас еще парочка таких спустится и кирдык...

Зря он это сказал. Сзади нас, метрах в пятидесяти, заскользил вниз еще один десантник, следом, чуть ближе, второй.

Мы молча развернулись и со всех ног бросились к краю парка, наплевав на хруст пластика под ногами. Тихариться уже не было смысла. Недавняя стрельба наших автоматов раскатилась далеко по всему району, так что имеющие уши, да слышали точно.

За спиной послышался треск разрываемых коконов, визг на пределе инфразвука и частые удары костяных ног по асфальту. Твари бросились в погоню. Я оглянулся и понял, что убежать от них примерно тоже самое, что пытаться уехать на копейке от Феррари. Трудноразличимые в беге чудовища уже вдвое сократили наше преимущество в дистанции.

– Гранаты! – заорал Леший.

Точно! Что же я все время про них забываю? На бегу выхватил приятно тяжелое зеленое яйцо, отогнул усики, выдернул чеку, зацепив за крючок на бронезилете, развернулся, метнул. Метнул, надо сказать, очень и очень удачно. Эти

быстроногие граждане умели уворачиваться от пуль, но про гранаты им, похоже, еще никто не рассказывал. Рвануло прямо под одним из них. Белесое тело распластало в воздухе. Оторванная коса, вертясь, как лопасть вертолета, улетела в темные дебри парка, а голень вместе с когтистой ступней ушла вертикально вверх метра на четыре. Остальное грузно упало на землю и застыло. Очень хотелось бы верить, что навсегда. Второй преследователь, бегущий чуть позади, успел среагировать, высоко отпрыгнув в сторону, словно напуганная кошка, но и ему досталось осколками. Приземлился на землю он довольно коряво и явно был немного контужен. Водил головой вправо-влево, открывал и закрывал свою огромную пасть. Не дожидаясь пока он очухается, я кинул вторую гранату, перехватил автомат в правую руку и побежал догонять Лешего, успевшего наконец миновать этот долбаный парк и бегущему уже вдоль первой двенадцатиэтажки.

Позади громыхнуло. Я оглянулся через плечо и выматерился. Целый и невредимый зверь размытой тенью мчался за нами, быстро сокращая расстояние.

– Леший! – закричал я. – Страхуй, мать твою!

Тот тут же остановился, опустился на одно колено и начал садить по твари короткими тройками. Я, стараясь уйти с линии огня, принял правее, ближе к домам, снова обернулся и понял, что наш противник явно предпочел меня Лехе. Тварь пронеслась мимо моего напарника и была уже метрах в шести от меня, заноса свою костяную саблю для удара.

"Конец Егорке" – который раз за последний год промелькнуло у меня в голове. Я посмотрел вперед, ища место куда лучше прыгнуть, и вдруг увидел, что бегу прямо в Грибы, которые хитро окрасили себя в цвет кирпичной стены, на фоне которой росли. Причем не просто бегу, а прямо-таки вламываюсь в их заросли. Рефлексы сработали на автомате. Тело немислимым рывком на пределе возможностей связок и мышц дернулось влево, стараясь отпрыгнуть как можно дальше от здания. Доли секунды спустя сзади раздалась серия негромких хлопков и дикий визг преследовавшей меня твари. Она влетела в Грибы вместо меня.

Да. Везучий я сегодня.

Пока чудовище билось в густом облаке спор, я на четвереньках отполз подальше, а подбежавший Леший спокойно, как в тире, начал расстреливать кадавра.

Скоро все кончилось. Тварь застыла мертвой кучей среди медленно опадающей жгучей пыли, причем было видно, что никакого существенного урона она ей не принесла. Просто временно дезориентировала. Ну, логично. Они же все из одной организации... Зато автоматные пули сделали свое дело на твердую пятерку. Несколько следов от их попаданий чернели на груди твари и еще парочка – на морде, прямо над закрывшейся наконец пастью, словно два злобных несимметричных глаза.

– На тебя не попало? – повернулся ко мне, Леший.

– Нет вроде, – сказал я, тяжело дыша, – Глянь на лице.

Он подошел, придиричиво рассмотрел шлем, очки и маску, показал большой палец.

– Погнали отсюда на хрен, пока остальные не проснулись.

– Подожди. – взмолился я. – Дай хоть минуту отдохну...

– В морге отдохнешь! – отрезал мой добрый товарищ. –

Итак время сколько просрали, даже километра не прошли.

Снова бежим. Заросли Грибов остались позади. Мелькают справа и слева покинутые жилые дома, кусты и деревья, к счастью, обычные. Голые, кривые, но нормальных размеров и без украшений. Иногда по затылку царапает чей-то взгляд, словно новые хозяева квартир наблюдают из-за занавесок за бегущими мимо людьми. Бегущими непонятно куда и непонятно зачем. Это больше не их мир, не их Город. Зачем бежать, стрелять, выживать, страдать, бороться? Ведь можно просто успокоиться, покориться судьбе, принять это бытие, соединиться с ним, став его частью. Нет. Не хотят. Держатся за какую-то призрачную, ими самими придуманную, соломинку, зная, что все равно рано или поздно она оборвется. Не будет в этой жестокой сказке счастливого конца... Но все равно бегут.

Наваждение прошло. Интересные ощущения – взглянуть на себя со стороны глазами какой-то твари. Интересные и неприятные. Я наконец продышался, вошел в нормальный ритм и, чтобы как-то отвлечься от навеянной извне тоски, спросил у Лешего:

– Лех, как зверушку-то назовем?

– Не знаю, – откликнулся он. – Может – Горбатый?

– Да они тут через одного все горбатые. Я предлагаю называть Десантником.

– Не-е, – протянул Леший. – За десантуру обидно. Таким словом говно всякое называть... Давай, может, Косарь? Они же с косами.

– Тогда лучше – Косяк.

– Точно! – хохотнул он. – Напороли мы с тобой косяков, Егорка! Целых три Косяка...

Притихли. Дальше бежали молча. Веселье быстро улетило. Все-таки давит здесь невыносимо. Будто кто-то сидит на плечах, сжал голову здоровенной пятерней, а другой рукой перебирает натянутые до предела струны нервов. Плохое место. В этом Городе, конечно, все места плохие, но это – просто отвратительное.

Без происшествий миновали следующий квартал. Слева стояли облезлые двухэтажки, построенные после войны пленными фашистами, справа располагался частный сектор. Мелькали кривые заборы, неказистые домики, мертвые яблони, вишни. Мы словно оказались в прошлом веке. Наверное, если бы Карибский кризис в свое время пошел по-другому сценарию, все вокруг могло выглядеть именно так. Впечатление вселенской катастрофы еще больше усугублял детский трехколесный велосипед, брошенный посреди дороги.

Мы свернули направо, пробежали еще один такой же квартал и наконец добрались до первого определенного нами

пункта маршрута – проспекта Юных Комсомольцев. Остановились, поглядели, в сердцах плюнули и побежали дальше, искать другой путь на юго-запад.

Проспект представлял собой длинную пешеходную аллею, точнее даже сильно вытянутый парк, по обеим сторонам которого располагались односторонние проезжие части. Он тянулся по прямой километра полтора. Когда я просчитывал маршрут, то выбрал его именно из-за ширины и зеленой полосы посередине. Но тогда я не был близко знаком с новым видом деревьев и с живущими на них Косяками. И сейчас, добежав до проспекта, вместо зеленой пешеходной аллеи мы увидели стройный ряд пятидесятиметровых баобабов с висящими коконами, уходящий в туманную даль.

Матерясь, побежали дальше. Самым плохим было то, что этим путем мы не приближались к Сараю, а двигались параллельно стадиону, не сильно от него удалившись. А я лично хотел, как можно скорее оказаться подальше от Сталелитейщика, так как увиденное мною в бинокль не давало покоя.

Следующей улицей, ведущей в нужном нам направлении, должна была быть вроде – Симферопольская. Но до нее еще надо было добежать. Время шло, утро кончилось, зверье начинает вылезать из своих нор.

"Мы так дней пять будем домой добираться, – подумал я. – Если, вообще, найдем, где ночевать".

Частный сектор кончился, по бокам возвышались вполне современные девятиэтажные дома, по небу вдруг побежали

низкие темные тучи. Ну, это мы уже проходили... Справа замячила стройплощадка. Недостроенный монолит возвышался над окружающей застройкой сеткой железобетонных колонн и плоскостями перекрытий. Бросили строить этаже на двенадцатом. Колонны сиротливо смотрят в небо проржавевшими выпусками арматуры. Стены выложены керамзитобетоном до пятого этажа. Оконные проемы – пустые. Высоченный китайский башенный кран прикрученный к каркасу, уронил стрелу на последнее перекрытие. Получилось что-то вроде большой шестидесятиметровой буквы Л.

Я в этих кварталах ни разу в жизни не был. Незнакомое все, как будто, действительно в другом городе. Это же надо было такими везучими оказаться! Укрыться именно в том здании, которое переместил период. Да еще в такую жопу переместил! Хотя, с другой стороны, хорошо что хоть, на самом деле, не в Казани. Или еще где-нибудь. Например, в Москве. Там небось, вообще, такое творится, что туши свет. Здесь-то, всего в пятнадцати километрах, все другое, баобабы эти, Косяки, Уроды с ружьями, а там – столица все-таки... Интересно, кто в Кремле сейчас заседает?

Слева впереди мелькнуло что-то яркое, красно-зеленое. Шестерочка! Куда ж без нее. Одна из основ местного мироздания.

– Давай правее, – бросил через плечо Леший. – Обойдем ее на хрен. Территория чужая, кто его знает, что тут за население.

Согласен. Могут начать стрелять без разговоров. С другой стороны, можно попробовать выйти на контакт, попроситься переночевать. Не совсем же озверел еще народ.

Спустя пару минут, я понял, что ошибался. Озверел. Со всем.

Сначала забеспокоился Леха. Меня только-только где-то на краю сознания начало пробивать нехорошее предчувствие, а он уже всю крутил башкой по сторонам и тихо матерился.

– Опять пасут, гады! – наконец сказал он. – Не дадут нам сегодня отсюда уйти...

В подтверждение его словам со стороны Шестерочки раздалась оглушительная очередь. Вокруг засвистело, стена здания, вдоль которого мы двигались, взорвалась брызгами штукатурки и кирпичной крошки.

– На стройку! – скомандовал Леха, и мы, пригнувшись, ломанулись прямо через кусты к стройплощадке. Бежали быстро, под ноги не смотрели, все равно за ветками толком ни Гвоздя, ни Грибы не разглядеть. Тут уж, терять нечего. Нарвемся – значит судьба такая. Сзади опять начали стрелять. Все мимо. Несколько раз срубило сушняк слева, но довольно далеко от нас. большей частью пули проходили выше. Вот, бараны! По ходу, только увидели и сразу стрелять! Ни позицию не заняли, ни в кольцо не взяли...

Мы ворвались на огороженную территорию стройки, по деревянному трапу поднялись на первый этаж, где тут же

обнаружили лестничную клетку. Леший уверенно кинулся к ней. Добежали до пятого этажа, заняли позиции у проемов метрах в шести друг от друга. Застыли.

Тишина. Слышу только свое сердце.

Я огляделся. Здание длинное, видимо – офисник. Ширина – три пролета, метров восемнадцать. Перегородок нет, только лес колонн и вертикальных диафрагм, просматривается практически весь этаж. Метрах в сорока – еще одна лестница. Ее надо будет тоже контролировать. Могут и оттуда зайти. Кто интересно на нас напал? Те, со стадиона? Не, ну на хрен! Мне их вспоминать даже страшно... Хотя те товарищи, я думаю, мимо бы не стреляли. Завалили бы двумя пулями и все дела.

Леший выпрямился, осторожно глянул вниз. Долго осматривался, потом что-то увидел, хмыкнул, показал мне рукой: глянь типа. Я тоже выглянул в свой проем. Обзор с высоты пятого этажа был неплохой. В направлении, указанным Лешой, я увидел метрах в восьмидесяти от нас во дворе девятиэтажки трех человек в армейском зеленом камуфляже от Юдашкина, прячущихся за трансформаторной подстанцией. От кого они прятались, я не понял. Мы смотрели на них сбоку.

– Вон, по улице еще идут, клоуны. – громко прошептал Леший. – Нас потеряли, теперь найти не могут...

По проезжей части, рассредоточившись, медленно шли, вода стволами калашей по сторонам, еще четверо таких же

военных. Вот мы тут наряжаемся, кто во что горазд! То пожарные, то фсбэшники, то солдаты. Ментов только не хватает. Короче, кто к какому складу ближе оказался, тот тем и нарядился. Не до моды сейчас.

Леха, тем временем, обнаружил еще четверых непосредственно около входа в Шестерочку. Неслабая компания! Одиннадцать рыл! Это они за продуктами такой толпой ходят или специально на нас охотятся?

– Ну что, Егор? – спросил Леха, мне не было видно его лица за маской и очками, но я был уверен, что он кровожадно улыбался. – В принципе, больше половины мы с тобой сейчас секунд за десять выьем. А остальные пока сообразят, откуда по ним шмаляют, пока поймут, куда прятаться... Короче, шансы хорошие. Или беседовать будем? Только заметить, они с нами говорить не захотели. Сразу долбить стали.

– Ну так это же их территория. – Я до сих пор толком не привык, что мы теперь не только со зверьем воюем, но и с другими людьми тоже. – Может просто свалим по-тихому?

– По-тихому уже не выйдет. Вон еще двое дальше по улице. По любому заметят. А ждать, пока они уйдут, тоже не с руки. Может они тут до вечера тусоваться будут, у них то, я думаю есть, где ночевать...

– Ты однозначно предлагаешь воевать?

– С тобой советуюсь. – ответил он. – Патронов у нас маловато для затяжного боя. Да и в людей стрелять... Ладно на войне, но здесь, когда вокруг одна нелюдь. Хрен его знает,

стремно как-то.

– Может попробуем все-таки пообщаться. Пострелять всегда успеем – предложил я.

– Успеем... – было видно, что Леший в сомнениях. – Просто – одно дело сейчас стрелять, когда они все как на ладони, другое дело себя обозначить, а потом выцеливать их по углам... Ладно, хрен с тобой. Давай поговорим. Тогда, если они совсем неадекватные и воевать начнут, твои – те, которые во дворе, мои – на улице. Остальных потом по ситуации разберем.

Он сел, прислонившись спиной к простенку, снял с лица респиратор, набрал в легкие побольше воздуха и громко крикнул:

– Эй, молодежь!

В ответ ни звука. Охренели, наверное. По сторонам оглядываются.

– Мы просто мимо идем! – продолжил монолог Леший. – Домой возвращаемся! Нам ваш магазин вообще никуда не стучал! Давайте по-хорошему разойдемся, мужики! Тем более...

Его прервал множественный грохот автоматных очередей. Ребята в военном камуфляже по звуку примерно определили наше местоположение и тупо начали стрелять. Даже дослушать не захотели. Вот уроды!

Стена здания дрожала от вонзающихся в нее пуль. Я быстро прикинул в уме: вопреки сложившемуся мнению, пуля ка-

либра 5.45, выпущенная из автомата Калашникова, не пробивает насквозь стальной рельс. А керамзитобетонный блок толщиной четыреста миллиметров? Пробьет или нет? Сейчас узнаем...

Леший дал отмашку. Мы синхронно встали, высунулись из своих проемов, я справа, он слева, так, чтобы нас могли видеть только те, в кого мы стреляем, и начали воевать войну.

Ситуация во дворе немного изменилась. Двое военных, боковым шагом двигались ко входу в подъезд, а третий стоял там же, у трансформаторной. Все трое хаотично поливали огнем нашу стену. Я решил начать с самого смелого, который остался на месте. Положив левый локоть на подоконник, выпустил две короткие очереди. Есть контакт! Две пули в грудь, одна в голову. Не понял, был там на туловище бронежилет или нет, но шлема на голове точно не было. Даже отсюда было видно, как его башня дернулась от попадания и выпустила небольшое облако кровавой пыли. Дальше смотреть не стал, нырнул вниз и перекатился на два проема левее. И очень вовремя. Оставшиеся двое заметили вспышки и теперь уже били прицельно, выбивая куски стены у только что покинутого мной окна. Я снова встал, быстро нашел в прицеле обоих. В натуре, бараны, так и идут вместе, вы бы еще за руки взялись. Снова очередь, правый завалился набок, левый со всех ног бросился к подъезду. Я хотел добить и его, но что-то дернуло меня внутрь здания, и тут же откос

проема, из которого я стрелял, взорвался косо́й строко́й пулевых попаданий.

Блин! Кто-то четвертый был в этом дворе, видимо, немного левее остальных. Причем кто-то очень меткий, вон как плотно садит! А чуйка-то у меня заработала на полную! Адреналин, мать его...

– Что у тебя? – прорвался сквозь визг и грохот голос Лешего.

– Двое!

– У меня тоже! – короткая очередь. – Нет, трое! Что-то их как-то больше оказалось!

– Да я уж понял! – проорал я, пытаюсь высмотреть меткого засранца из первого проема. Не видел я его и все тут! Зато он меня видел. Стоило мне нагнуться, стена задрожала и меня засыпало бетонной крошкой.

Этаж простреливали уже с трех сторон. То ли окружить успели, то ли со стороны Симферопольской еще подтянулись. Пули с визгом проносились над нами во всех направлениях, попадали в колонны, в потолок, рикошетили. Стены дрожали без перерыва. Я снова выглянул во двор. Без изменений. Засели, гады, пристрелялись...

– Этажи меняем! – скомандовал Леха. – Ты вверх, я вниз.

Метнулись на лестницу. Леший побежал на четвертый, я поднялся на шестой. Здесь не успели заполнить пространство между наружными колоннами керамзитобетоном, выложили только несколько рядов под окна, высотой около

метра. Причем выложили неровно, получилось нечто вроде средневековых бойниц на гребне крепостной стены. Ну, мне это только на руку.

Я подполз к одной из таких бойниц, осторожно высунулся. Двор стал виден еще лучше, но мой главный противник так и не показался. Зато я увидел чувака, которых прятался около подъезда. В здание зайти он побоялся, стоял за декоративной стенкой, поддерживающей козырек входа. По этой стенке архитектор красиво разбросал прямоугольные отверстия разной величины, сквозь которые я видел кусок спины и лицо, сидящего на корточках бойца. Максимально прижавшись к левому углу бойницы, я переключил оружие на одиночный режим стрельбы, тщательно прицелился в область виска или уха, видневшуюся через отверстие, выбрал свободный ход спускового крючка, медленно выдохнул и выстрелил. За стенкой брызнуло красным. Я резко переместился к правому углу, одновременно включая автоматический режим, во все глаза пялясь во двор. Есть! Движение, а потом вспышка в густом кустарнике перед противоположным домом. Я отпрянул от бойницы, которую в следующий момент вдвое расширила меткая очередь, перекатился метра на три вправо, мысленно удерживая перед глазами точку, высунулся из другой бойницы и расстрелял остаток магазина в этот кустарник.

Лег, вжавшись в пол, ожидая ответной очереди. Тишина. Нет, конечно, не тишина; грохот вокруг такой, что, кажется,

трясется даже воздух, но конкретно по мне больше не стреляют.

Перекатился обратно, приподнял глаза над краем стенки. В кустарнике по-прежнему ничего не видно, а вот серый цоколь здания за ним забрызган чем-то красным. Явно не кetchupом. Укатал— таки я снайпера! А не хрен, потому что!

Перезарядился. Оставалась всего одна коробка. Посмотрел направо, в сторону Шестерочки. На проезжей части валялись три трупа. Вспышки сверкали у магазина и с улицы. Да, их явно больше одиннадцати было. Снизу донесся вопль боли, а потом трехэтажный мат Лешего. Я бросился к лестнице, с замиранием сердца скатился на два этажа, выскочил — живой! Левая рука безвольно висит вдоль тела, на пыльный бетон капает кровь, а он, уперев приклад автомата в стык плеча и груди, херачит с одной руки, как ни в чем не бывало. Увидел меня, дернул головой на противоположную стену:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.